

Любен Дилов

НА ПОЮЩЕЙ ПЛАНЕТЕ

Любен Дилов

НА ПОЮЩЕЙ ПЛАНЕТЕ

Перевод *Т. Митевой*
Редактор перевода *В. Полянова*

Любен Дилов

НА ПОЮЩЕЙ ПЛАНЕТЕ

София Пресс 1979

© Любен Дилов, 1977

c/o Jusautor, Sofia

© Перевод. Татьяна Митева, 1979

ЕЛЕНА ПРЕКРАСНАЯ

I

Что еще остается делать, как не смеяться, когда коллега внезапно перекувыркнется в воздухе, повиснет вниз головой, словно паук, и крикнет: „Человек за бортом!“ Особенно, если этот коллега — Акира, который все еще пытается время от времени рассмешить остальных.

Японец дрыгал в воздухе ногами, размахивал руками и все не мог ухватиться за что-нибудь, чтобы принять нормальное положение, если вообще можно принять нормальное положение в невесомости. Его беспомощные выкрутасы выглядели очень убедительно, но сама клоунада была уж очень стара. Поэтому двое других только ухмыльнулись, услышав его нелепый крик.

На борту их было трое, и они стоически терпели скуку месячного полета. Даже если бы кому-нибудь из них приспичило „упасть за борт“, сделать это было бы довольно трудно. Такого не случалось за все пятьдесят лет космических полетов после Гагарина. И крикнуть такое мог, конечно, только японец, который начинал свою карьеру на гигантских полукораблях-полусамолетах, что возят грузы через океан.

Однако Акира не унимался и продолжал махать то рукой, то ногой в сторону иллюминатора, разыгрывая бывалого моряка, хотя Санеев сказал ему: „Ладно, перестань!“ Гибсон, уверенно ступая в магнитных башмаках, подошел к Акире, чтобы помочь ему спуститься на пол. Он попытался схватить его за щиколотку, но японец снова лягнул ногой по направлению к иллюминатору. Потом ухватил Гибсона за плечо, извернулся и толкнул его к стене. Англичанин, — он чуть не расквасил нос о стекло иллюминатора, — отпрянул с полуиспуганным-полунедоверчивым „а-а-а!!“, неведомость приподняла его на полметра в воздух и швырнула прямо в объятия японца; они оба перекувырнулись.

Антон рассеяно посматривал на их парное выступление. Акира и Гибсон вместе работали год на Фобосе и часто затевали возню вроде этой, когда не умели по-другому выразить свою радость по поводу возвращения на Землю. Все фильмы пересмотрены, книги перечитаны, все игры сыграны тысячу раз, а спортивные упражнения не доставляют удовольствия, — это обязательная часть режима полета. Приборы показывают только то, что и должно быть на давно проторенной трассе, а Земля еще слишком далеко, и никаких передач поймать нельзя, приходится довольствоваться периодической связью с базой.

— Эн... Энтони!.. — пробормотал Гибсон, словно зовя на помощь, и тут Антон увидел между его растопыренных ног круглый зрачок иллюминатора. Он был не черный, а розовел фонарным светом Марса, к которому они были пока ближе, чем к Земле.

Какая-то тень дрогнула в глубине стеклянного глаза, который, казалось, уставился не в космос, а внутрь корабля. Барахтающиеся Акира и Гибсон

заслонили его. Потом, наконец, англичанину удалось схватиться за стену, и он пополз по ней, а Акира сидел у него на плечах, напоминая желтокожую птицу. Теперь этот глаз был черный, как и правый глаз кабины управления. Но его чернота была другая — плотная, не имеющая ничего общего с усыпанной мелким горохом звезд тьмой бездонного пространства.

„Спокойно!“ — сказал себе Антон и медленно отложил книгу прямо на воздух рядом с креслом, чтобы она не улетела. И повторил в уме это слово несколько раз, пока осторожно плыл к иллюминатору. Он еще не испытывал паники, хотя внезапное появление космического тела в такой близости, что оно закрыло весь иллюминатор, могло вызвать больше, чем панику. Откуда оно взялось, если вокруг не должно быть ничего крупнее корпускулярной частицы?

Японец высоким и резким голосом кричал: „Человек! Говорю, человек, я же видел!..“ Гибсон старался его перекричать: „Не пищи ты! Если бы человек, а то...“ — и делал в это время самое разумное: при помощи плавательных движений возвращался к пульта управления.

„По местам!“ — приказал Антон, хватаясь обеими руками за раму иллюминатора.

Стекло по-прежнему было полностью загорожено. Потом чернота немного отодвинулась. По бокам засветились два серпа — вроде лунных, один пошире, другой поуже. Это было сияние Марса. Незвестный предмет передвинулся в другую сторону, деформируя лунные серпы. Нет, он не просто прилип к кораблю и летел со скоростью его инерции. Он двигался сам по себе, то отставая от корабля, то нагоняя его. А это каждому, кто знаком с околоземным пространством, показалось бы чистейшим абсурдом.

Антон вздохнул всей своей мощной грудью, чтобы подавить спазму ужаса, возникающую где-то в желудке, и не дать ей подняться к голове. Он оглянулся. Гибсон уже сфокусировал экран наружных телекамер на левый борт. Продолговатая черная фигура выделялась на фоне его холодной серой массы, казалось, кто-то воткнул ее в бок кораблю. У нее были конечности, черные, тонкие, они очень походили на голые ноги негра. В следующую минуту фигура отделилась от корабля, и все трое увидели, что у нее есть и руки, от их глаз не укрылся совсем человеческий взмах, только он был гораздо более быстрым и резким, чем мог позволить себе разумный человек в безвоздушном пространстве. Однако положение тела осталось прежним. Потом рука снова потянулась к иллюминатору, — Антон увидел ее через плечо, — и все трое услышали, что она стучит по стеклу. Это, конечно, была чистая галлюцинация. Гибсон выругался, а японец что-то пропел на своем непонятном японском языке.

— Ну, что скажет командир корабля?— спросил англичанин. — Этот дьявол хочет, чтобы его впустили. Не больше и не меньше.

Антон сел рядом с ним. У него перехватило дыхание, что было не к лицу такому прославленному космонавту. Гибсон, приняв на себя часть обязанностей японца, довольно ловко управлял объективом камеры, и фигура теперь заполнила весь экран. Освещенное сквозь иллюминатор светом, идущим из корабля, тело блеснуло резиновой чернотой. Соразмерное по пропорциям, совершенно человеческое тело, только голову было плохо видно, потому что она все еще была прижата к иллюминатору. На человеке даже вроде бы не было скафандра, казалось, что он в легком водолазном костюме.

— Я вас слушаю! — произнес Антон. Это не походило на начало их обычных совещаний, в его голосе сквозила беспомощность.

— Связь с базой, — прохрипел японец, склонившийся над аппаратурой. Он безуспешно слал в эфир сигналы: „Корморан вызывает „Гагарина“, Корморан вызывает „Гагарина“...

Его товарищи смотрели на блестящую фигуру, впившуюся в их корабль, как пиявка.

— Спят эти скоты, что ли! — прохрипел Акира, добавив что-то по-своему; при этом в его голосе не было ноток традиционной японской любезности.

— Спокойно! — произнес Антон. Им наконец-то овладела привычная, неуклюжая в невесомости, однако тем самым внушающая большее спокойствие деловитость. Он перебрался к радару, который не мог поймать тело из-за слишком короткого расстояния. Проверил его исправность и начал педантично ощупывать невидимыми волнами окружающее пространство. Ничего! Как и вчера, как и позавчера, как и за все время полета на Фобос и обратно — ничегошеньки! Ладно, допустим, они налетели на труп, хотя на Земле никому не было известно, чтобы на этой трассе погиб человек. Допустим, что этот труп, неизвестно как, может двигаться — вразрез со всеми законами свободного падения тел в пространстве. Но почему же радар не засек его, когда они приближались к нему или когда труп приближался к ним? Почему не подал сигнала тревоги?

— Этот тип, наверное, представитель другой цивилизации, — почти истерически расхохотался Гибсон и снова перевел объектив камеры, чтобы увидеть всю фигуру целиком.

— А я-то не додумался, — прорычал Антон.

— Спят! Спят, идиоты несчастные! — проверещал японец. — Не дай бог человеку попасть в беду!

— Хуже беды я лично не могу себе представить! — сказал Гибсон и добавил свое неизменное английское ругательство.

Официальными языками международной программы освоения Марса и его спутников были русский и английский, но все трое больше говорили по-английски, потому что японец владел разговорным русским слабо.

Антон через силу улыбнулся:

— Нервишки, ребята! Томми, если я услышу еще одно ругательство... Как видите, он не собирается пробивать обшивку корабля.

Фигура, действительно, только держалась одной рукой, неизвестно как, за гладкую обшивку космолета, а другой время от времени терпеливо махала им. Но вот она оттолкнулась от иллюминатора и исчезла с экрана. Англичанин лихорадочно шарил в пространстве объективом камеры. Ему удалось поймать пару ног, которые преспокойно шагали по поверхности корабля, старательно обходя антенны, и исчезли на другой его стороне. Гибсон включил другую камеру, но пока он ее настраивал, плотная черная тень, — чернее космоса, — закрыла правый иллюминатор.

— Не-е-ет! — отчаянно закричал англичанин. — Ущипни меня, Эн! Дай мне по шее, ткни под ребро!..

Фигура плавала на экране внешних камер совсем как водолаз, который спокойно ощупывает корпус затонувшего корабля. Потом остановилась там, где находился выходной люк.

— Почему не отвечаете? — внезапно закричал японец. — Уже целый час вызываю...

— Спокойно, — прозвучал в кабине призрачный четвертый голос. — Спокойно! В чем дело?

— Человек! Человек за бортом, живой человек...

— Корморан, вы что, опять заскучали, — в голосе сквозил смех. — Говорите, что там у вас, вы у меня в космосе не одни.

— Говорю тебе, человек за бортом! — повторил морской сигнал тревоги бывший океанский штурман.

— А зачем вылез? Вы что, не можете взять его обратно?

— Не наш. Чужой человек...

— Дай-ка мне Санеева, — голос стал суше. — А вас накажем, так и знайте. Надоели ваши дурацкие шуточки. Ты знаешь, который у нас час?

— Да включи же изображение! — заорал японец так громко, что от собственного крика взмыл в воздух и повис над аппаратурой.

— Что это? — спросил голос немного погодя.

— Человек! — отозвался Антон со своего места. — Не видишь, что ли? Самый настоящий человек!

— Что значит — человек? Откуда ему быть? Да он, кажется, голый?

— Если бы мы знали, откуда, не стали бы тебя будить, — уже спокойнее сказал командир. — Майрон, это ты? Давай, буди там кого сможешь, и решайте, что делать...

— Да нет на трассе других кораблей! — воскликнул тот, кого Антон назвал Майроном. — Санеев, что это такое возле люка? Опять розыгрыши?

— И не задавай глупых вопросов, — оборвал его командир корабля. — Буди начальство! Не можем же мы его вечно держать снаружи!

— Так возьмите его к себе...

— Да ты что, еще не проснулся? Все, конец передачи! Акира...

Но японец и на этот раз проявил свою сообразительность. Им предстояли внеочередные передачи, и энергию надо было экономить.

— Ребята, — сдавленно сказал Антон, когда японец подплыл к ним. — Ребята...

Они подождали, что он скажет, но вопрос содержался в самом обращении. Они молчали. Да и что можно было ответить? Гибсон вытащил из кармана тубик, выдавил часть содержимого в рот и, проглотив, сказал:

— Энтони, браток, я выйду наружу.

— Ну, и что ты сделаешь?

— Скажу: „Привет!“, что же еще?

— Ребята, — повторил Антон. — Ребята, ведь не может быть, чтобы мы все трое свихнулись сразу, правда? И совсем одинаково. — Он с опаской повернулся к экрану, где маячила фигура, прилипшая к люку руками-присосками, и время от времени по-лягушачьи двигала ногами, будто плавала. — И научной фантастикой не увлекаемся. Вообще — трезвые, разумные чернорабочие...

— Хватит, что ты предлагаешь? — не вытерпел англичанин.

— Давайте помолчим пять минут, а?

Гибсон и Акира посмотрели на него, как на ненормального, но он уже, закрыв глаза, откинулся в надувном кресле, и они поняли, что сами не знают, как теперь быть. Им тоже захотелось помолчать с закрытыми глазами. Через несколько минут Антон впился в их окаменевшие лица испытующим взглядом.

— Ну?

— Что „ну“? — огрызнулся Гибсон. — Я свое сказал!

Японец чуть слышно произнес синеватыми губами:

— Пожалуй, мы сходим с ума! Мне уже голоса слышатся. Кто-то говорит: „Пожалуйста, откройте! Не бойтесь, я ничего плохого вам не сделаю!“

— По-японски? — поинтересовался Гибсон.

— Не знаю, — серьезно ответил японец.

— Если голос был женский, верю. Ты у нас известный эротоман.

Антон хрипло засмеялся:

— Я тоже слышал голос, Томми. Он сказал то же самое. Еще раньше слышал, потому и предложил помолчать пять минут, хотел проверить...

— Знаете, что, — искренне рассердился доктор технических наук Томас Гибсон. — Мне телепаты и психопаты еще на Земле осточертели, потому я и забрался на самый Фобос. Что ты хочешь сказать? Раз я не слышал никаких голосов...

— Успокойся, если кто и выйдет наружу, то только ты. Дело вот в чем...

Звуки позывного сигнала с базы сдули их с места, как ветер перья, разбросали по кабине. Антон первым вцепился в пульт, включил прием и узнал голос непосредственного руководителя их полета, который пытался влить в них спокойствие и уверенность.

— Что там у вас происходит, ребята? Давайте посмотрим...

— У вас же есть снимки, — сказал Антон.

— Ничего, дайте еще.

Этот голос все-таки подействовал успокаивающе. Акира начал телевизионную передачу. Показал сначала весь командный сектор, чтобы уверить руководство, что весь экипаж налицо, потом включил ви-

дезориентировались киджон, испуганных ими накануне, подключил внешние камеры к каналу связи с Землей.

— Я пошел! — громко крикнул Гибсон, очевидно, чтобы его услышали и на базе, то ли желая поставить руководство перед совершившимся фактом, то ли стремясь показать свою храбрость.

И поплыл к складскому помещению за скафандром. Антон не стал его останавливать. Что-то в этом роде надо было сделать, какие бы глубокомысленные предложения ни поступили с базы. Ничего угрожающего вокруг не было. Какая-то фигура, голая и беспомощная, просила приюта — это показывали приборы, об этом гворил голос, звуки которого невероятным образом отдались и в русском, и в японском мозгу. Разумеется, насколько можно верить и приборам, и собственному мозгу.

— Санеев, это ведь монтаж? — спросил уже менее спокойно руководитель полета.

Антон хотел разозлиться, но у него не было сил. Эта голая фигура и на Земле повергла бы в изумление, а здесь прямо парализовала своей чудовищной абсурдностью. За полвека полетов вокруг Земли и близлежащих планет не обнаружено никаких непредусмотренных чудес. А если чудеса и случаются, то такие, над которыми ахают только ученые соответствующих специальностей. Труженики космоса уже давно ничему не удивляются. Руководитель имел основания. Скучающие космонавты частенько мастерят из скафандров, одежды и всякой всячины разные создания, которые выдают за представителей других цивилизаций. Конечно, такие шутки они позволяют себе только с дежурными операторами и никогда не допускают чрезвычайных вызовов — это грубое нарушение устава.

— Раз вы мне не верите... — в голосе Антона прозвучала угроза.

Ему не дали договорить, потому что знали: он не из тех, кто сучает в космосе, и подобных шуток себе не позволит.

— Ладно, ладно! Проверь стерильность пространства вокруг корабля и забирай тело в шлюзовую камеру. Действуй по уставу! Через час выходи на связь.

Гибсон притащил все три скафандра. Они молча влезли в них, помогая друг другу, потому что пальцы у всех троих вдруг словно одеревенели. Все поглядывали на экран в надежде, что за это время неизвестное существо успело удрать. Хотя Акира и Гибсон не были профессионалами-космонавтами, как Санеев, а учеными, занятыми освоением Марса, у обоих хватало знаний и опыта для самостоятельных действий в космолете. И об уставе им можно было не напоминать.

Полчаса педантичной проверки скафандров. Теплоизоляция, герметичность, дыхательные аппараты, радиофонная связь... Долговязый, с несколько инфантильной физиономией доктор технических наук Томас Гибсон только раз женским голоском пропищал в шлемофоны: „Пожалуйста, пустите меня погреться! Я бедное невинное создание, мне двадцать лет, объем груди — сто пять сантиметров“...

Антон призвал его к порядку краткими, не терпящими возражений командами. Японец включил телевизионную камеру в шлюзовом помещении, Антон проверил давление. В шлюзе собралось уже достаточно воздуха, можно было открывать. Ему захотелось сделать что-нибудь в ознаменование исторического момента. Поэтому, как только Гибсон вручную открыл внутренний люк, он неуклюже охватил широкие плечи его скафандра. Однако англичанину не терпелось вый-

ти, и он не понял, что это было объятие. Плавно скользнув в шлюз головой вперед, он повис в воздухе и, слегка отталкиваясь руками от стен, добрался до внешнего люка. Антон выждал, пока он займет нужное положение, обвяжется канатом, чтобы можно было зацепить его крюком, потом сказал: „Закрываю“ и принялся загерметизовывать шлюзовую камеру. Он старался говорить кратко, чтобы голос звучал спокойно:

— Откачиваю воздух. Открываешь при нуле. Проверь еще раз канат! Повторяю: без разрешения не выходить! Высунешь наружу руку, если отпрянет, бросишь ему другой канат. Вообще не торопись, сначала посмотрим, что будет!

Воздух из шлюза уже стремительно возвращался в резервуар, стрелка манометра подошла к линии вакуума. На небольшом экране шлюзовой телекамеры шевелился призрачно освещенный криптоновой лампой, миниатюрный и неуклюжий, как жук, Томас Гибсон. Он ощупывал крепление на поясе, в который раз проверял замок на другом конце каната, возле люка. От его тяжелого дыхания в шлемофонах потрескивало. Антон еще раз посмотрел на показания пылеуловителей и приборов, регистрирующих излучения. Все в пределах нормы. На большом экране он увидел, как фигура по ту сторону люка чуть подвинулась в сторону, словно догадалась, что его будут открывать, и чтобы отогнать охватившую тело мистическую дрожь, начал громче, чем нужно, считать:

— Девяносто девять, девяносто восемь, девяносто...

— Не ори так! — крикнул Гибсон. — Барабанные перепонки порвал. Что он там делает?

— Ждет тебя, — Антон кашлянул, чтобы прочистить горло. — Девяносто четыре, девяносто три...

Он не заметил, что перескочил через три числа, а Гибсон не стал возражать. При слове „ноль“ он ухватился за рычаги герметизирующего механизма с такой стремительностью, будто собирался куда-то бежать сломя голову.

— Спокойно, Томми! — предупредил его Антон, впившись взглядом в экран шлюзовой камеры. Миниатюрный Гибсон открывал наружный люк нарочито медленно, просто нервы не выдерживали, до чего медленно.

— Ты понимаешь, что мы делаем? — спросил японец.

Антон неуклюже помотал правой рукой. Он, конечно же, понимал, но только теперь со всей ясностью осознал всю легкомысленность этого решения. Едва ли в космосе было что-нибудь уязвимее их корабля. Защитные силовые поля, лазерные и аннигиляционные орудия, сверхсветовые скорости пока существовали только в фантастических фильмах и романах. Это был тяжеломаневренный космолет-тягач, рабски зависимый от орбитальных законов и скудных запасов топлива, бессильный перед метеоритами покрупнее, непригодный даже для посадки на Землю. Трижды в год Антон Санеев поднимался к нему на ракете-лифте и вместе с двумя-тремя инженерами отлаживал системы, заряжал топливом с орбитальной станции. Затем, после довольно сложных маневров, они брали на буксир два огромных транспортных контейнера, также нагруженных на орбите питанием и оборудованием для исследовательских станций, и доставляли их на внутренний спутник Марса. Там выводили их на орбиту, сцепляли пустые контейнеры, оставшиеся с прошлого раза, ракета-лифт с Фобоса привозила отпускников вроде Гибсона и Акиры и забирала их заместителей. После этого они отправлялись в обратный путь. А теперь

Антон Санеев открывал двери своего ненадежного дома перед неизвестностью только потому, что в них стучалось существо, похожее на человека!

Только поэтому? Но ведь с базы их заверили, что на трассе, кроме них, никого нет и что между Землей и Марсом никто никогда не терялся. А этот „человек“, похожий на голого негра или облаченного в неопределенный костюм легководолаза, плавал себе в космическом холоде и безвоздушном пространстве, не имея даже фляги с кислородом. Как пустить такого в свой дом только потому, что он шепнул тебе: „Пожалуйста,пусти меня!“ Чего только не нашептывает измученный мозг человеку, когда он истощен несколькими месяцами труда во времени, которое словно остановилось, и пространстве, где все выглядит неподвижным, а собственные движения похожи на сон! Не голос ли это древней тоски по встрече с другими мыслящими существами? Двадцатилетняя, разорительная по своей дороговизне программа охоты за сигналами воображаемых цивилизаций не принесла результатов, и ученые отказались от дальнейших попыток. Только научные фантасты не отчаиваются, потому что, в конце концов, это их хлеб, но подлинные космонавты запрещают себе даже думать о подобных фантазмагориях, чтобы уберечь себя от галлюцинаций и эйдетических видений во время полета.

— А что бы сделал на моем месте ты? — спросил Антон Санеев, и ответ японца отозвался в ушах бумажным шелестом:

— То же самое. Меня успокаивает, что нам так легко приказали взять его к себе.

Он проверил, наверное, в десятый раз, работает ли аппаратура записи. Приготовил бронированные кассеты, чтобы тут же убрать в них заснятые пленки,

положил рядом новые фильмы. Все это он делал почти не глядя: лицевое стекло его шлема было повернуто к экрану шлюзовой камеры.

В полуоткрытом люке показалась миниатюрная негритянская рука. Гость не спешил входить, Томми тоже не торопился открывать люк. Он робко протянул руку в рукавице к руке пришельца, прикоснулся к ней, отпрянул, снова прикоснулся. Протянутая вперед рука чужака была неподвижна, словно эмблема миролюбия. На большом экране было видно, что так же неподвижно застыло и все тело незваного гостя. Черный посетитель демонстрировал недюжинное терпение...

II

Все его поведение говорило о том, что он знает, как подойти к людям, сидящим в своем углу корабля, и не боится их. А это означало, что он или знает людей, их возможности, или же в него вложена чисто человеческая программа поведения. Антон Санеев уже решил, что все это происшествие — не что иное, как пробное испытание для него, профессионального пилота, а может быть, и для его спутников. И потому молчал. Наверное, хотят проверить их готовность к выполнению какой-нибудь новой космической программы. А ведь, кажется, они с Акирой догадались! Акира правильно отметил — уж очень легко им приказали принять „человека“ на борт... Видимо, где-то поблизости находится космолет, один из тех, новых, что втрое быстрее этого, откуда управляют неизвестным для них изобретением — роботом, который должен проверить их поведение в аварийной обстановке с человеком за бортом. Смешно ду-

мать, что проверяют их готовность к контактам с другой цивилизацией.

Помимо всего прочего, у Антона Санеева за плечами — тридцать два полета на испытание новых кораблей, когда ему не раз преподносили „небольшие сюрпризы“ — запрограммированные в аппаратуре без его знания модельные ситуации. За каждой из пробных аварий, одна из которых продолжалась несколько часов и чуть не довела его до отчаяния, следовала похвала с Земли за то, что он справился отлично. Он отвечал на похвалы сдержанным рычанием, тонувшим в радостном смехе руководителей полета. Ему удивлялись: Ну и нервы у тебя Санеев! Давай, облегчи душу! Выругайся, как человек. Это полезно... Но все это в прошлом, а с нынешнем Антоном Санеевым, одним из самых прославленных пилотов космических кораблей, уже давно никто не позволял себе ничего подобного.

— Корморан, Корморан, почему молчите? Дайте изображение, Корморан...

Акира, шлемофон которого имел прямую связь с базой, подскочил, услышав знакомый голос. Засмотревшись на экраны, он забыл про условленный час. Он тут же подключил к ретранслятору обе телекамеры, которые теперь работали одновременно. Антон угадал его движения и спросил:

— Что они говорят?

— Если валяем дурака, вышвырнут с работы.

— А тебе не кажется, что это они валяют дурака?

— Я давно хотел тебе сказать, Энтони. Но как они это делают, черт бы их побрал? Если хочешь знать, я уже все радары истощил — кругом пусто! Был бы он телеуправляемый, мы бы обязательно засекли волну, я всю шкалу обшарил. Разве что с лупой не искали, но от двигательной аппаратуры ни следа. Я же кибернетик не

из последних, ты это знаешь, мне в общем-то ясно, что могла бы сочинить Земля в этой области... Смотри, смотри!

Гибсон, который тем временем крепко ухватился за протянутую руку и уже минут пять-шесть держал ее, осмелел и потихоньку начал тянуть ее к себе. В полудуге люка показалось плечо, потом последовало нечто шарообразное, черное и блестящее. Это нечто должно было быть головой и походило на слегка деформированный шар, величиной с баскетбольный мяч; фигура повернулась, пытаясь втиснуть и другое плечо, потому что Томми открыл люк всего на одну треть. В шлюзовое помещение всплыло на боку безупречное по пропорциям человеческое тело, всплыло и замерло спиной к экрану в метре с чем-то от пола.

Гибсон, как бы ужаснувшись, подался корпусом назад и в этом неудобном положении панически пытался закрыть люк. Его неистовое пыhtение раздавалось в обоих шлемофонах.

— Приказания? — спросил Антон.

Голос японца дрожал от напряжения, которое излучал маленький экран шлюзовой телекамеры.

— Стоят на своем. И пугают.

— Ничего, мы будем делать свое дело. Но если это цирк, скажи им, что сразу же по возвращении подам в отставку. Пускай не воображают, что меня можно тренировать на таких бездарных номерах,

Тело в шлюзовой камере с рыбьей легкостью устремилось к полу, и командир забыл спросить Акиру, передал ли он его слова. А кибернетик их не передал, онемев от восхищения перед чудом техники. Робот всего на несколько секунд задержался в новом положении, потом плавно подобрал колени к животу и элегантно перевернулся, как гимнаст, делающий заднее сальто,

прыжок которого демонстрируется в замедленном темпе. Здесь замедление шло от невесомости, но вот, невзирая на нее, ноги снова вытянулись, достали до пола и уверенно встали на всю ступню. Человек не мог бы сделать это с такой легкостью без опоры. Робот помахал застывшему у люка Гибсону рукой, и этот жест был похож на шутливо-ироническое приветствие.

— Скажи что-нибудь! — раздался в шлемах рев англичанина.

— Смотри и жди! — отозвался Антон.

— Я не тебе.

— Не нервничать, Томми! Если он может говорить, заговорит. Надо думать, на языке туманности Андромеды...

— Оставь остроты на потом! Что мне делать?

— Потрогай его! — сказал Антон и задохнулся, словно ему самому предстояло коснуться этого черного резинового тела, изящные линии которого не имели ничего общего с функциональными параметрами человекоподобных роботов, которых использовали на испытаниях самолетов и автомобилей. Это мог бы быть негр-манкен, снятый с витрины, если бы вместо головы у него не торчал черный баскетбольный мяч.

Англичанин был не из пугливых, но его приближение к пришельцу выглядело на экране более, чем робким. Однако при первых же его шагах гость подпрыгнул, подлетел ему навстречу, обхватил обеими руками громадные плечи Томми и повис на нем.

— Томми, это объятие, — развеселился Антон, окончательно уверившись, что им подбросили робота. — Смотри, не разревись. И не лезь целоваться, вдруг у него гнилые зубы.

— Соединяю тебя с базой, — услышал он в шлемофоне голос Акиры. — Шеф ударился в панику...

— Санеев! — перебил его гневный окрик. — У вас что, другого дела нет, как разыгрывать спектакли? Вам полагается...

— И это тоже входит в номер? — спросил Антон. — Акира сказал тебе, что он мне кажется весьма низкопробным? Бедновата у вас фантазия...

— Да вы что, с ума сошли? Сейчас же прекратите! Выключайте передачу! Без батарей хотите остаться?

— Ладно, раз не желаете смотреть на собственное представление — не надо...

— Слушай, ты как разговариваешь?! — голос в шлемофоне перешел на визг, но тут же осекся, в нем послышалось сильное беспокойство. — Антон, да ты здоров? Вы здоровы? Что у вас происходит?

— Выключай! — разозлился Санеев, и японец прекратил телепередачу, отпрапортовав по радио:

— Говорит Корморан, на борту все нормально. Как вы сами видели, у нас происшествие. Пока опасности не предвидится. Следующий сеанс в положенное время. Конец!

Миниатюрные фигурки на экране замерли в нелепом объятии, словно собирались провести таким образом остаток своих дней. Антон ухмыльнулся японцу. Акира решил подмигнуть ему в ответ, но мясистые азиатские веки не были приспособлены для этого европейского способа общения. Он с трудом прикрыл веки, тут же глаза его опять распахнулись и уставились на экран.

Неуклюжие пальцы Гибсона словно наощупь считали невидимые ребра черного гостя. Кибернетик подкрутил объектив, и оба ясно увидели, что кончики скафандровых пальцев слегка погружаются в неожиданно мягкую, словно подлинная человеческая плоть, черноту.

— Интересно, из чего его смастерили? — восхищался кибернетик. — Просто невообразимо! Мне бы тоже хотелось его потрогать...

Пришелец словно услышал его и повернул свой баскетбольный мяч другой стороной к объективу телекамеры. Там тоже ничего не было — ни глаз, ни носа, ни какого бы то ни было другого отверстия. Он снял правую руку с плеча Гибсона и безошибочно указал ею на дверь командного отсека.

— Хочет войти, — шипло сказал Гибсон.

— Это он тебе сказал?

— Эн, перестань! Что на тебя нашло? Ну, пускай это модельное положение, все равно ты должен вести себя так, как положено командиру.

Это подействовало. Антон пошевелился во вдруг ставшем неудобным скафандре, заставил себя задуматься над тем, что делать дальше. Такой быстрый допуск чужеродного тела на корабль был нарушением устава, первая черная точка в тесте уже была поставлена. Что сделано, то сделано, но пустить в кабину эту штуку он не имеет права.

А до каких пор держать его в шлюзе? Томми не может сидеть там до бесконечности. В шлюзе полно баллонов с кислородом, но англичанин потеряет силы от истощения. Пустить воздух в шлюз и забрать Томми — вторая черная точка: почему не обеззаразил камеру со всем, что в ней было? А начнешь обеззараживать, Томми придется просидеть в ней два-три часа. Есть еще вариант — откачать воздух из командного сектора, забрать Томми, а потом обеззараживать весь корабль, но опять-таки неизвестно, станет ли робот тихо и мирно сидеть в шлюзе. При его прыткости он мог первым полезть в кабину. Да, модельная ситуация, или номер, как продолжал называть ее Антон, хоть и бездарна, а

сыграть ее нелегко. Уже на этом этапе она требовала решений, которые могут быть оценены как ошибочные. И кто знает, чем еще их удивит робот, раз он такой совершенный, простым визитом он вряд ли ограничится. В его программу наверняка заложено и нападение или попытка овладеть управлением корабля. В лучшем случае он начнет бормотать или писать что-нибудь непонятное: проверять, как они стали бы вести себя при первой встрече со внесезными существами...

— Энтони, говори, что ли! — прогудело в шлемофоне. — До каких пор мне тут сидеть? Я весь прово- нял...

Антон глянул на хронометр. Истекал второй час с той минуты, как англичанин очутился в шлюзе. Он сочувственно спросил:

— Обмочился, что ли?

— Вроде, — раздраженно ответил Гибсон. — Только не думай, что со страху! Сначала я в самом деле поверил, что этот тип — из другой цивилизации. А прокля- тый скафандр — то ли фильтры не поглощают, то ли шлем не изолирован, только и впрямь воняет. Или, может, этот резиновый тип...

— Забываешь физику, — отозвался Антон, все еще не в силах принять решение. — Ты же в вакууме, до тебя запахи не могут доходить.

Слово „вакуум“ подтолкнуло англичанина. Он поднял воздушный шланг, чтобы посмотреть по указате- лю, сколько воздуха осталось у него в баллонах. Тут черная фигура снова с пугающей быстротой закрыла экран. Она махала обеими руками: одна из них плав- ными движениями показывала на нижнюю часть баскетбольного мяча, туда, где у людей находится рот, другая описывала плавные круги. Потом она коснулась баллонов на спине Гибсона и сделала нечто, совсем

сбившее их с толку: показала в угол камеры, где хранились баллоны с кислородом. И опять постучала пальцем по мячу.

— Ты что-нибудь понимаешь? — сдавленно спросил Акира.

— Яснее ясного! — сказал Гибсон.

— Не выйдет! — вмешался Антон.

Голоса перекрещивались в треугольнике шлемофонов.

— Почему? — это спрашивал Томми.

— Легко поддаешься искушениям! — отрезал Антон.

Акира поспешил возразить:

— А может, ему требуется! Подумаешь, что такого, если...

— Снаружи обходился? Воздух, милый мой, иногда взрывоопасен, — напомнил Антон.

Баскетбольный шар на экране плавно покрутился на невидимой шее. Две черные ладони легли одна поверх другой на грудь, туда, где у человека находится сердце.

— Этот дьявол нас слышит, — заявил Гибсон. — Видели? Эн, пусти воздух. Если бы он хотел нас взорвать, так до сих пор... Я же его потрогал!

А японец все бормотал:

— Какой робот... нет... в голове не укладывается...

Ни при одном испытании Антон не ощущал такой сумятицы в голове. Резко запахло потом — то ли поглотители в его скафандре тоже не работали, то ли напряжение породило иллюзии чувств, какие-то миражи запахов. Как у Томми, храброго Томми, который вряд ли обмочился бы в объятиях куда более грозного существа. Зачем только он разрешил англичанину выйти? Можно было открыть люк автоматически, пускай робот входит, если хочет! Надо сказать, что с базы их

тоже подвели, подлецы: берите его, говорят! Да, придумано все же неплохо. Черных точек в тесте будет сколько угодно. Почернее дурацкого робота...

— Надо что-то делать, Эн, — голос Акир дрожал. — Не держать же его там до самой Земли!

Командир — вернее, его рука — импульсивно подчинился. Раз и кибернетик так считает... Он чуть быстрее, чем надо, повернул кран воздухопровода, стрелка манометра запрыгала. Антон вздохнул:

— Вам легко! Это все для меня подстроено... — и крикнул: — Томми, смотри не открывай шлем!

— Буд спокозн, — отозвался тот по-русски. — Пускай он сам сначала откроет свой мяч.

Гибсон, видимо, успокоился, а это примирило и Санеева с очевидным провалом экзамена. Он тоже воскликнул на родном языке:

— Ну, если он и впрямь его откроет, то дальше и вовсе некуда!

Робот как будто услышал их и на этот раз. Его руки почти торжественно потянулись к баскетбольному мячу. Черные пальцы ухватились за него снизу, задержались на нем и в ту минуту, когда стрелка манометра показала семьдесят два миллибара давления, мяч неожиданно лопнул. Сморщился, сложился и упал назад, как капюшон плаща.

— Матюшка мая! — крикнул Гибсон, неизвестно почему опять по-русски, но от его хладнокровия не осталось и следа.

За зеленоватым стеклом экрана в призрачном криптовом сиянии засветились недлинные, но довольно густые человеческие волосы.

— Матюшка мая! — повторил Гибсон, как в трансе. — Эн, вы видите? Или у меня галлюцинации?

Антон не ответил, потому что волосы медленно

заскользили вместе с невидимой шеей, и к экрану повернулось совершенно человеческое лицо. Белое лицо на негритянски черном теле. Это было явно женское лицо. Губы с измученной улыбкой пытались произнести какие-то слова. Глаза у японца стали круглыми по-европейски.

— Он гаварит! — кажется, Акира все еще считал, что это робот, или в панике перепутал род. Он повторил то же по-английски, снова употребив мужской род.

Губы, нежно очерченные и поразительно живые, продолжали подчеркнуто выговаривать слова, которых они не понимали, поскольку, околдованные видением, и не пытались понять. А Гибсон ничего не слышал, потому что был в скафандре.

— Нет! — в Санееве заговорил командирский рефлекс. — Не смей! — за призрачным очертанием женской головы он угадал жест Гибсона, потянувшегося к шлему. И тоже употребил мужской род. — Ощупай его еще раз!

Акира лихорадочно крутил вариообъектив камеры. Изображение на экране прыгало, расплывалось; потом вдруг увеличилось настолько, что стал виден только один блестящий глаз; его сменила какая-то взбухшая равнина со множеством кратеров. Они уставились на этот лунный пейзаж, не понимая, что видят кожу лица при стократном увеличении. Акира, наконец, нашел нужное фокусное расстояние, и в рамке экрана появилось лицо. С обеих его сторон, словно челюсти экскаваторных ковшей всплыли рукавицы скафандра. Лицо не дрогнуло, шевельнулись только губы, сложившись в веселую улыбку. Пальцы рукавиц скользнули по волосам, слегка надавили на белую плоть щеки, осторожно потрогали нос, согнулись, спустившись к

подбородку, покачали его вверх — вниз, и он им подчинился.

— Эн, что это? — простонал Гибсон в шлемофоне.

— Что ты меня спрашиваешь, ты же там, в камере!

— Эн, это... это человек!

— Да иди ты!

Пальцы усилили нажим и начали поворачивать лицо вбок. Оно подчинилось с той же негаснувшей улыбкой, в которой появился оттенок нетерпения.

— Эн, но ведь это... Это женщина!

— Должно быть, баба Яга, — отозвался Антон.

Он зажмурился, попытался привести в порядок свои мысли, но в шлемофоне раздалось странное заикание. Он открыл глаза — ситуация на экране изменилась. Там блистала белизной нагая человеческая спина с нежно очерченным желобком позвоночника, чернота отступала все дальше вниз, сначала открылась тонкая, гибкая талия, потом всплыл шариком по-девичьи небольшой задик, показались длинные конусовидные бедра. Руки, тоже длинные и округленные, безостановочно сдирали с тела черную кожу. Стянув, положили ее на пол. Босые ступни осторожно высвободились из кожи, руки поискали опоры в воздухе, но не нашли, и все тело беспомощно завертелось, будто вместе с черной оболочкой оно лишились прежней уверенности. Лицо опять заполнило экран, оно растерянно смеялось, — наверное, над непривычной, такой человеческой неуклюжестью в невесомости.

— Эн... Эн... ххочу об.. обратно! — договорил, наконец, заикающийся Гибсон.

Конечно, и для командира поопытнее Антона Санеева едва ли могло случиться что-либо абсурднее, чем внезапное появление на корабле голой девушки где-то в районе между Землей и Марсом. Такому испы-

танию не подвергался ни один пилот за всю полувековую историю космонавтики. Кибернетик Акира, который еще недавно восхищался необъяснимым для него совершенством нового робота, и вовсе язык проглотил, глядя на прелесть молодого и несомненно человеческого тела.

— Обними ее, что же ты! — Антон наконец засмеялся, потому что голая девушка никак не угрожала безопасности корабля.

Скафандр Гибсона был неподвижен, будто в нем было пусто.

— Исследуй ее, говорят!

— Эн... Эн... это сам дьявол!

— Конечно, он самый! Давай, тебе ли его бояться?

Скафандр на экране продолжал хранить неподвижность. Антон приподнялся в кресле пилота, готовый броситься в шлюз, и вновь опустился на сиденье. Рука его скользнула к крану. А что, если откачать воздух? Раз она столько времени пробыла снаружи безо всякого кислорода, в одной тонкой оболочке... Он убрал руку, потому что девушка вдруг резко повернулась, полягушачьи раскорячилась и тут же ухватила за англичанина, повисла на нем и потихоньку спустилась на пол. Очутившись на полу, она выпрямилась во весь рост — маленькая, хрупкая, доверчиво прислонившаяся к бронированной груди Томми. Англичанин дышал так, что шлемофоны, казалось, вот-вот взорвутся. Антона вдруг охватило безудержное веселье:

— Не бойся, через скафандр не изнасилует! Да и зачем ей мужик, который обмочился! Давай, браток, исследуй ее!

— Эн... — пропыхтел англичанин. — Я чего только не... Я ведь пять раз на Марсе...

— Знаю, знаю. Это приказ, понимаешь? Да ты что, девушек в жизни не видел?

— Какая же это девушка!

— А вот возьми, наконец, и посмотри, какая!

— Разве вы сами не видите?

Внезапный смех, загремевший в шлемофоне, оглушил Антона. Он не сразу понял, что смеется японец. А когда понял, когда преодолел свой страх за психическое состояние Томми, сам засмеялся над его забавным неподчинением приказу. И над своей растерянностью перед ошеломляющей картиной на экране, где гостя из космоса стояла рядом с громадным скафандром, как рекламная фотомодель. Улыбка, ставшая совсем искусственной, словно приглашала: посмотрите, как красиво и как беспомощно человеческое тело без скафандра! И потому немедленно купите новую модель скафандра фирмы...

— Я же говорю, баба Яга! — проговорил сквозь смех Антон. — Поищи хорошенько, куда она метлу девала! Больше ей не на чем прилететь.

Девушка не дала ему договорить — она отделилась от Гибсона, продемонстрировала на экране все великолепие своего молодого тела, показала рукой на внутренний люк, потом провела ею по бедру, демонстративно поежилась, а губы, трепеща, произнесли короткое, какое-то округлое слово. Вероятно, благодаря недвусмысленному языку жестов, это слово прозвучало как английское "cold". Если это человек, то он, действительно, не мог не продрогнуть в шлюзовой камере. И даже в командном отсеке.

— Не могу больше! — всхлипнул Томми. — Эн, сделай что-нибудь!

Антон же при виде только теперь открывшейся его взгляду красоты „баба Яги“, крошечной и нежной, как

эльф, как те сказочные существа, которые живут в венчиках цветов, зажмурился. Подавив новую волну страха, он тут же дал себе зарок после приземления уйти в отставку — такого хамства прощать нельзя! — и грузно затопал магнитными башмаками к люку. Покрутил рычаги, уверился, что японец тоже встал и стоит пригнувшись, готовый применить свой самый страшный прием дзюдо, и с торжественной плавностью невесомости открыл дверь.

Чудо, которое последовало вслед за этим, не было никаким чудом. Вернее, оказалось самым немислимым чудом, какое только возможно. Как в сказке, как во сне через дверь всплыло нагое женское тело. Не миниатюрная и потому нереальная фигурка с экрана, а женщина, которая мгновенно заполнила всю кабину своей потрясающей осязаемостью. Она выпрямилась, кивнула им, ухватила за стену и засмеялась. Засмеялась так, что оглушила их родниковым журчанием, хотя они все еще были в шлемах и слышать ее не могли. Потом она приподняла левую ногу, уперлась босой ступней в стену кабины, оттолкнулась и полетела бело-розовой грудью вперед, прямехонько к командиру корабля.

Антон рефлексивно — так они всегда помогали друг другу в невесомости — принял ее в свои объятия, но тут же расслабил мускулы, ощутив даже сквозь рукава скафандра ее податливую хрупкость. Гостя прижалась щекой к его груди, как раньше к Томми, который сейчас заглядывал в дверь, не смея войти. Антон скользнул рукой по гладкой крутизне голой спины, не ощутив сопротивления, захватил в горсть ее волосы и потихоньку начал тянуть, словно хотел их убрать подальше от себя. Голова послушно запрокинулась, открыв лицо. Но лицо уже не смеялось. Оно плакало. Плакало целиком —

мокрыми щеками, дрожащими губами, вздрагивающим подбородком, каплями, повисшими на ресницах синих глаз.

Он оглянулся на японца, на англичанина, увидел, что Гибсон открывает шлем, и не остановил его. У него не было сил произнести ни звука. Если бы не невестомость, он, наверное, упал бы. Нет, она была пострашнее самых страшных роботов из фантастических романов, а баба Яга была просто-напросто милой и смешной старушенцией. И он опять засмотрелся, как Гибсон мается со сложными застежками шлема, потому что не решался еще раз взглянуть в плачущее женское лицо.

Англичанин наконец стащил проклятый шлем — такого неуклюжего человека Антон Санеев в жизни не видел! — открыл лицо, заговорил. Девушка повернулась к нему, ее плач засверкал переливами летнего дождя, губы что-то быстро ответили. Она оторвалась от Санеева и снова бросилась к Томми, который на этот раз обнял ее скорее смущенно, чем испуганно.

Акира тоже снимал шлем, командир не остановил и его — он давно думать забыл и про обеззараживание, и про устав. А когда девушка, и плача, и смеясь, стрелой пролетела над пультом управления и уселась японцу на плечи, Антон тоже начал отвинчивать свой шлем. Он еще никогда не чувствовал себя таким неуклюжим. Это его разозлило и, освободив голову, он крикнул:

— Кончайте обниматься!

Томми повторил его приказ, корчась в припадочном смехе:

— Эй, Аки, кончай.

Японец и девушка кружились над аппаратурой в довольно бесстыдном из-за ее наготы танце. Антон приблизился и гневно стащил их вниз. Он не посмел до-

тронуться до девушки, а дернув японца, толкнул его в ближайшее кресло. Акира уселся, а гостя бесшумно приземлилась ему на колени. Устроилась поудобнее, перевела дух и сказала на безупречном английском языке:

— Ну, а теперь — добрый день!

— Как — добрый день! — вытаращился командир.

— Ну... добрый день! — озадаченно повторила она, не понимая, в чем ее ошибка. — А что еще я должна сказать? Хэллоу! Хау ду ю ду!

— Какие там „хэллоу“? Явились неизвестно откуда — и... „хэллоу“!

— Ох, устала! — грудь ее поднялась в тяжелом вздохе, но мокрое лицо продолжало светиться неподдельной человеческой радостью. — Измучили вы меня! В жизни не встречала таких трусливых мужчин!

— А вы со всеми встречаетесь таким образом? — мстительно поинтересовался Гибсон, но злился он больше из зависти, оттого что гостя продолжала сидеть на коленях у японца.

— О, нет! — простодушно отозвалась она. — Сейчас расскажу, все расскажу! Дайте передохнуть! Как вы только меня не обзывали — и негром, и роботом, и какой-то там бабой... А я — человек, обыкновенный человек!

Все трое переглянулись, потом уставились на нее и долго оглядывали ее с головы до пят, пока, наконец, смотреть стало уже невозможно, потому что они пересчитали даже веснушки на ее плечах. А ее нагота все так же сияла перед ними своей безыскусственной чистотой и наивностью, явно не сознавая себя наготой в присутствии этих вдвойне одетых мужчин. Гибсон опять пустил шпильку:

— А вот мы — не обыкновенные люди, мы космонав-

ты, и все-таки не можем разгуливать по космосу в резиновых комбинезонах.

— Меня зовут Элен Блану, — неожиданно представилась гостья, словно хотела доказать свою обыкновенность обыкновенным именем. — Я родилась в Ливерпуле, там же и выросла. Мой дед был француз, отсюда такая фамилия... Закончила отделение истории и археологии в Кембридже, но случилось большое...

— И вы отправились делать раскопки в космосе, — вставил Гибсон.

— Зачем вы так? Я вам так рада, я... — всхлипнула девушка.

Антон серьезно сказал:

— Затем, что мы не знаем, радоваться нам или... Вы — из нашего Центра?

— Пусть девушка отдохнет! — пропел Акира с нежностью осипшего от счастья кенаря, утопая в блаженстве, как в надувном кресле.

Гостья внезапно покраснела. Кровь прихлынула к шее, прилила к маленьким, будто изваянным рукой художника, грудям, яркими пятнами выступила на втянутом животе. Она вскочила. Антон забеспокоился:

— Что случилось? Может, с воздухом у нас...

Сделав чересчур резкий прыжок, она завертелась в воздухе, но тут же нашла точку опоры, метнулась за спинку кресла и присела на корточки.

— Дайте мне одежду! Я читаю ваши мысли, а от них не только покраснеть — сгореть можно!

Лицо японца стало похожим на апельсин, потому что желтый цвет в смеси с красным дает оранжевый.

— Мы серьезные ученые... — произнес доктор инженерных наук Томас Гибсон, но, кажется, он говорил и сам себе не верил.

— Знаю, — смущенно усмехнулась гостья и еще ниже

присела за спинкой кресла, так что была видна одна голова. — Дайте мне все-таки что-нибудь одеться! Я только хотела вас уверить, что я действительно человек!

— Ну, в этом мы еще не убеждены, — на этот раз шпильку пустил Антон: он чувствовал, что готов простить тем, на базе, странное испытание, которому его подвергли. — Принести вам ваш несколько необычный туалет? Где вы его сшили?

— Нет-нет, дайте мне что-нибудь земное!

Антон замигал Томми, а тому тоже будто пыль попала в глаза, он отправил немой вопрос все еще пристыженному японцу и нерешительно заковылял к спальному помещению. На всем корабле не было ни клочка материи. Даже купального халата. Мылись химикалиями, сушились воздухом. А про купальный халат Антон подумал потому, что услышал, как за его спиной осипший кенарь виновато ластится: „Если хотите освежиться, отдохнуть, у нас есть условия, хотя и довольно примитивные...“ И потому, что на этом отрезке маршрута обычно уже начинал тосковать по хорошему купальному халату, в который можно завернуться после хорошей горячей ванны.

Спальное помещение было спальным постольку, поскольку свободный от дежурства член экипажа мог растянуться в нем в какой угодно позе над грудой предметов и аппаратов, а закрытая дверь не пропускала шумов из командного отсека. Там не было ни кровати, ненужной в невесомости, ни простыней, и Антон был вынужден вытащить из гардероба свое последнее чистое белье — белый трикотажный комбинезон на белой молнии.

Он издалека бросил его гостье, глянул, как она, такая маленькая, сидит на корточках за креслом, и тут же повернулся к командирному пульта, чтобы дать ей спо-

койно одеться. Стоя к ней спиной, он сказал довольно глупо:

— Другого ничего нет. Значит, для вас большая радость — встретить нас?

— Ведь я сто лет не видела ни одного человека! О-о-о-о!

Она утонула в огромном комбинезоне, и он собрался на ней такими складками, что она никак не могла затянуть молнию. И теперь в самом деле стала похожа на призрак. Но этого привидения они уже совсем не боялись. Над комбинезоном кокетливо и весело смеялось лицо девчушки, натянувшей на себя папину одежду.

Акира и Гибсон, которые в пять раз дольше Санеева не были на Земле, смотрели на нее, как мужчины, двести лет не видевшие женщины. А она спросила с наигранной тревогой, кокетливо, как сделала бы любая земная женщина:

— Я очень смешна? — и осмотрелась, подворачивая слишком длинные рукава на тонких руках, расправляя штанины на бедрах.

— Пока что смешны мы, — ответил Санеев. — До тех пор, покуда не поймем, зачем нужна вся эта игра.

— Ох, вы все еще думаете, что я — из вашего Центра! Я вам скажу, но... дайте мне сначала порадоваться! Я действительно сто лет не видела людей! И так счастлива, что люди сами научились путешествовать в космосе!

Это уже прозвучало, как речь умалишенного, и трое космонавтов переглянулись с осторожной многозначительностью.

— Ничего удивительного, если я сойду с ума, — словно в ответ на их мысли заявила она. — Но пока мне только кажется, что я схожу с ума от счастья.

— Может быть, перекусите, попьете... Правда, еда у нас... — опять пропел кенарем Акира.

— Ох, не смею! Пока не смею. Ровно семьдесят лет крупинки земной пищи во рту не было...

— Слушайте! — перебил Антон.

— Нет-нет, не надо! — мило перебила она. — Я понимаю, вы, наверное, чувствуете себя, как святой Антоний, которого искушал дьявол в образе нагой женщины. Но раз вы не святой, будьте по крайней мере джентльменом! Ну хорошо, сначала покончим с делами. Да-да, включите аппаратуру и записывайте, — обернулась она к вставшему за чем-то Акире.

То, что она назвала командира по имени, подтвердило ее осведомленность об их космической программе, и Антон уже готов был по-настоящему взорваться, но она растопырила розовую ладошку:

— Я же говорю, что читаю ваши мысли, ребята. Уж как я только не старалась сообщить вам хоть что-нибудь мысленно, но вы были так охвачены страхом...

— Я вас слышал! — похвастал Акира.

— Да, Энтони тоже раз услышал меня. Начинаем, Аки? Ведь правда, я могу вас так называть? Вы стали мне так близки...

Скулы японца от счастья расцвели крокусом. Антон все еще не мог проглотить сравнение со святым. Хмурый от обиды, что его забыли, Гибсон принялся стаскивать с себя скафандр без разрешения. А она опять как будто угадала мысли командира:

— Да-да, снимите эту неудобную одежду! Поверьте мне наконец, ничто вам не угрожает, ни с моей стороны, ни вообще! Кстати, что это за вирусы, которых вы так боитесь, Энтони? Какая-нибудь болезнь?

Антон свирепо прорычал:

— Перестаньте! По-моему, номер пора кончать.

Женщина опечалилась. Она выглядела трогательно искренней в своей детской обиде.

— Ну почему вы мне не верите? Я прилетела не с Земли, и никакая это не игра, а все очень серьезно. Что мне еще сделать, чтобы уверить вас? Ну хорошо, начинаю рассказывать...

Она устроилась поудобнее в кресле, которое уступил Акира, оглядела всех троих с настойчивой мольбой о доверии и судорожно вздохнула.

— Итак, я — Элен Блано, родилась в Ливерпуле 22 мая 1907 года. В 1931 году закончила Кембридж по специальности история и археология. Я одна из первых женщин, получивших степень бакалавра в этой области. Вы записываете, Аки? Хорошая у вас аппаратура. В мое время имелись только громадные граммофоны и диктофоны с пластинками, еще эдисоновские. Передайте потом эти сведения на Землю, пусть наведут справки.

Этой быстрой просьбой она и на этот раз пресекла гнев Антона, который моментально сопоставил и годы, и Эдисона с нынешней датой. Она засмеялась:

— Томми тут было решил, что я моложе, — помните, когда он не верил, что вы меня слышите? Я окончила Кембридж в двадцать четыре года, столько же мне можно дать и сейчас, ну, может, чуть побольше, правда?

Гибсон достал свой неизменный тубик и, вприснув что-то себе в рот, быстро наклонился над карманной камерой, которую вытащил вместе с тубиком.

— Фотоаппарат, правда? Какой маленький, совсем не такой, как в мое время. Вообще вы далеко ушли вперед, я очень рада...

— Радоваться будете после! — прорычал Санеев.

— Ну вот, Эн, вы опять! Не надо, а то я совсем собоюсь, не смогу отвечать урок.

— Я и не сомневаюсь, что вам задан урок! Кто вам его преподавал? Говорите!

— Эх, ну чего ты торопишься! — сжалился наконец и Гибсон. — До Земли еще целый месяц, никуда она от нас не денется.

— О, нет, мне придется покинуть вас. Как это ни тяжело, — вы такие милые ребята, но... вы такие тихоходы! Целый месяц — это невозможно. Меня ждут!

— Кто вас ждет?

Она с кокетливой угрозой мотнула головой в сторону свирепого Санеева, но золотая волна волос, лишенная естественной тяжести, заслонила лицо, и ей пришлось поправить волосы руками. А женщина, которая умеет поправлять волосы под мужскими взглядами, неотразима вдвойне.

— Лучше по порядку, а то запутаюсь. Итак, в октябре 1931 года я отправилась с одной экспедицией в Новую Гвинею. Меня взял с собой жених, доктор Эрвин Стронгфилд, известный этнограф. Томми, вы ошиблись не только с возрастом, я вовсе не невинное создание, мы собирались пожениться. Я не то, чтобы его очень любила, скорее просто уважала, он был моим преподавателем, а самое главное — мне страшно хотелось поехать с экспедицией, я немножко авантюристка, а женщин, как известно, в такие экспедиции берут неохотно...

— Девочка, — перебил ее Антон, — вы что, любовные истории явились рассказывать?

Она снова покраснела, но не так густо.

— Извините, я столько времени не видела людей... И поболтать люблю... Так на чем мы остановились? Да! Ну, и во время экспедиции я однажды отделилась от группы, забралась в огромную пещеру — вход в нее был скрыт кустарником и лианами. Я и раньше так делала,

потому что меня интересовали пещеры, а там тьма интересных пещер со множеством находок. Джунгли же на Новой Гвинее, оказывается, не страшные, никаких зверей там нет...

— А людоеды? — напомнил ей шутливо Гибсон. — Тогда ведь еще были людоеды?

Сансееву показалось, что Томми готов верить ее идиотским рассказам.

— О, людоеды оказались самыми добрыми людьми, каких я до тех пор встречала. Они, знаете ли... людоедство — это такой ритуальный...

— Знаем, — грубо перебил Антон, — читали!

— Хорошо, хорошо, — устрашилась она его тона. — И вот, углубившись в пещеру, я неожиданно попала... как вам сказать... Ну, просто, к существам другой цивилизации. Они устроили себе там базу и тайком исследовали Землю. А я застала их врасплох. Они не допускали, что кто-нибудь заберется так глубоко под землю. Туземцы обходили пещеры стороной, они такие суеверные! Сначала я все просила их сопровождать меня — так они, бывало, до пещеры доведут, а дальше — ни за что на свете! Прошу вас, Эн, не перебивайте! Я буду немногословна, подробности отложим до Земли. Какие же они были страшные! Я не из пугливых, но когда эти существа окружили меня и отрезали путь к отступлению, — что это был за ужас! Сначала я решила, что это какие-то звери. Там, на Новой Гвинее, все было очень мало исследовано. Только Миклухо-Маклай да еще двое-трое... Как бы там ни было, но они заговорили со мной по-английски. Представляете? На чистейшем университетском английском, вроде моего. Он для вас звучит очень архаично? — обратилась она к Гибсону, и было видно, что утвердительный ответ для нее был бы страшнее самой страшной внеземной цивилизации.

— Немножко, и потому он такой очаровательный.

— Благодарю, Томми, вы очень милы. Да... Они тоже были очень милы и любезны, старались меня успокоить, но отпустить категорически отказались. Сначала им надо было закончить работу на планете. Приносили мне еду — разные плоды. Животных они не имели права убивать. Все извинялись и все объясняли, как страдают от того, что вынуждены меня задерживать, совершать насилие над моей волей. Это противно их природе. И это была правда, хотя выглядели они ужасно. Но на третий день им самим пришлось прервать свое пребывание на Земле. Меня разыскивали, Эрвин поднял на ноги все окрестные племена. Конечно же, искали меня в пещерах. Тогда жители другой планеты предложили мне отправиться с ними. Они наговорили таких фантастических вещей о своей цивилизации, о возможности передать нам кое-какие свои способности, что меня разобрало любопытство. То есть, я соблазнилась, — нужно сказать, что я от рождения ужасно любопытна. И повторяю — никакого давления никто на меня не оказывал. Если бы я настояла, они отпустили бы меня. Им это ничем не грозило — все равно никто бы мне не поверил, все просто решили бы, что я рехнулась в темной пещере. И еще мне было немножко совестно, — я ведь сама к ним явилась, незваная, не дала им доделать дело, так пусть по крайней мере исследуют на мне человеческий организм, пусть выяснят, что они могли бы нам передать. Если мы захотим, конечно. Они уже по предварительным исследованиям знали, что возможности для этого есть. Словом, им удалось меня соблазнить. Это было нетрудно, я ведь уже сказала, что во мне живет авантюристка. Я представила себе, какая историческая роль мне выпала — быть мостом между великими

цивилизациями... Представила, что если вернусь, придется выйти замуж за Эрвина и всю жизнь... Нет, он был неплохой, он чудесный ученый, но... такой пожилой...

Она укоризненно погрозила пальцем Гибсону, который почему-то смутился.

— Эй, Томми, я рассержусь!

— Томми, в чем дело? — насторожился Санеев.

— Ничего, Эн. Я не знаю...

— Он думает о разных неприличных вещах, а я все слышу.

— Что же он думает? — развеселился Антон.

— Ну... Вот сейчас он сказал: пройду по этому мосту, пусть даже на том конце бездна. Только я выражаюсь гораздо приличнее.

Не было необходимости спрашивать, правда ли это. Англичанин побледнел, губы его задрожали:

— Эн, я же говорил, что это дьявол! Дьявол и есть! Я никогда не был религиозным, но это... это...

Его товарищи были не меньше ошеломлены новым доказательством необыкновенных способностей гостя. Только Антон, упорный, как его тезка, — средневековый святой — не сдавался.

— Положим, я не видел представителей другой цивилизации, но мне известно, что думает Томми, когда видит красивую девушку.

Ее улыбка была беспощадна:

— Благодарю, Эн! Вы, оказывается, умеете быть любезным... Надеюсь, что хотя бы в этой моей способности вы убедились. Научиться этому было легче всего. Сказать, о чем вы думаете? Боюсь, как бы не пострадал ваш авторитет командира!

Теперь пришел черед Санееву залиться краской. В

невесомости кровь и без того закипает легко, а он вскипел так, что был готов взорваться.

Но все же ему удалось обуздать себя, и он решил, что самое умное в такую минуту для командира — пустить в ход юмор:

— Послушайте, Елена... Можно вас так называть, по имени? Как и вы нас? По-нашему вы — Елена...

Она вновь вся засветилась странной радостью, которая немало озадачивала их своей невероятной искренностью и детской чистосердечностью.

— Да, да! Называйте меня так! Е-ле-на... Как хорошо!

— Вот что, Елена... Я не знаю, как искушали этого вашего святого Антония и чем все кончилось, но... — он посмотрел в ожидающее лицо и запнулся. — Я хочу сказать... нас искусить нетрудно. Эти двое вылетели с Земли пятнадцать месяцев тому назад... — в нем вдруг проснулась мстительность. — Вы же сама, как древняя Елена, бросили своего Менелая и дали себя похитить неизвестно кому... Впрочем, извините! Я хотел сказать не то. Почему вы явились искушать именно нас?

— Да потому! — с горечью воскликнула она. — Потому что такому вообще трудно поверить. Если бы я явилась прямо на Землю, меня, наверное, посадили бы в сумасшедший дом. Вы вот все еще не верите мне, хотя я у вас на глазах проделала целую кучу вещей, которые не под силу другому человеку. Мы выбрали этот вариант как самый убедительный. К Земле направляется одинокий корабль, на Земле знают, кто в это время находится в космосе. Я появлюсь на корабле, меня покажут на экране, и на Земле убедятся, что я действительно послана другой цивилизацией. Что — разве не логично?

— Логично, — поспешил пропеть как мож-

но мелодичнее Акира. — Я верю вам, Элен. Логично. Энтони, какой человек мог бы передвигаться таким манером в космическом пространстве? У нас такой скафандр невозможен.

Санеев, вероятно, хотел защитить самого себя от неотразимых чар гостыи. Он сказал:

— Не спеши влюбляться, Аки! Когда кибернетик влюбится, никакая логика не помогает. Можно осмотреть ваш костюм, Елена? Или на нем нет фирменной марки?

— И марки нет, Эн, и понять вы ничего не сможете. Я и сама толком не знаю, что к чему. Только умею им пользоваться. Это — костюм для телетранспортировки.

Трое мужчин, разинув рты, уставились на нее.

— Да-да, вы не ослышались. Я имею в виду еще одно их свойство, которое они сумели передать мне, хотя было нелегко. Вы все еще думаете, что кто-то незаметно сбросил меня поблизости от вашего корабля. Нет, они доставили меня только к границе солнечной системы. И там же, на орбите кометы Галлея, будут ждать через земной год. Они пользуются космолетами только для межзвездных перелетов и путешествий в другие галактики. Возят на них все необходимое, используют как базы. Если бы вы знали, какие у них корабли!...А так каждый может телетранспортироваться. Надеваешь костюмчик и — раз! Летишь, куда хочешь. Да вы сами увидите, когда я отправлюсь на Землю. Но дело не только в костюме, это скорее защитное средство. Телетранспортировка происходит благодаря особым психофизиологическим задаткам, которые есть и у нас, земных людей. Правда, они утверждают, что эти задатки разовьются повсеместно не раньше, чем через миллион лет, если, конечно, нашей эволюции ничто не помешает. А костюм сам по себе — тоже чудо. Он тебя и

питает, и согревает, и воздух дает, и все прямо через кожу. В нем можно пролететь рядом с Солнцем и даже не вспотеть. Видите ли, они готовы раскрыть нам тайну этих костюмов, готовы научить всех тому, чему сумели научить меня.

— Чему же еще, кроме чтения мужских мыслей? — съязвил Гибсон.

Она мило засмеялась.

— Ай-ай-ай, Томми, а еще любите меня! Я вам напомним дату своего рождения: двадцать второе мая тысяча девятьсот седьмого года. Значит, сейчас мне девяносто четыре года. Разве так должен разговаривать воспитанный англичанин со своей бабушкой?

Изголодавшиеся по женскому лицу мужчины уставились на ее вздернутый носик, совсем детский, с нежными ноздрями.

— Они, значит.... и это... — осипшим голосом проворковал Акира.

— И это, Аки. Будьте так добры, сообщите мои данные на вашу базу. Пусть устроят проверку. Элен Блано, исчезнувшая на Новой Гвинее в конце 1931 года. Не может быть, чтоб не осталось документов. Если Эрвин издал книгу, то наверняка написал об этом, и в архивах Кембриджа тоже можно проверить. А потом я покажу им, надеюсь, что вместе мы убедим их выслушать меня.

— Мы сами вас доставим, — сказал Гибсон. — Когда прилетите с нами...

— О, Томми, торчать здесь целый месяц! Да не спешите обижаться, суетный вы человек! Вы должны понять мое нетерпение. Я семьдесят лет не видела Земли. Мы же увидимся там. В конце концов, вы — мои единственные близкие люди. Все остальные, наверное, давно умерли, да и вряд ли мне будет интересно с

моими ровесниками. Мне предстоит провести на Земле целый год, а потом я вернусь с ответом человечества — готово ли оно принять предлагаемую помощь.

— А почему мы должны ее принимать? — поморщился Антон. — Это пахнет ультиматумом.

— Эн, вы умный человек, неужели вы не понимаете? Потому что они чувствуют себя такими же одинокими, как и человечество. В нашей галактике нет других мыслящих существ, кроме их и нас. Но ведь настоящая дружба может существовать только между равными, так? А они обогнали нас чуть ли не на два миллиона лет. Это все равно, что мне уступить ухаживаниям Томми. — (Англичанин глуповато ухмыльнулся). — Разве он был бы счастлив со мной? Во-первых, я буду жить еще не меньше ста лет и останусь такой же молодой, а он через двадцать лет превратится в кислого старикашку вроде бедного Эрвина, которого я бросила на Новой Гвинее. Во-вторых, мне не усидеть на одном месте. Натяну костюмчик и — пошла порхать со звезды на звезду. А он? Будет в лучшем случае сидеть в каком-нибудь корабле вроде вашего и скрежетать зубами от ревности. Но самое страшное для него другое, и этого-то он уже совсем не вынесет: каждую минуту я буду знать, что он думает, а он совсем не будет знать, что думаю я. Вы так самолюбивы, дорогой мой Томми, что это просто убьет вас, за какой-нибудь месяц сведет в могилу! — заключила она, явно пародируя какую-то гранд-даму викторианский эпохи.

— Эн, я же тебе сказал, что это сам дьявол! — сокрушенно вздохнул Гибсон.

— Но человечество в целом, милый Энтони, не менее самолюбиво. Потому наши друзья предельно открытвенны. В послании, которое я должна доставить на Землю, они прямо говорят об этом. Они представители

дряхлеющей цивилизации, которая изживает себя и надеются ускорить наше развитие, чтобы влить свежую кровь в жилы нашей галактики, сохранить в ней разумное начало. Потому что в соседних галактиках поднимаются какие-то силы не гуманоидного типа, которые могут стать опасными для нас. Разве это неубедительно, Эн?

— На первый взгляд — да, — сдержанно ответил Санеев. — И эти свои задатки они могут передать всем людям, так? Каким же образом? Это звучит невероятно.

Она очаровательно улыбнулась:

— Почему? Раз они сумели передать их такой дурочке, как я! Эти задатки заложены в каждом человеке, Эн. В потенции. В этом я сама убедилась. Вы ведь знаете, что около двух третей нашего мозга не используется, особенно его лобные доли. Наши друзья просто сократят срок неизбежного развития, которое в противном случае займет еще тысячу веков. Конечно, будет нелегко. Мне понадобилось семьдесят лет на несложные вещи — телетранспортировку, внутреннее овладение временем и силовыми полями. А глубинный анализ материи, например, мною еще как следует не усвоен, хотя я уже могу на глаз определять состав и структуру многих вещей. Еще неизвестно, сможем ли мы наследовать эти качества при таком скачкообразном развитии. Я ведь была одна. Предстоит провести опыты с множеством пар. Нет смысла передавать эти свойства отдельным людям только для того, чтобы потом они были утрачены.

— Но разве вы там... не сумели это проверить? — Антону стало неловко от своего вопроса.

Она ответила тоже смущенно, что совсем не вязалось с ее столетним возрастом.

— Нет, такого рода связь между нами и ими невозможна. Они, как бы это сказать... нечто вроде гермафродитов, но не совсем. Размножаются особым образом, напоминая деление клеток. У них на груди есть такой особый вырост, который, как только хозяин тела пожелает, начинает расти. Потом отделяется от него и превращается в детеныша — его копию. Когда копии исполнится десять лет, родитель умирает. Именно этот способ размножения исчерпывает их как цивилизацию. Когда-то было по-другому...

— Но ведь они живут долго? — спросил японец.

— Сейчас они живут, сколько захотят, конечно, если не произойдет несчастного случая. Их организм практически бессмертен. Они отказываются от жизни, можно сказать, добровольно, во имя продолжения рода; только тогда, когда ребенок вырастет, наступает их естественная смерть.

— Тогда ясно, почему они исчерпывают себя, — удовлетворенно отозвался Гибсон. — Вряд ли найдется много желающих добровольно покончить с собой.

— Наоборот, так поступают все, когда проживут двести — триста земных лет, а для них это ничуть не много.

— Наверное, здесь действует определенный биологический механизм, — заметил Антон.

— Конечно! Как мне рассказывали, это какая-то непреодолимая потребность — оторвать вырост от груди и смотреть, как растет твоя копия. Беда в том, что они все более массово укорачивают собственную жизнь ради детей, и это уже похоже на самоубийство. Их доводит до отчаяния полное повторение. Раньше, несколько эпох назад, было не так. У них имелись другие детородные органы, само оплодотворение происходило спонтанно, независимо от желания или нежелания родителя,

и дети рождались разные. И тут они совершили огромную историческую ошибку. Собственная экосфера казалась им тесной, — тогда они еще не могли свободно разгуливать в пространстве и боялись перенаселенности, вырождения, а наука у них уже многое умела. Они решили ввести полный контроль над размножением, строгий генетический подбор, чтобы жили только самые умные, самые красивые. А со временем оказалось, что это плохо. Остальные детородные органы рудиментировали, отмерли, как наш аппендикс, и несколько тысячелетий назад развитие остановилось. Дети рождаются абсолютными физическими и духовными копиями родителей. Потому-то у них вся надежда на нас, они спешат, боятся, как бы мы не совершили такой же ошибки.

— Пожалуй, мы уже совершаем ее, — отозвался Антон, который не мог скрыть своей растерянности от того, как естественно и легко она рассказывала обо всех этих невероятных вещах.

— А вас не научили размножаться таким же образом?

— О нет, Томми, я земной человек, — кокетливо засмеялась Елена и тут же помрачнела. — Не знаю, возможно ли это для меня вообще. Мне ведь уже девяносто четыре года!

— Придется устроить проверку, — ухмыляясь, пригрозил Гибсон. — Так вот, Элен, я уже сейчас могу вам сказать, что человечество такого способа размножения не примет, даже если существование Галактики будет под угрозой!

Впервые с той минуты, когда на корабле появилась гостья, в командном отсеке грохнул смех — веселый, дружный, облегченный. Японец так расхохикался, что дежурный оператор базы, которого он несколько минут

убеждал навести справки, начал орать, что у них на корабле все свихнулись и что пора бы им, наконец, прекратить свои дурацкие выходки, когда на Земле все спят. Но они не прекратили, потому что Элен Блано неожиданно воскликнула:

— Ребята, а музыки у вас нет? Какие танцы сейчас танцуют? Я застряла где-то на чарльстоне...

И понеслась в таком умопомрачительном чарльстоне, что чуть не разнесла вдребезги аппаратуру. А трое мужчин, глядя на нее, покатывались со смеху. Их восторгу не было предела. Потому что, когда в невесомости танцует чарльстон такой очаровательный паяц в белом мужском трико с разлетающимися во все стороны золотыми волосами, нельзя не возликовать до самых звезд.

III

Следующий сеанс связи получился не менее драматичным, чем предыдущие. Развеселившиеся космонавты мигом притихли, когда дежурный оператор показал им на экране фотографии Элен Блано. Покинутый ею этнограф не только посвятил свою книгу невесте, погибшей при неизвестных обстоятельствах, но и снабдил ее фотографиями. Старые снимки были нечеткими, но на одном из них они сразу узнали свою гостью. Одетая в элегантный тропический костюм, Елена смотрела в объектив, прижавшись щекой к щеке кошмарно уродливого папуаса с длинной костью в носу. Стоя перед старомодным фотоаппаратом, она вся сияла счастьем, и ее лицо светилось той же неомраченной красотой, что и в первые минуты пребывания на корабле.

— Это я! Видели? Это я! — крикнула она, и муж-

чины, в немом благоговении не спускавшие глаз с экрана, окончательно поверили ей именно из-за этого папуаса.

Они не подумали, а скорее почувствовали, что эта девушка и впрямь была способна подкупить своей любвеобильностью, наверное, и куда более чудовишных на наш взгляд представителей другой галактической расы. Наверное, они потому и предложили ей отправиться с ними. Благодаря ей они поверили в дружелюбие и красоту человечества, которое вряд ли произвело на них благоприятное впечатление своими не прекращавшимися до недавнего времени попытками самоистребления. Наверное, мы выглядели в их глазах не менее отталкивающими варварами, чем нам кажутся папуасы, но Елена пробудила в них надежду на союз с людьми, избавление и от одиночества в Космосе, и от одряхления...

Что-то в этом роде почувствовали трое космонавтов, и еще они почувствовали, как им стала дорога их изумительная гостья.

Елена снова была вынуждена показаться в натуральном виде, потому что руководитель полета, которого в третий раз за ночь подняли с постели по тревоге, совсем взбесился, увидев ее и нижнем белье Санеева. Однако на этот раз она разделилась не так непринужденно, зато с отчаянной хрипотцой. Акира постарался дать максимальную яркость и контрастность передачи, но вряд ли несовершенная человеческая техника сумела донести через миллионы километров трогательную родинку на ее левой груди и золотистые, как рыба чешуя, веснушки на плечах. Тут руководитель полета окончательно пришел в себя: рот несколько раз беззвучно открылся, сильнее чем голос прозвучал в кабине:

- Кто это? Почему взяли на борт?
- Ты же сам приказал, — ввернул Санеев.
- Я думал, вы дурака валяете. Я...

Голая Елена фамильярно перебила его:

— Сравните меня с фотографиями в книгах, сэр! И придите в себя, потому что вас ждут еще более невероятные вещи! Через полчаса я буду у вас в гостях. Прошу указать координаты, где нужно приземлиться. Приготовьте аппаратуру для съемок. Но лишнего шума поднимать не надо, сенсации отложим на потом. И найдите мне красивое платье, вы же видите, в каком я положении. Чтоб на нем были цветы, много цветов!..

Антон осторожно отодвинул голую девушку за пределы объектива камеры. Терпеливо выслушал ругань о том, что брать человека на корабль тайком — преступление, что разврат в космосе нетерпим, и прочее тому подобное, — а потом, воображая, что делает это сухо и со сдержанным достоинством, рапортовал обо всем, что рассказала им Элен Блано. Известно, что те, кто сам изучает Космос и летает в него, меньше всего склонны верить фантастическим рассказам, но Санеев сумел найти вселяющую уважение концовку:

— Вы же засняли ее сейчас на телерекординг, у вас есть и предыдущие записи, что вам стоит подождать в определенном месте? Если она действительно пожалует так, как пожаловала к нам, то этого достаточно, чтобы вы поверили и всему остальному!

А Елена снова крикнула через его плечо:

— Послушайте, сэр! Покажите, что вы достойны исторической минуты, иначе вы рискуете стать смешным! И не забудьте про платье! Рассчитываю на ваш вкус. Давайте координаты!

— Здорово вы его! — позлорадствовал Гибсон, когда

руководитель полета исчез с экрана. Собственное смехотворное поведение при встрече с ней уже забылось.

Все трое деликатно отвернулись, пока она одевалась. Они избегали и смотреть друг на друга, чтобы не выдать внезапного смущения.

— Элен, я действительно напутал вначале с окружностью груди и так далее... Вы не думайте, что это мой идеал! Я хотел Акиру позлить, японцы ведь о таких дамах всю жизнь мечтают, — сказал Гибсон, и в его словах прозвучала не дерзость, а скорее мольба.

В комплименте японца шутка тоже получилась анемичной:

— Думаю, эта цивилизация вряд ли могла бы найти более подходящую рекламную модель для будущего совершенства, которое она нам предлагает.

Милый белый паяц, в которого вновь превратилась их гостя, взглянул на командира маленького экипажа в ожидании очередного комплимента. Даже грустно усмехнулся ему, поощряя, но Сансеев стиснул зубы и повернул в сторону предательское лицо. Тогда она чуть слышно шепнула:

— Эн, подготовьте шлюз. Я выхожу. — И обдала померкшей синевой своих глаз, которая пробудила в них тоску по давно не виданному земному небу. — Ничего не поделаешь, надо. Как только сообщат координаты...

Позывной сигнал с базы заставил их издрогнуть. Он не рассеял уныния, а усугубил его. Бэзи снова заговорила голосом дежурного оператора. Предложенная игра принимается. Ее будут ждать на стартовой площадке номер пять. Сообщили координаты и спросили, когда она прибудет. Элен поинтересовалась, сколько времени им нужно на подготовку, чтобы она случайно не опередила их. На базе опять хотели было рассердиться, но

удержались от иронии: мол, пусть не беспокоится, только назовет день и час.

Гостья не глянула на хронометр, не спросила, который час, а деловито, с ноткой превосходства бросила:

— Вы будете готовы через десять минут?

Ее спросили: „К чему!“ Она ответила: „К встрече“. В голосе оператора звякнула жесть:

— Девочка, хватить дурить! Мы ваши условия приняли, так давайте...

Гостья капризно топнула ногой, что подбросило ее под потолок:

— Вы там, видно, ничего не понимаете в телекинезе!

Гибсон засмеялся, схватил ее за босую пятку и притянул к себе с нескрываемым желанием заключить в объятия, но она оттолкнула его:

— Не понимают, Елена, — засмеялся и Антон. — И мы не понимаем. Только чтобы добраться на вертолете от управления до стартовых площадок, нужно пятнадцать минут.

Она крикнула в микрофон:

— Хорошо, даю вам двадцать минут. Буду у вас точно в ноль четыре часа, тридцать две минуты и четырнадцать или пятнадцать секунд по Гринвичу.

— Послушайте, — грохнул невидимый голос с Земли.

— Майрон, — остановил его Антон. — Слушать сейчас должны мы. Ждите ее! И дайте нам возможность наблюдать.

Сказал — и тут же осознал всю невероятность того, что может опять произойти у них на глазах. Двое других тоже окаменели перед бездной невообразимого.

— Эн, наполните шлюз!

Тихий приказ вывел его из оцепенения. Он посмотрел на универсальный хронометр над пультом управления. Ядерный распад в его механизме отщел-

кивал на ряде экранчиков несколько времен: время базы, время по Гринвичу, абсолютное земное время, время на Марсе и на Венере и всепоглощающее галактическое время. Где-то в этой путанице изумительная девушка нашла, словно электронная машина, поток совсем другого времени, в которое ей предстояло нырнуть. Может быть, она знала какой-то туннель — то ли под, то ли над ним, или между временами, или вообще какое-то „безвременье“, которого, конечно, никак не могло существовать.

— Елена, вы и впрямь...

Она не поняла его:

— Наобниматься мы еще успеем.

Это была не ирония, и выдавший виды космонавт застеснялся, как девчонка, и потянулся к крану, словно искал опоры для внезапно обмякшего тела. Гибсон и Акира начали свирепо натягивать на себя скафандры. Чтобы не освирепеть самому, Антон возился со своим скафандром. На Елену никто не смотрел. Японец поскорее сел, уже одетый, но без шлема, перед экранами. Гибсон встал возле люка. Антон твердил себе, что нет необходимости одеваться всем, что провожать ее не надо, поскольку наружным люком можно управлять и из кабины, а сам все же взялся за шлем. Ему робко напомнили:

— Эн, так я не смогу поцеловать нас.

И он выпустил шлем, который покатился, как футбольный мяч, над длинным пультом.

— Не сердитесь, ребята, но я... я не только ваша...

Ей никто не ответил. Она попробовала засмеяться:

— Ну, начнем! У вас соблюдается какая-нибудь иерархия, или... В мое время... Может быть, начнем с командира?..

Только у Томми хватило смелости попросить:

— Со мной — с последним, и дольше всех!

— Ах, Томми, Томми! Неужели вам доставляет удовольствие целоваться со столетними бабками?

Шутка немного взбодрила их. Антон подошел к Елене с деревянной торжественностью, охватил ее плечики своими громадными лапами, трижды поцеловал по старому русскому обычаю в уголки рта. И начал:

— Елена, от имени... — тут он подумал, что надо бы говорить не только от имени экипажа, но и от имени всего человечества, и сказал только: — Спасибо!

Она улыбнулась ему:

— Вы очень хорошо целуете, Эн! — и опять это не было шуткой, потому что глаза ее утопали в зеленовато-синей влаге.

Женщина поцеловала его в губы с такой силой, что он прислонился к стене, боясь взлететь вместе с ней неизвестно куда. А сама она полетела к Акире, как влюбленная белая птица, и японец никак не хотел выпустить птицу из рук. А Гибсон бестолково вертел рычаги шлюзового люка взад-вперед, пока она не закружила его в своих объятиях.

В камере птица как-то нетерпеливо сбросила с себя трикотажное оперение, и Санеев поспешил закрыть люк, ослепленный белизной ее тела, которое так и осталось самым большим чудом из всех показанных ею чудес.

Японец сообщил, что она готова, и, бегло глянув на экран, где миниатюрный бронированный Гибсон обнимал миниатюрную черную фигурку, Санеев включил насос для откачки воздуха.

— Уфф, доживем ли, чтобы понять, как это делается, — вырвался у кибернетика стон пробудившейся научной страсти.

Гибсон как-то слишком быстро открыл выходной люк и так же быстро закрыл его, когда Елена нырнула в

бездребную бездну. Она выплыла на большом экране — черная фигура, которая раньше так их испугала. Сейчас они не боялись ее, но опять все трое замерли от страха — за нее. Тонкие черные руки плавно помахали, и теперь им был понятен их язык. Правая рука описала в последний раз дугу от баскетбольного мяча, скрывшего русую головку, к их кораблю.

— Воздушный поцелуй, — снова осип Акира.

— Безвоздушный, — грустно поправил его Санев и пустил воздух в шлюз, потому что Гибсон угрожающе размахивал руками на малом экране.

— Ты что-нибудь слышал? — боязливо спросил японец.

Антон поколебался, потом неуверенно сказал:

— Люблю вас, ребята....

— Эн, она меня совсем с ума сведет!

— Не одного тебя, — отозвался Санев, медленно открывая люк, словно к чему-то прислушиваясь. — Все человечество...

Гибсон пролетел мимо него с чем-то белым в руках и остановился только у экрана. Он заслонил экран, и Санев бросился к нему. Все трое прислонились друг к другу головами, будто для групповой фотографии. На зернисто-сером экране, который отражал цвет абсолютного холода, живая черная фигурка превратилась в вытянутую черную стрелу. Она неслась рядом с кораблем на одной скорости, неподвижная и безжизненная. Все трое напрягались изо всех сил, чтобы услышать еще что-нибудь, но не слышали ничего — ни в себе, ни вокруг себя, они не понимали, что это их напряжение длилось не больше нескольких секунд, пока стрела не исчезла. Не удалилась, не улетела, а просто мгновенно растаяла в экранной серости.

Подгоняемые ловкими японскими руками, все ор-

ганы чувств корабля уже метались, как безумные, в поисках исчезнувшей. Осматривали, прослушивали, ощупывали миллионы километров окружающего пространства, но экранные глаза и уши продолжали зиять серой пустотой.

— Нету! — отчаянно пропыхтел Акира. — Ничегошеньки! Опять мы ничего не поняли!

Антон всмотрелся в большой хронометр, показывавший все придуманные человечеством времена.

— Да, это она... она... Связь!

Цифры в окошечках гринвичского циферблата отсчитывали минуты и секунды времени, определенно-го ею для прибытия на базу. Они слишком долго занимались ее поисками. Акира кричал чуть ли не в ужасе:

— Корморан вызывает „Гагарина“. Корморан вызывает „Гагарина“...

Им ответили через несколько нестерпимо долгих минут.

— Майрон! Ну что?..

— Она здесь, — отозвался тот, будто сам себе не веря.

— Дай изображение! — крикнул Санеев.

— Сейчас ее не видно. Переодевается где-то. Потом покажу запись.

— Майрон....

Оператор не ответил, и они простили ему это. Очевидно, сейчас ему было не до них. Они переглянулись и, поняв, что перед глазами у всех троих стоит то, что им было так сладостно знакомо, виновато и облегченно рассмеялись. Гибсон присвистнул:

— Эй, товарищичи, придется человечеству расшевелиться!

— С телекинезом свykнемся, — в тон ему сказал Ан-

тон. — А насчет чтения мыслей — не знаю, как будет. Придется, пожалуй, учиться мыслить по-другому.

— Нет, вы представляете себе скачок! — восхищался Акира. — Мы еле-еле доползли до Марса и Венеры, а тут вдруг вся Галактика — твоя!

— Ну, не так сразу! — весело огрызнулся Гибсон. — Тебе-то, пожалуй, не дожить: староват. Ей ведь семьдесят лет пришлось...

— Она за нас похлопочет, чтобы нас взяли первыми.

— А вдруг им не понравится желтая раса? Они же привыкли иметь дело с английским организмом, — торжествующе сказал англичанин и погладил белое трико, которое все еще держал в руках.

Антон прервал их спор:

— Вы заметили странную человеческую особенность — в самые великие минуты обязательно пороть чушь?

И они счастливо засмеялись и опять размечтались, как мальчишки над научно-фантастической сказкой. Пока им не помешали позывные. База имени Гагарина вызывала Корморан. По радио.

— Санеев! — позвали с Земли, когда Акира подтвердил прием. Это был голос руководителя полета.

Антон повторил свою просьбу — дать изображение с Земли.

— Потом, — ответил голос, и кабина заполнилась гулкой пустотой. — Санеев, у нас есть полная кинодокументация на эту... эту девушку?

— Конечно. А что...

— Она погибла, — бесстрастно сообщил голос.

Трое надолго замолкли.

— Корморан, слышишь? Корморан...

— Корморан слушает, — машинно промолвил Акира.

— Что вы с ней сделали, идиоты?! — выкрикнул Гибсон и сжал виски кулаками.

— Мы не поняли, в чем дело. Появилась вовремя, с точностью до секунды. Открыла эту штуку на голове... Объятия, поцелуи, мы не успели ни одного вопроса задать. Она все смеялась и требовала платье и остальную одежду, которую мы приготовили. Очень ей все понравилось. Зашла за цистерну переодеться. И не вернулась. Там мы ее и нашли. В платье.... мертвую, — все так же бесстрастно выкладывал краткие сообщения голос с Земли. — Может быть, вскрытие что-нибудь покажет. Дать вам запись?

— Не надо! — резко сказал Антон.

— Берегите записи! Санеев, слышишь, записи! Сделайте копии! Подготовьте полную письменную документацию, все подробности! И тут же передайте во время внеочередного сеанса! Предполагаю, что ты понимаешь все значение... Корморан!

Никто ему ничего не ответил, ни о чем не спросил. Уверившись по машинальной фразе японца „Корморан слушает“, что его поняли, голос объявил конец связи. Вопросы нахлынут потом.

Что погубило Елену? Только ли гравитация? Она действительно может убить человека, когда он долго пребывал в невесомости. Санееву после каждого полета приходилось по целой неделе приспосабливаться к ней, а Гибсону и Акире, которые пробыли на Фобосе больше года, придется поскучать пять раз по столько в клинике базы. Но проклятая гравитация не может убить так внезапно! Или тут что-нибудь другое, связанное с телекинезом, этим неизвестным способом преодоления времени-пространства? Или ее искусственная молодость невозможна на нашей планете?... Не знала она этого или забыла в своем нетерпении вновь стать зем-

ным человеком, надеть цветастое платье, о котором мечтала семьдесят лет? Примет ли человечество путь развития, при котором нельзя будет раздеться в собственном доме? Или предпочтет все так же мучительно медленно тащиться по миллиардам ступеней собственной эволюции, такое же совершенное и хрупкое, как его Елена, пожертвовавшая жизнью, чтобы наладить связь двух цивилизаций Галактики?

Вопросы придут потом. И трое мужчин, которые зададут их себе, будут не одиноки, потому что это не только их вопросы. Раз другая цивилизация однажды уже обратилась к человечеству, она обратится к нему и во второй раз. А может, само человечество обратится к ней, чтобы предложить собственный вариант сотрудничества, чтобы придти к методам, наиболее выгодным для обеих сторон. Наверное, через месяц-другой к орбите кометы Галлея полетят автоматические радиозонды, чтобы начать исторические переговоры. Но это будет разговор машин, и трое мужчин в кабине корабля о нем не думали.

Сейчас они находились наедине со своими машинами, внутри другой машины, и никогда окружающий мир не отзывался такой глухой пустотой, не был так нем ко всем вопросам. Все казалось им сконканным и ненужным, как белое трико в руках Гибсона. А им предстояло лететь к Земле еще целый месяц. Предстояло назвать корабль ее именем, рассказывать о ней приборам, снова и снова прокручивать фильмы о ней, чтобы заполнить ее смехом, ее плотью незаполнимую пустоту вокруг себя. Целый месяц предстояло тосковать о ней, а потом — всю жизнь.

ВСЯ ПРАВДА О ТОПСИ

Если бы человечество посмотрело вокруг себя, заглянуло в себя или оглянулось назад и бросило взгляд на собственную историю, — то оно немедленно убедились бы в том, что его жизнь всегда была неотделима от жизни животных. Не потому, что мы употребляем их в пищу, — это как раз печальная сторона наших взаимоотношений. Речь идет о связях духовных и общественных.

Животные сделали для человечества чрезвычайно много. Волчица выкормила подкидышей Ромула и Рема, а потом они основали Вечный город. И тот же Рим остался вечным благодаря гусям, которые спасли его от разрушения. Я уже не говорю о примерах из новейшей истории, о разных отважных зайцах и морских свинках, которые самоотверженно глотают новые лекарства и терпят инъекции новых препаратов прежде, чем эти лекарства и препараты поступят в аптеки. И неудивительно, что с наступлением космической эры животные не только оказались плечом к плечу с человеком, но и, как обычно, опередили его. Так, первым существом, поднявшимся в безвоздушное пространство, была Лайка, а за ней последовало мно-

жество других собак, обезьян и мышей, которые смело пролагали путь в космосе для человечества. Я не собираюсь досаждать вам перечислением всем известных фактов, а просто хочу еще раз отметить, что мы, наверное, никогда-никогда не сможем в полной мере отблагодарить милых наших собратьев — зверей за все то, что они сделали и продолжают делать для нас. И рассказать об одном из них, имя которого по смехотворным соображениям пребывает в неизвестности — о шимпанзе Топси.

В 1962 году на Золотых Песках под Варной состоялся XIII Всемирный конгресс по астронавтике. Я присутствовал на нем в качестве делегата и познакомился с руководителем медицинского раздела космической программы США, американцем австрийского происхождения, фамилию которого нет смысла упоминать. Он выступил с интересным докладом, а вечером, в гостинице, показал мне множество фотографий шимпанзе, побывавших в космосе или готовившихся к полету. Вы, наверное, знаете из газет, что в начале космической эры американцы отправляли в космос главным образом обезьян. Тогда-то я и увидел в первый раз — на фотографии — Топси. С той же поры мне известно и происшествие, которое держали в тайне. Теперь, через столько лет, я, пожалуй, могу рассказать всю правду о Топси.

Из-за ошибки в вычислениях капсула с Топси, которая должна была вернуться на Землю, не смогла выйти на нужную орбиту. Двигатель последней ступени ракеты-носителя работал дольше положенного, потом как-то сам собой включился двигатель, который должен был обеспечить возвращение на Землю, и таким образом капсула получила третью космическую скорость вместо первой и безвозвратно унесла бедного То-

пси в бездну Солнечной системы. Космический центр на мысе Канаверал решил не сообщать об очередном неудачном эксперименте. У него тогда хватало неприятностей и без Топси. Кроме того, не следовало раздражать Лигу защиты животных, которая остервенелась боролась против запуска животных в Космос. Поболтается Топси недельку — другую в межпланетных просторах, а потом пищевой автомат вместе с последним глотком банановой каши сервирует ему смертельную дозу яда, которая, как говорится, быстро и безболезненно прервет его земной путь. Когда эта минута, согласно расчетам, наступила, научные сотрудники космического центра взгрустнули об отлично обученном шимпанзе, а набожные даже тайком перекрестились. Но и на этот раз их расчеты — не по их вине — не оправдались...

Со звездолета „Р-109“ наблюдали за запуском злополучной ракеты, а когда капсула отделилась от ракеты-носителя и прямым ходом пошла на сближение с ним, на звездолете началась тревога почище, чем на мысе Канаверал. Экипаж не знал, радоваться ему или опасаться. Идущий в лоб космический аппарат недвусмысленно свидетельствовал, что на красивой, окруженной молочно-голубой атмосферой планете существует развитая цивилизация. Но что содержит аппарат и каковы его намерения? Может быть, планета шлет им посылку — материалы, которые облегчат двум цивилизациям взаимное знакомство и подготовят их будущую встречу? Или это термоядерный снаряд, нацеленный на незванный звездолет, дерзнувший приблизиться к планете на несколько сотен тысяч километров?

Совет астронавигаторов непрерывно заседал перед большими экранами, по которым можно было следить

за продвижением загадочного аппарата. Ему навстречу выслали рабочий автоматический зонд, он кружил вокруг аппарата, изучал его посредством множества приборов и все не мог окончательно решить, что же это такое. Если боевое средство, то почему оно движется так медленно, всего каких-нибудь 17 километров в секунду? С такой скоростью нельзя ни догнать звездолет, ни поразить его, если он начнет маневрировать. К тому же и собственного двигателя у аппарата нет. Поработала какая-то ракета несколько секунд, и все — дальше он летит с заданной инерцией. Значит, он все-таки заброшен в космос с тем, чтобы его подобрал...

Такие соображения занимали совет астронавигаторов, и потому, когда индикаторы органической материи показали, что в аппарате есть живое существо, его члены не колебались дать указание доставить его на борт звездолета. Конечно, аппарат поместили в специальную бронированную загерметизированную лабораторию и наполнили ее таким же воздухом, который плотным слоем окутывает голубую третью планету их солнечной системы. Надо сказать, что на разведывательном звездолете „Р-109“ дышали почти таким же воздухом. Только в нем было чуть побольше кислорода и чуть побольше инертных газов — аргона и криптона. Потому экипаж обрадовался, узнав, что на этой планете есть высокоразвитая цивилизация, — раз ее обитатели дышат похожим воздухом, значит, с ними можно легко договориться. А там, глядишь, они дружно заживут и уже не будут так одиноки в борьбе с безжалостным космосом.

Ученые-астронавигаторы прильнули к окулярам лаборатории и, затаив дыхание, ждали, какое существо покажется изнутри. В лабораторию был послан

механический робот, чтобы убрать планку, которая, очевидно, закрывала вход в аппарат. Робот был похож на стоножку величиной с собаку, и каждая из его множества ног представляла собой какой-нибудь инструмент. Он ловко справился с несложной работой, и вот — из тесного отверстия боязливо показалось какое-то невообразимое существо.

— Матушки, до чего же он страшон! — воскликнул Главный Химик.

Командир звездолета озлился.

— Подумаешь, красавец нашелся! Кто знает, какими чудовищами покажемся ему мы! Когда встречаешься с другой цивилизацией, нельзя ждать, что она будет устроена по твоим меркам. Мы должны относиться уважительно даже к самой внешности неизвестных собратьев. А этот их посланец прямо достоин восхищения. Он пришел к нам один, невооруженный, не зная, как мы настроены — миролюбиво или воинственно, он готов пожертвовать собой, чтобы осуществить полезный контакт между двумя цивилизациями...

Посланец и впрямь оказался неробкого десятка. Он не только немедленно вылез из кабины, но, осмотревшись в лаборатории, стащил с себя комбинезон вместе со всеми ремешками, кабелями и датчиками. Слегка испугался, когда робот-механик схватил комбинезон и потащил его на исследование, но тут же успокоился. Потянулся раз — другой и враскачку стал обходить лабораторию, касаясь пола одной из передних конечностей. Ученые с растущим интересом наблюдали за странным существом, и очень скоро оно показалось им уже не таким страшным, а готовность подвергаться исследованиям и вовсе их подкупила. Это действительно был посланец храбрый и самоотверженный, явившийся

к ним, чтобы через него они могли познакомиться с населением красивой Голубой Планеты! Он покорно терпел, когда медицинский робот взял у него на анализ несколько отростков странной материи, которой было покрыто все его тело. Сначала ученые приняли было ее за одежду, но потом убедились, что она растет из кожного покрова, и заключили, что бесчисленные тонкие волнистые выросты являются чем-то вроде радиотелескопических антенн. С их помощью посланец, вероятно, поддерживает неизвестным образом на неуловимой частоте волновых излучений связь со своей планетой. Ведь он, по существу, разведчик, который должен доложить своим обо всем, что узнал!

Обследовав кабину гостя с Голубой Планеты, — так его прозвали на звездолете, — медицинский робот взял пробу банановой каши (к счастью, ампула с ядом лежала отдельно в автомате). Ученые правильно решили, что это — пища, подивились ее небольшому количеству и на всякий случай, сделав химический анализ, без особого труда изготовили такую же синтетическим путем. Робот-стоножка отнес гостю миску синтетической каши на пробу, и Главный Химик засиял от гордости. Посланец Голубой Планеты понюхал кашу, сунул в миску палец и облизал его, после чего приналег на кашу и моментально ее съел. Вторую порцию он тоже слопал с удовольствием, а когда ему подали третью, он залез в кашу всей пятерней, набрал полную горсть и сделал нечто загадочное: той самой кашей, которую только что ел с такой готовностью, обмазал себе голову. После бурных и продолжительных дебатов ученые решили, что этот поступок — не что иное, как жест благодарности за гостеприимство.

Наевшись доотвала, гость с Голубой Планеты окончательно подружился с роботом-стоножкой.

Пощупал его, погладил. Ученые пустили робота побегать по лаборатории на его сотне ножек, и объект исследований весело запрыгал ему вдогонку, крича: „Гхы, гхы, гхы“...

Это был первый звук, который издал гость, но что он хотел сказать? Электронные переводчики думали так, что у них мозги трещали, пытаясь разгадать содержание этого коротенького слова. А гость как будто только его и знал, а может быть, нарочно только его и повторял — самое простое, но уж конечно самое важное слово, — чтобы ученые, находившиеся на звездолете, могли начать знакомство с языком Голубой Планеты. Да, контакт с представителями другой цивилизации, пожалуй, будет потруднее, чем это представляли себе ученые звездолета „Р-109“! Потому они и решили вывести гостя из герметичной лаборатории, показать ему звездолет и самих себя — вдруг он выучит их язык?

Для этого ему следовало в первую очередь сделать прививки против разных болезней, которые он мог бы подцепить, и приучить его организм к чуждому, опасному для него миру микробов и вирусов. На это ушло несколько недель, на протяжении которых посланец Голубой Планеты все время хворал. Больно было смотреть, как он уныло лежит на полу, как удрученно крутит головой, как напрасно ждет помощи и печально стоит: „Гхы, гхы, гхы“... А потом он встал на ноги. Организм в конце концов свыкся с микробами и вирусами чужой цивилизации, каша опять стала ему сладка, он опять начал играть с роботом-механиком. И тогда наступил исторический момент. Капитан звездолета решил не ударить в грязь лицом и представиться гостю с Голубой Планеты столь же смело и достойно. Он вошел в бронированную лабораторию, разделся догола,

растопырил руки, чтобы показать, что никакого оружия у него нет, и сказал:

— „Гхы, гхы, гхы!“

Будь в лаборатории щель, куда можно было бы забиться со страху, посланец Голубой Планеты так бы и сделал. Но в лаборатории ни одной щели не было. И на всем звездолете — тоже. Поэтому он только скорчился в углу. Он тряс головой и передними конечностями, скалил зубы и рычал, пока постепенно не убедился, что голый капитан звездолета не имеет враждебных намерений. А кинокамеры в это время бешено стрекотали, запечатлевая для грядущих поколений первую в нашей галактике встречу двух великих цивилизаций.

Гость быстро привык к экипажу. Сначала он расхаживал по звездолету и везде совал свой нос из любопытства, так что начальник охраны забеспокоился: а вдруг он подослан шпионить? Ничего-то он не понимает, ничего-то не может сказать, а сам, небось, знай передает сведение за сведением своей косматой антенной. Но его успокоила деликатность шпиона, который не прикасался ни к одному аппарату. Начальник охраны и не подозревал, что деликатный Топси рос в лабораториях и институтах и твердо знал, что трогать блестящие аппараты строго-настрого запрещено. Но прошло некоторое время, и Топси перестал стесняться: обезьяна, как бы хорошо она ни была обучена и воспитана, остается обезьяной, и если ей все время потакать, то разбаловать ее ничего не стоит. Топси начал нажимать на кнопки и клавиши, крутить ручки и совать свой нос туда, куда соваться вообще никому не следовало. Неприятные происшествия не замедлили последовать чередой, так что не только начальник охраны, а многие на звездолете вздохнули спокойно, когда был

получен приказ: „Р-109“ не надо спешить завязывать контакты с Голубой Планетой, а следует вернуться домой и привезти ее посланца. Если он, конечно, того пожелает. Ему долго объясняли положение при помощи чертежей, снимков, знаков и слов, спрашивая согласия, пока гость не начал нетерпеливо кивать головой, произнося: „Гхы, гхы, гхы“.

* * *

Встреча звездолета „Р-109“ превратилась в неслыханный праздник. Впервые разведывательная экспедиция добилась столь ошеломительного успеха: она возвращалась с посланцем чужой цивилизации на борту. Все, кто не сумел попасть на космодром, толпились перед телевизорами. Научные комментаторы и журналисты уже несколько недель готовили население к встрече, выступали с сообщениями, статьями, снимками, так что оно, в общем, уже не удивлялось необычному виду гостя с Голубой Планеты. И когда капитан звездолета, наконец-то, вывел его на платформу наружного лифта, миллионноголосый крик продемонстрировал Топси готовность хозяев жить в братской дружбе с цивилизацией Голубой Планеты. Топси в первую минуту испугался, потом замахал длинными руками, начал чесаться подмышками то справа, то слева. При этом он прыгал то на одной, то на другой ноге, скалил зубы и кричал: „Гхы! гхы! гхы!“

Президент Планетарного Совета сначала приветствовал гостя по правилам дипломатического протокола, а потом почесал левую подмышку, подпрыгнул на левой ноге, почесал правую подмышку, подпрыгнул на

правой ногой и в заключение несколько раз крикнул: „Гхы! гхы! гхы!“ То же сделала супруга президента. И сопровождающие их официальные лица. Топси в восторге перекувырнулся через голову и одним прыжком вскочил на плечи супруге президента. Та вскрикнула от страха, но не шевельнулась, чтобы не обидеть гостя. А гость между тем выказывал ей свою благосклонность, копаясь в ее прическе. Блох он там не нашел, потому что на планете блох вообще не было, но поискал у нее в голове еще какое-то время, что супруге президента показалось небезынтересным.

На торжественном приеме во дворце президента посланец Голубой Планеты держался так же весело и непринужденно. Когда президент Планетарного Совета поднимал тост за будущую дружбу двух цивилизаций, гость отпил глоток холодного искрящегося напитка, гаркнул свое неизменное „гхы, гхы, гхы“ (из чего, однако, нельзя было понять, понравился ему напиток или нет) и вылил все, что оставалось в бокале, себе на голову. Это уже явно доставило ему удовольствие, потому что он радостно захрюкал и стал отряхиваться, причем забрызгал всех соседей. Официальные лица озадаченно переглянулись, но решили, что такова, очевидно, церемония поднятия тостов на Голубой Планете, и в ответ тоже опорожнили бокалы себе на головы, захрюкали и начали отряхиваться. А потом хором закричали: „Гхы, гхы, гхы“. Тут гость воодушевился. Он вскочил на длинный стол и начал расхаживать между бокалами и тарелками, хватая куски то у одного, то у другого приглашенного, выплевывал то, что ему не нравилось, а то и опрокидывал тарелки вверх дном. Он разгромил весь стол и вымазался по уши, но все это было истолковано как чрезвычайное внимание к меню и присутствующим. Гость явно никого не хотел обидеть и

потому ел со всех тарелок подряд. Таким образом, торжественный прием превратился в чрезвычайно веселое зрелище, а миллионы телезрителей, сидевших у экранов, окончательно влюбились в своего необыкновенного гостя.

Однако на следующий же день начались неприятности. Сначала дети, а потом молодежь и даже взрослые, встречаясь на улице, вместо приветствия начали чесаться подмышками, подсакивать то на левую, то на правую ногу и, скаля зубы, выкрикивать: „Гхы, гхы, гхы“. А те, кто помоложе и попроворнее, даже кувыркались через голову. Находчивые промышленники тут же произвели, а находчивые торговцы пустили в продажу материал, как две капли воды похожий на лохматую шкуру гостя. Женщины, разумеется, тут же его расхватали, и через несколько дней многих из них было трудно отличить от шимпанзе Топси. Вся планета почесывалась, скалила зубы, искала в голове и кувыркалась, подражая гостю со своей далекой голубой сестры. Глубокомысленные рассуждения ученых еще пуще разжигали пожар моды.

Судя по организму и поведению ее представителя, заявляли они, цивилизация Голубой Планеты живет в гармонии с природой; ее жители простодушны и откровенны, не знают лжи и лицемерия, делают, что им вздумается, не стесняясь друг друга. Они все еще миролюбивы, — ибо не едят мяса, — ловки, подвижны, любознательны, однако пока не ясно, как они трудятся, как именно овладевают знаниями и как передают их друг другу. Чтобы выяснить это, хорошо бы заполучить в качестве объекта наблюдения по крайней мере еще одного представителя этой цивилизации...

Однако к этому времени Планетарный Совет уже спрашивал себя, не довольно ли с них и одного. Потому

что молодежь, подстрекаемая подобными заключениями, начала заявлять, что она тоже желает жить в гармонии с природой и плюет на разные лицемерные правила поведения. Молодые люди перестали посещать учебные заведения и ходить на работу, а во время еды не только разгуливали по столам и нахлобучивали тарелки себе на голову, но и швыряли ими об стены и об пол для забавы. Многие стали ходить нагишом — ведь и гость, фактически, был голый! Топси же, видя, что ему подражают, и вовсе взбесился. Он садился своим хозяевам на голову, лазил им в уши, ломал и бил все, что попадет в его длинные, косматые и сильные лапы. В конце концов положение стало критическим. Толпы народа начали собираться на улицах и тоже бить и ломать все, что попадется под руку. При этом они кричали: „Гхы, гхы, гхы!“ и „Долой Планетарный Совет!“ Так веселое модное увлечение вылилось в трагические события, занесенные в скрижали истории планеты под названием „Голубой революции“, потому что девизом бунтовщиков было „Хотим жить как на Голубой Планете!“ В итоге Планетарный Совет, которому удалось овладеть положением ценой многих жертв, решил прекратить все попытки контактов с другими цивилизациями сроком на сто лет, так как было совершенно очевидно, что их собственная цивилизация не доросла до понимания достижений других планет и не могла поддерживать с ними полезных связей.

* * *

Тихой безлунной ночью небольшой скоростной планетолет бесшумно ссадил Топси на мысе Канаверал возле ракетной стартовой площадки и тут же умчался к звездолету „Р-109“, который ждал его возле Марса.

Представляете, какая поднялась суматоха, когда утром ракетчики увидели Топси, который радостно прыгал перед клетками, где сидели его собраты! Ученые не знали, как объяснить такое чудо, и решили, что шимпанзе, наверное, забыли посадить в капсулу или что Топси в последнюю минуту сбежал из ракеты. Само собой разумеется, конфузное происшествие решили держать в тайне.

Но это — полбеды. Плохо то, что из-за Топси мы по меньшей мере еще на сто лет обречены на одиночество в космосе.

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О ДЕЛЬФИНАХ

В последнее время в печати часто появляются разного рода научные, полунаучные и прочие сообщения о жизни дельфинов, о попытках человека проникнуть в мир этих загадочных существ. Черноморские государства даже договорились между собой запретить их лов, и эта широкая заинтересованность общественности окончательно убедила меня в том, что я не имею права скрывать то, что мне пришлось узнать несколько лет назад. совершенно невероятным, на первый взгляд, образом. А молчал я до сих пор потому, что боялся скомпрометировать свое репутацию журналиста. Я и сейчас не знаю, какая доля истины содержится во всей этой истории, и потому не буду упоминать имен замешанных в ней

людей. Я мог бы обнаружить их только в том случае, если наука в достаточной мере заинтересуется изложенными здесь фактами.

В то время я находился в далекой командировке. Покончив с делами, ради которых приехал в командировку, в жадном нетерпении увидеть и узнать как можно больше я решил любой ценой окунуться в Тихий океан. Согласитесь сами: можно ли побывать всего в тысяче километров от Тихого океана и не увидеть его, если ты еще мальчишкой качался в лодке фантазии на волнах его загадочной славы! Это все равно, что побывать в Риме и не увидеть папу римского, если не хуже. Рассуждая таким образом, я самоотверженно отвалил половину сэкономленных командировочных в кассу авиакомпании, и уже через несколько часов оказался в городе, который по праву называют жемчужиной, царницей и т.д. океана, побережья, континента и т.п.

Город и впрямь великолепный! Но вряд ли те три дня, что я в нем провел, врезались бы в мою память так глубоко, не окажись я в актовом зале местного университета, куда привели меня ноги, подкашивающиеся от беготни по музеям и другим достопримечательным местам. Там как раз заседал международный конгресс океанологов. Удостоверение журналиста обеспечило мне доступ на галерку — я устроился в самом темном ее углу; там можно было даже и вздремнуть, и никто бы этого не заметил, но я не хотел спать, а хотел просто отдохнуть, все равно где, не посягая на свои финансовые резервы, которые таяли с угрожающей

быстротой. Отдохнуть и, конечно, послушать, насколько позволяла усталость.

Не могу сказать, что океанология — моя слабость. Но, будучи журналистом, я свято верен принципу: никогда не упускай возможности узнать что-либо новое, безразлично что. И я подумал: почему бы не узнать побольше о Тихом океане, тем более, что я в нем уже купался?

Я перелистывал программу, которую швейцар подал мне у входа после того, как с большим удивлением и уважительно рассмотрел мое удостоверение, — наконец, я был единственным представителем печати „другого мира“ — и вдруг выпрямился в кресле. Я даже почувствовал, что ноги перестали ныть, а все мои органы чувств, образно выражаясь, стряхнули усталость и наострили уши. Мне даже показалось, будто я услышал, как они в один голос радостно воскликнули: „Ого!“ Имя докладчика, который как раз в эту минуту поднимался на трибуну, было слишком хорошо известно. Случай помог мне увидеть и услышать большого специалиста, пионера изучения дельфинов, директора крупнейшего океанариума.

Я кое-что знал об этом человеке из научно-популярных журналов. Три десятка лет назад он начал в одиночку изучать дельфинов, пожертвовав ради этого своим состоянием. На собственные средства им были построены на окраине города два небольших бассейна. Он нигде не встречал ни поддержки, ни понимания, много лет его единственным доходом были гроши, которые платили желающие поглазеть на фокусы выдрессированных им дельфинов. Так продолжалось до тех пор, пока он, наконец, не сумел пламенными статьями и убедительными научными аргументами заинтересовать некоторые научно-исследовательские инсти-

туты и привлечь внимание общественности к странным существам, которые — единственные на Земле — обнаруживают интерес и любовь к человеку. Теперь профессор, доктор наук Дж. Н. общепризнанный авторитет, и человечество напряженно ждет, что он найдет способ проникнуть в загадочный мир дельфинов. Его поиск шел в трех направлениях: изучение мозга дельфинов методами сравнительной анатомии, биохимии, биофизики и нейрофизиологии; изучение языка дельфинов; обучение дельфинов человеческому языку. Впрочем, эти области осваивает сейчас вся наука дельфинология, но поскольку серьезных ученых в этой области все еще слишком мало, большинство публикаций в печати — чаще всего спекулятивная шумиха, а не плод научных исследований.

Профессор заявил, что не будет утруждать уважаемую публику вещами, уже ей известными, и ограничится сообщением о последних результатах своих работ. И тут позволил себе поступок, который, видимо, был рецидивом тех времен, когда он был больше пропагандистом своего дела, чем солидным ученым с множеством научных трудов; по крайней мере, я так решил. Почти цирковым жестом он подал знак ассистенту и объявил:

— Сначала заслушаем приветствие наших морских друзей уважаемому конгрессу.

Ассистент включил магнитофон на столе президиума, и университетский зал заполнился звуками: плеском падающих в воду тел, писком, горловым бульканьем, лаем. Потом эти шумы отошли на задний план, и на их фоне ясно и недвусмысленно прозвучало:

— Ттопры ттень, ттрусся, люти. Шелаем сдорофья и успеххофф. Ттопры ттень, ттрусся люти, шелаем сдоро-

фья и... — а затем последовала долгая вереница звуков, тихих и ласковых, будто кто-то кому-то объяснялся в любви на непонятном для нас языке.

Если бы эти слова произнес человек с дефектом речи, их в лучшем случае можно было бы принять за забавную шутку. Но голос был нечеловеческий, и сотни достойнейших представителей человечества, собравшиеся в огромном зале, замерли. Только профессор Дж. Н. торжествующе улыбался и так же торжествующе прозвучал его голос в мертвой тишине:

— Это говорит дельфин Моро. Желающих прошу пожаловать завтра в океанариум, где он лично скажет еще многое.

И в эту минуту, когда вот-вот должны были разразиться рукоплескания, кто-то в партере громко крикнул:

— Позор! Это издевательство над существами, которые стоят выше нас. Вы убийца! Прекратите совершать преступления, убийца! Убийца! Убийца!..

Я повис на парапете — до сих пор не пойму, как я не свалился вниз, в партер, где поднялась невообразимая сумятица. Среди бурлящего водоворота ученых лысин мне удалось увидеть возмутителя спокойствия. Он вырывался из рук двух крепко державших его распорядителей и как бичом размахивал над головами своим „Убийца!“ Потом, так же внезапно, как взорвался, замолчал и покорно дал себя увести.

Я, конечно, бросился на улицу, — настоящий журналист ни за что не усидел бы на месте, — и сделал это вовремя: он уже удалялся, сопровождаемый недоверчивыми взглядами служителей, которые то ли думали, не позвать ли полицию, то ли жалели, что не позвали ее.

— Подождите! — окликнул я его, — одну минутку!..

Сейчас я уже не помню, чего наговорил ему, чтобы расположить к себе. Зато запомнил — на всю жизнь — его лицо в ту минуту. Оно было продолговатым, каким-то восковым — лицо мученика с православной иконы, с которого еще не сошли следы волнения. На нем выделялись глаза, большие, прозрачно-зеленые — два искрящихся осколка Тихого океана. Одежда на нем была весьма поношенная, но чистая. Его легко можно было бы причислить к раздавленным бедностью и безработицей жителям большого города, если бы вся его изможденная фигура не выражала горделивого достоинства святого, сошедшего с иконы.

— Журналистам не верю, — заявил он мне бесцеремонно. — Я и с ними пробовал говорить. Некоторые сумели понять истину, но не посмели написать, боялись обидеть человечество или прослыть сумасшедшими. Для этого нужна сила. Большая сила нужна, чтобы сказать истину.

Я осторожно объяснил ему, что не принадлежу к здешним журналистам, что истина для меня превыше всего и что сильно симпатизирую этим морским существам и прочее. А он явно старался проникнуть в мои мысли, глядя мне в глаза своими осколками Тихого океана, и после небольшого колебания сказал:

— Ну, хорошо! Вы расспросите обо мне профессора, он скажет вам, что я ненормальный, и я не обижусь, если вы откажетесь от своих намерений. Я найду за вами вечером. Где вы остановились?

Я сконфузился, потому что он угадал мои намерения, и с чрезмерной горячностью принялся уверять его, что не дорожу чужим мнением и буду его ждать.

Он явился, когда великолепный город загорался длинными разноцветными огнями бесчисленных реклам. И с вызывающей иронией спросил:

— Ну, что вам сказал Н?

Не было смысла отрицать, что разговор с профессором состоялся, — весьма пространное интервью, полное ярких мыслей и любопытных научных фактов; такой материал мог стать гвоздем номера любой газеты. Профессор был более чем любезен со мной, и этим я тоже, по-видимому, был обязан своему удостоверению журналиста „другого мира“.

— Он очень сожалеет, что потерял в вашем лице ассистента. Вы были его лучшим сотрудником, — деликатно ответил я, но его усмешка возмутила меня, и я поспешил добавить: — и еще он сказал, что вы внезапно заболели какой-то навязчивой идеей и однажды ночью, в припадке сильного душевного смятения, выпустили в океан всех его дельфинов. Однако он не сердится на вас, хотя ваш поступок задержал развитие науки на целые годы...

— Когда он поймет, что его наука ведет в никуда, то и вовсе перестанет сердиться, — отозвался он. — Так что вы решили? Поедете со мной?

— У меня нет оснований не верить всемирно известному ученому, — сказал я немного резко.

— Вы же сами хотели получить от меня доказательства его неправоты, — ответил он с обезоруживающей кротостью. — Я не набивался к вам с ними. А то, что произошло сегодня, вовсе не демонстрация, а... я просто потерял самообладание, когда стал свидетелем такого издевательства... Одним словом, я хотел сказать... но не буду вас больше утруждать!

— Подождите! — остановил я его не подумав, потому что давно, не только благодаря разговору с профессором, усомнился в разумности своего первоначального намерения. — Куда вы собираетесь меня взять?

— К дельфинам. Выслушать другую сторону в споре.

— Выслушать... что? — Нет, у этого человека явно не все дома.

— Поедьте, — попросил он тихо, словно намеренно избегая малейшей настойчивости. — Уверю вас, не пожалеете.

Если бы он отстаивал свое мнение с фанатической страстностью, если бы обрушился на профессора, я бы, наверное, не согласился. Но сопротивляться этой грустной кротости было невозможно.

— Давайте возьмем такси, — сказал он все так же просительно. — Сейчас луна заходит рано, и у нас мало времени, а нам нужно забраться подальше от людей.

„Еще бы! — подумал я. — Куда же без луны — неперменного атрибута каждой несуразности, желающей прослыть таинственной или романтической!“ Я, конечно, злился на себя, и это помешало мне сообразить, что платить за такси придется мне. Только когда мы выехали из города и я услышал неумолимое пощелкивание счетчика, у меня мороз пробежал по коже. А услышал я его потому, что мы молчали, всю дорогу молчали. Я принялся ругать себя: дернула же нелегкая потащиться (да еще в такси!) с этим сумасшедшим. При этой мысли я оцепенел. Сумасшедший! А вдруг он на меня набросится? Сейчас-то он кроткий и вроде ничего, но когда мы останемся вдвоем... А если я выражу недоверие к его фикс-идее? Господи, надо же мне было связаться с этим психом!

Я пытался припомнить приемы дзюдо, которые знал в молодости, бросая время от времени испуганные взгляды на покачивающуюся фигуру моего проводника, но мне стало неудобно: он сидел, молитвенно сложив руки на коленях, и пальцы белели в темноте, излучая смиренную доброту.

— Почему вы молчите! — крикнул я ему сдавленно.
— Говорите! Подготовьте меня к тому, что я увижу!

Спал ли он? Или в самом деле молился? Или впал в экстаз? Надо было заставить его говорить, потому что его молчание и проклятый счетчик меня прямо с ума сводили.

— Вы серьезно утверждаете, что профессор Н. не любит дельфинов? Ведь он посвятил им всю свою жизнь, пожертвовал состоянием! А с какой страстью защищает их! Много лет, один против всего мира!

— Извините, — перебил он мои лихорадочные вопросы, словно проснувшись. — Знаете, отправляясь к нашим общим друзьям, я должен подготовиться, освободить свой дух от всего, что ему мешает. Вы о чем-то спрашивали?

— Да, — осторожно ответил я. — Спрашивал, верующий ли вы. Потому что сам я — убежденный атеист.

— Не верю ни бога, ни в черта, — отозвался он. — Но вы говорили о другом. Кажется, о любви к дельфинам. Видите ли... — Мне показалось, что он опять усмехается с кроткой иронией, но в машине было слишком темно. Фосфорическое свечение щитка впереди позволяло разглядеть очертания его иконописного лица. — Предположим, я вас люблю, но совсем не знаю. И с целью узнать вас поближе распорю вам живот, чтобы посмотреть, как вы устроены внутри, потом вскрыю ваш череп и натыкаю в мозг электродов, потом буду раздражать вас электрическим током или колоть иглами и мучить с помощью всевозможных приборов, да еще ко всему прочему заставлю вас из-под палки учить язык марсиан, если таковой имеется, конечно. Как бы вы отнеслись к этой моей любви?

Я хотел было прервать его, сказав нечто вроде „О, мне хорошо известны маниакальные декларации

Общества защиты животных!“, но осекся. Когда сумасшедший, пусть даже самым невинным тоном, начинает рассуждать о распоротых животах и тому подобном, приходится умерять жар полемики.

Он выжидательно помолчал и видя, что я молчу, продолжал:

— Особенно если учесть, что это проделывается при наличии совсем простого способа взаимного опознания: мне стоит только спросить вас, и вы сами все о себе расскажете.

Нужно было что-то сказать, и я с демонстративным вздохом вставил:

— Конечно, но дельфины, к сожалению, этого не могут.

— Могут! — резко возразил он и привстал с сиденья.

— Могут! И мы в состоянии их понять!

Кажется, начинается! К счастью, мы были еще в машине, и уютный, милый счетчик продолжал щелкать, отгороженный от нас массивной спиной шофера.

— Как? — вырвалось у меня сдавленно, и мой спутник, конечно, меня не услышал. Откинувшись на спинку сиденья, он продолжал спокойно, как раньше:

— Знаете, когда меня объявили сумасшедшим? Когда я научился разговаривать с дельфинами. Это умели многие и до меня, главным образом, рыбаки, из тех, старых, для которых море — жизнь, а не рыбный садок...

Я вспомнил, что мой приятель Борис Априлов наткнулся на такого рыбака во время скитаний по Черноморскому побережью; он даже рассказ о нем написал, но смотрел на это свое произведение, как на поэтическое повествование о помешанном добряке, душа которого, неиспорченная цивилизацией, сохранила способность общаться с природой. Я хотел было

сказать об этом, но мой гид продолжал мечтательным голосом:

— Это было, когда я насильно вынес их из бассейна и пустил в океан.

— Насильно?

— Да, они такие добрые и так самоотверженно нас любят, что не хотели расставаться с океанариумом. Некоторые даже вернулись потом обратно, пожив со своими. Кружили возле берега, пока не показались люди профессора. Сами заплыли в расставленные им сети.

— Значит, у профессора им было хорошо, — сказал я, стараясь, чтобы мои слова не походили на насмешку: как знать, это сумасшедшее бормотанье, может быть, предвещало буйство.

— Ха-ха, хорошо! Я же вам говорю, что они готовы выносить любые страдания, чтобы заставить нас понять их, понять их добрую волю. Потому что они нас знают, даже те молодые и храбрые дурачки, которые вернулись, даже они нас знают.

— Правда? — отозвался я сладеньким голоском, пытаясь скрыть недоверие. — А как вы научились разговаривать с ними?

— Я выразился неточно, — живо отозвался он. — Я не научился, а просто вдруг понял, что говорю с ними. Была теплая ночь с огромной ясной луной, — одна из тех ночей, в которые трудно уснуть. Охваченный отчаянием — тысячи попыток разобраться в пяти десятках звуков, которые издавали наши питомцы и которые я без усталости записывал на магнитофон, не давали результатов — я вышел пройтись, хотя страшно устал за длинный, знойный летний день. Присел возле одного из бассейнов и с грустью подумал: „Милые мои, хорошие мои, скажите же, что у вас за язык, что вы нам го-

ворите, неужели мы так глупы, что вот уже целых десять лет бьемся и не можем разгадать смысл этих ваших пятидесяти слов?" Вода в бассейне была гладкая, как стекло, потому что стояло полное безветрие, а две пары дельфинов, которые жили в нем, наверное, спали где-нибудь; имея дело с нами, они тоже научились спать по ночам. Днем-то мы ни на минуту не оставляли их в покое. И вот, смотрю я на воду, вздыхаю, и вдруг у самых моих ног показалась морда Ники. Я его узнал, потому что было очень светло. Спрашиваю: „Ники, дружок, я тебя разбудил? Извини, я сейчас уйду“. А он мне вдруг отвечает: „Меня разбудила твоя печаль, друг“. Я не поверил своим ушам, да и услышал я его, кажется, не ушами. Я повторил свой вопрос погромче, и в ответ услышал те же слова в другом порядке: „Печаль твоя меня разбудила, друг“. Тут я уже почувствовал, что эти слова раздаются где-то во мне — не как звук, однако не менее отчетливо и звонко. Я онемел, в голове галопом понеслись мысли: возможно ли... как же так... наверное, мне показалось... галлюцинация... с ума сошел старый хрен... надо принять снотворное... и все в этом роде. А сквозь их сумбурное течение настойчиво прорывалось: „Зачем страдать, друг? Не надо страдать! Вот видишь, ты уже меня понимаешь. Я тот, кого вы называли Ники. Сначала это имя казалось мне глуповатым, но потом я его полюбил — я понял, что вам приятно так меня называть. Ты боишься, друг, а бояться не надо; я давно хотел сказать тебе все это, но твоя мысль ускользала от меня, а вот теперь она замерла и слышит меня. Ты ведь слышишь меня?“

Я сказал, что слышу, но вы можете себе представить, как я это сказал и каково мне было! А он продолжал: „Друг! Не позволяй своим мыслям ускользать от меня и от тебя самого. Не позволяй, и мы

сможем разговаривать. Нам так много надо друг другу сказать, ведь правда? Ты сам знаешь, как много нам надо друг другу сказать..." И я не разрешил мыслям ускользнуть. Мы проговорили всю ночь. Он рассказывал мне о себе и о других дельфинах, а я рассказывал ему о себе и о людях. И оказалось, что я ничего не знаю о дельфинах, хотя дружил с ними и изучал их целых десять лет! А вот Ники было много известно о людях, причем даже такое, чего я сам не знал. Когда наутро я поразмыслил обо всем, то понял, что все это правда.

На вторую ночь я опять беседовал с Ники. Я спросил его, нельзя ли мне поговорить и с другими дельфинами. Он сказал, что я могу вступать в разговор со всеми дельфинами в океане, потому что они говорят между собой таким же образом, а вовсе не при помощи пяти десятков звуков, рудимента какого-то древнего способа общения, которые вырываются у них под влиянием эмоций. И каждый воспитанный дельфин старается воздерживаться от их употребления, потому что это не совсем прилично. Но в бассейне они нарочно то и дело пускают их в ход, перегружая свои атрофированные голосовые мембраны, потому что люди проявляют особый интерес к этим звукам и надеются с их помощью нащупать путь к мышлению дельфинов. На третью и четвертую ночь я отправился к другим бассейнам, я беседовал с каждым дельфином в отдельности. На пятую ночь я не выдержал, — под влиянием всего, что я услышал, меня охватило безумие, — и выбросил дельфинов в океан. Мне было невозможно смотреть, как профессор Н. их истязает, а они из последних сил стараются угодить ему и терпят его варварские методы исследования. Вот как все это началось, и если вы проявите добрую волю и настойчивость,

то сможете лично убедиться в том, что я говорю правду.

„Знакомая история! — сказал я себе. — Шизофрения, раздвоение личности. Пусть по книгам, но знаем!“ Однако от такой констатации страху, конечно, не убавилось. Я напряженно и безуспешно пытался придумать выход из опасного положения, когда услышал тихий смех моего спутника.

— А знаете, люди тоже могут разговаривать между собой таким образом. Нужно только захотеть и немножко поупражняться. Хотите, я повторю, что вы сейчас сказали про себя? Вы сказали: „Знакомая история! Шизофрения, раздвоение личности“ — Он опять засмеялся, но тут же поспешил извиниться: — Не обижайтесь, пожалуйста. Да вы, кажется, хотите, чтобы шофер остановил машину? Пусть останавливает, уже недалеко. Проклятый счетчик, — он сделал ударение на моих словах, — кто знает сколько уже накрутил, а вы беспокоитесь, потому что у вас мало денег. Я ужасно страдаю, что не могу заплатить сам, поверьте! Но человеку, который — пусть даже несправедливо — побывал в сумасшедшем доме, трудно найти работу. Пока меня кормят дельфины...

Не помню, реагировал ли я на это вообще, — да и как будешь реагировать, когда тебе повторяют вслух собственные мысли! — но он велел шоферу остановиться. Вежливо перегнулся через меня и открыл дверцу, успев шепнуть:

— Прошу вас, успокойтесь, а не то от нашей прогулки не будет никакого толку. Психиатрию я знаю лучше вас, изучал специально.

В каком-то почти сомнамбулическом состоянии я отсчитал сумму, показанную „проклятым счетчиком“, и

оказался на шоссе, под звездами и луной, которая протянула по морю свое шоссе; оно начиналось у самых моих глаз и уводило к горизонту, к самой луне или, может быть, к солнцу, а то и к самому центру Вселенной. И кто-то словно бы хотел повести меня по этому шоссе, говоря спокойно и вразумляюще:

— Хорошо, что вы отпустили такси, страшно дорогое удовольствие! Вернемся пешком, ночь хорошая, прогуляемся на славу. Вы — добрый человек, потому я вам и доверился. Знаете, разбираться в людях я тоже научился у дельфинов и редко ошибаюсь, так как могу слышать то, что люди говорят иногда самим себе...

Мы сошли с шоссе, созданного людьми, я то и дело спотыкался о прибрежные камни, а он поддерживал меня под руку; вероятно, потому я ни разу не упал, хотя все еще ничего не видел, ослепленный лунным светом, оглушенный могучим, прерывистым гулом прилива.

— Сядьте здесь! — сказал мой проводник, и я послушно, как загипнотизированный, сел.

Передо мной ворочался и гремел Тихий океан. Но это был не тот океан, о котором я мечтал мальчишкой, не тот, в котором плавал еще вчера. Это была единая, без начала и без конца живая масса, которая корчилась, рассеченная надвое лунным лезвием. Она гипнотизировала меня миллиардами серебряных глаз и звала головами миллиардов существ, сливавшимися в один апокалиптический зов, и неотступно двигалась ко мне, и я двигался к ней, и мне казалось, что я возвращаюсь куда-то, откуда меня страшно давно исторгли против воли. „Иду-у-у-у! — кричало во мне все. — Иду-у-у! Иду-у-у!“ — и это Все дрожало от торжества, что его ждут и слышат, что его зов понят на том, другом конце лунного пути, возле луны, или солнца или центра Вселенной.

— Вы меня слышите? Возьмите себя в руки и выслушайте меня.

Мой проводник, наклонившись ко мне, тряс меня за плечо.

— А? — очнулся я. — Что, прибыли?

— Да, — сказал он, и я понял, что спрашивал его о другом прибытии, потому что давно сидел на скале, и скала подо мной была холодная и шероховатая.

— Сейчас я их позову, — сказал он. — Но не надо делать ничего, что могло бы их обидеть. Сидите неподвижно и вслушивайтесь в себя. Анализировать будете потом, а сейчас доверьтесь самому себе, это важнее всего! — Он говорил необыкновенно громко и внушительно, — может быть, просто хотел перекричать прибой. — Вы должны верить, слышите! Верить в то, что будет звучать внутри вас. В этом нет ни мистики, ни самовнушения; это все равно, что разговор с самим собой. Когда вы захотите о чем-нибудь их спросить, спрашивайте самого себя. Когда захотите что-то им сказать, скажите самому себе. Но это отнюдь не легко. Надо быть совершенно искренним, таким искренним, каким человек очень редко бывает даже с самим собой. Ведь самое трудное для нас, людей, — освободиться от притворства и самообмана, от лести самому себе и особенно от мифических представлений, которыми забиты наши мозги. Вам следует освободиться от всей этой шелухи, хотя бы на десять минут. И если это вам удастся, вы будете разговаривать с дельфинами. Потому что их язык — это, видимо, язык Вселенной, или жизни во Вселенной, или, по крайней мере, мыслящих существ Вселенной. Мы тоже его знаем, он содержится в клетках каждого человека, но так редко звучит в нас, что мы перестали его понимать. Сейчас вы должны просто поверить в него, просто поверить!

Последнее слово он произнес по слогам, и каждый слог будто ударял меня в грудь, как волны ударяли скалу подо мной. Она гудела и вздрагивала, и каждая клетка моего тела вздрагивала и звенела от голоса океана. Потом мой ночной проводник отошел в сторону и встал на самом краю берега, лицом к изначальной и бесконечной, живой и звучащей водной массе. И я увидел, что он — не человек, не безумец, а ее частица, одинокая темная волна, отдельный мускул, клетка, которая издавала такой же протяжный зов, полный чудовищной тяги к единению, как тот, что исторгался из бездны рассеченного лунным лезвием океана. Я сидел и слушал этот зов и уже не знал, исходит ли он из глубин океана или витает повсюду — в черном небе над моей головой, в черной скале, на которой я сидел, в двух черных половинах океана по обе стороны лунной дороги.

— Я ждал тебя, — внезапно вымолвил этот зов. — Но ты опоздал.

— Прости! — ответил ему кто-то. — Но я не один.

— Вижу. Кто это?

— Человек, который тоже вас любит.

— Нет, он нас не любит. Он боится.

— Да, он пока боится, но он добрый человек. А где остальные?

— Придут. Они ловят рыбу для тебя.

Я все так же упорно всматривался в неподвижную фигуру, склоненную над океаном, и слушал два голоса, которые были абсолютно одинаковы, и все же были двумя отдельными голосами. Потом мой проводник внезапно обернулся, я вздрогнул и перестал их слышать.

— Первый уже здесь, — сказал он мне.

— Знаю, — отозвался я. — Я слышал ваш разговор.

— Правда? Это замечательно! А вы его видели? Он там!

Я приподнялся, не вставая с места, и вытянул шею. Крупное блестящее черное тело покачивалось на волнах прилива и вместе с ними медленно двигалось к нам. Мне показалось, что я встретился с ним глазами, — они у него отливали серебром, — но я не был в этом уверен.

— Скажите ему, — сказал я, — что я не боюсь их и по-настоящему уважаю!

— Хорошо, — не совсем уверенно промолвил мой проводник, и я напряг слух, напряг до боли.

— Вы слышали ответ? — спросил он.

— Нет.

— Потому что не сказали этого самому себе. Я ведь предупредил вас быть искренним!

— Что он вам ответил?

— Что сейчас вы боитесь. Боитесь океана, меня, того, что они несут в себе и того, что есть в вас самом и что стремится вырваться наружу и соединиться с тем, что живет в них.

Я крепко смежил веки, и темнота ворвалась в меня со взрывом, за которым последовала внезапная и полная тишина. Но это была не только тишина — это была тишина, и темнота, и пространство, они нарастали во мне, ширились, превращаясь в неделимую необъятность, в абсолютность, какая существует, наверное, только между галактиками. И в этой необъятности мой голос произнес:

— Неужели я боюсь?

— Да, ты боишься, — ответил мне другой голос, но он был так же неотличим от моего, как тишина — от темноты и пространства. — Боишься, потому что не знаешь этих сил, потому что ни разу не пожелал увидеть их ни в самом себе, ни вне себя.

— Наверное, я просто не мог, — сказал я.

— Нет, ты всегда мог их видеть. Но другие люди, которые, как и ты, не осмеливались признать их своими, объявили их сначала нечеловеческими, а потом, когда эти силы совсем атрофировались в них, стали вообще их отрицать. И ты поверил, что они не существуют, но сейчас ощущаешь их присутствие в себе и боишься.

— Кажется, уже не боюсь, — сказал я, продолжая удерживать под веками темноту — тишину — пространство.

— Да, ты уже меньше боишься, — сказал он. — И мы можем стать друзьями. Ты уже перестал быть отчасти человеком в вашем понимании, где главное — тело, а я для тебя уже не животное, и мы сможем друг друга понять.

— Но что же мы такое? — спросил я, дрожа от нетерпения.

— Не знаю, — рассмеялся он, и я увидел, что он весело кувыркается на волнах, как это делают дельфины, а между тем глаза у меня были закрыты.

— Я думал, ты знаешь, раз вы считаете себя умнее нас.

— Пока мы знаем только, чем мы не являемся и чем не должны быть. А вы, к сожалению, до этого еще не дошли.

— Раз мы друзья, так не будем обижать друг друга, — надулся я в своей межгалактической необъятности.

— Это не обида. Я тебе буду говорить свои истины, а ты мне свои. Так разговаривают друзья.

Я попытался найти какую-нибудь свою истину, чтобы сказать ему, но не нашел; все мои истины, казалось, превратились в темноту, тишину и пространство. Поэтому я только спросил:

— За что же вы тогда нас любите?

— Разве можно не любить младшего брата, который заплутался?

— Это — одна из ваших истин?

— Да, — ответил он и кувыркнулся.

— Дважды два — четыре, — сказал я внезапно.

— Что это?

— Одна из наших истин.

— Не понимаю, — промолвил он, смутившись.

— Привет, друг! А вот я знаю. Вы так считаете, правда? Это самое большое ваше заблуждение.

— Привет! — ответил я. — Почему заблуждение? Смотри, вот я до сих пор разговаривал с одним дельфином, а теперь появился ты. Один дельфин и еще один дельфин — два дельфина.

— Нет! Есть только один дельфин и... и дельфины. Это все.

— Ага! — торжествующе сказал я. — Для вас существует только единица и множество! Да ведь это самая примитивная ступень отношения к миру. Извините, но это... это животная стадия. Даже дикари в Австралии считают до пяти.

Оба дельфина перекувырнулись через голову, и я услышал их смех — он был веселый и безобидный. Потом тот, что появился позднее, сказал:

— Ты можешь пересчитать волны в океане? Можешь пересчитать все, что есть во Вселенной, измерить бесконечность? Счет нужен для движения тела, он мешает духу слиться с бесконечностью. А вы привыкли все считать, и как раз от того, что считаете тщательнее всего, страдаете больше всего. Хотя в силу атавизма любите только единицу. Любите одно солнце, а множества солнц пугаетесь. Страдаете, когда теряете одного человека, и равнодушны к гибели множества...

Я хотел было возразить, но вдруг понял, что они

правы. Не знаю, как это получилось, но, плавая в межгалактической необъятности... (теперь я уже не удерживал ее за сомкнутыми веками, а плавал в ней с бесплотной легкостью и разговаривал с одним дельфином, потом еще с одним дельфином, и знал, что это уже другой дельфин, а потом и с человеком, имени которого не знал, но которого любил)... кружась в своей тишине — темноте — пространстве, я вдруг понял, что это — истина.

— Они знают Космос лучше нас, — объяснил мне этот другой человек. — Может быть, потому, что живут в океане, а он дает более верное начальное представление о Космосе. Их тела получают от него достаточно тепла и пищи, так что дух их свободен. Кроме того, они общаются между собой в коротковолновой амплитуде звезд-пульсаров. Вы думаете, это случайно?

— Говорят, что когда-то мы были очень близки, — печально сказал первый дельфин. — Но чем опытнее и ловче становились ваши конечности, тем скованнее и примитивнее становился ваш дух. Вам уже мало того, что вы истребляете друг друга. Казалось бы, вы должны быть этим довольны, как некоторые звери, для которых высшее наслаждение — пожирать свое потомство. А знаешь, как больно нам смотреть, когда эти ваши летучие и плавучие дома разрушают друг друга, и вы падаете в океан, рыбам на корм! Когда-то вы хоть с нами не воевали, считали своими друзьями, а теперь истребляете и нас. Почему? Что мы вам сделали? Ведь наше мясо вам не по вкусу?

— Это тоже из-за приверженности к счету, — отозвался другой дельфин, который, видимо, был старше и знал больше. — Они считают, сколько существ научились побеждать, им все кажется мало, и они

принимаются за следующих, Это называется ненасытностью...

Сам того не желая, он напомнил мне про другую нашу истину, и я воскликнул:

— Это же неотъемлемое свойство духа?

— Свойство духа, когда он — раб тела. Нас природа тоже вынудила в какой-то мере быть рабами примитивной плоти, но зато мы научились высвободить дух.

Его нравоучительный тон начал меня раздражать.

— Но мы же не можем только беззаботно резвиться на волнах, как это делаете вы!

— Ты видишь только нашу плоть, а плоти нужно только есть, размножаться и резвиться на волнах — больше ничего.

— Люди давно говорят об этом, — сказал я, слясь припомнить какую-нибудь истину, чтобы возразить ему.

— В мозгу человека заложены те же истины, что и в мозгу дельфина, хотя наш мозг крупнее. Но вы никогда не знаете, какие истины верны, а какие — нет, потому что поклоняетесь числам, а числа означают умерщвление.

„Вот тебе и на! Оказывается, у них и мозг крупнее! А впрочем, вероятно, и впрямь крупнее“. Но я этого не сказал, я промолчал, потому что изо всех сил искал свою истину. А он обратился к другому дельфину:

— В сущности, первопричина их трагедии — суша. Ты же знаешь, подобные существа есть и на других планетах. Стоя на крошечной скорлупе — земле, люди, наверное, воспринимают Вселенную как колпак, стены которого нужно разбить, чтобы выйти на простор. Вот они и ищут истину с ножом и молотом в руках, дробят стены, не понимая, что обломок — это не целое, что это

уже не часть истины, потому что он мертв. Число — это покой, а истина, которую оно символизирует, познаваема только в вечном движении.

— Но мы ведь тоже забрасываем людей в космос! — вставил я.

— Да, именно забрасываете! Используя взрыв и металл. И потому будете встречать там только пламень и лед. Вы не хотите поверить, что простор — это сфера духа.

— Как время — область пространства?.. — начал я, но тут же сам себя перебил. — Изменять! Человек призван изменять и творить!

— И здесь у вас ошибочное понимание, — отозвался он. — Как и мы, вы можете изменять и творить только самих себя. Так поступают все разумные существа во Вселенной, потому что она сама непрерывно создает себя. А вы принялись приспособливать вещество к своей плоти. Воображаете, будто это — изменение, и не замечаете, что дух ваш остается прежним, что в нем умирают те силы, при помощи которых можно проникнуть в истинную Вселенную. Впрочем, отдельные люди это знают, и мы встречали их среди звезд...

— Не верю! — оборвал его я, потому что это была моя последняя истина, и почувствовал, что возражаю только голосом.

— Оставим этот спор, — вмешался другой дельфин. — Неужели вам не надоело стоять на этой дурацкой тверди, друзья? Посмотрите, какая ночь! Давайте погуляем!

— Я думаю, что ему рискованно отправляться с вами в первый же день, — заметил другой человек.

— Не верю! — крикнул я еще громче и открыл глаза, чтобы увидеть ночь.

Океан с ревом нахлынул в мое межгалактическое

пространство, поглотил его, и я оглох от этого рева и ослеп от блеска лунной дороги.

— Верите, — сказал человек, который стоял на скале, озаренный сиянием звезд.

Он стоял на краю скалы, а бесконечная и безначальная живая масса придвинулась к нему и покорно лежала у его ног.

— Сейчас вы поверите до конца, — сказал он и сделал шаг к воде. Потом нагнулся и сел.

Я встал на колени и увидел два длинных, как торпеды, блестящих черных тела.

— Я скоро вернусь, — сказал он.

Я закрыл глаза и сжал кулаки, но ощущал только холод и твердость камня, на котором стоял на коленях. Потом я опять открыл глаза. Человек сидел царственно спокойно, махал мне рукой и летел, как Посейдон, со скоростью торпеды по белому пути, ведущему к луне, или к солнцу, или к центру Вселенной. По белому пути, который соединял две черные половины океана.

— Не верю-ю-ю! — завопил я и бросился бежать прочь — в поле, в темноту. — Не верю-ю-ю!

Я бежал и кричал, пока не наткнулся на шоссе, по которому мы приехали. Оно было жесткое и неподвижное, как скала, шоссе, созданное руками человека. И вело к другому, неоновому, сиянию, полыхавшему в небе, там, где лежал город...

На следующий день, — я как раз проснулся и не понимал, как можно умирать от усталости и видеть такие странные сны, — в номер вошла хорошенькая горничная. С первого же дня она встречала меня многообещающей улыбкой. Но я решил, что вряд ли горничные гостиниц дарят постояльцев своими ласками

бесплатно, и потому с весьма важным видом пресекал все ее попытки поинтимничать.

— Это письмо принес для вас один господин еще утром, — прошебетала она фамильярно-весело. — А вы все спите и спите.

— Мы, туристы, сильно устаем, — проворчал я.

— Да, вы, туристы, всегда сильно устаете, — засмеялась она.

Я уже хотел одернуть ее, но увидел фирменный конверт гостиницы и с беспокойством воскликнул:

— Дайте письмо!

Я с трудом распечатал конверт, так сильно дрожали пальцы. Кто бы в этом незнакомом городе мог мне написать и кто мог знать, что я остановился в этой гостинице? Потом я прочел письмо и, наверное, разинул рот, вообще вид у меня, вероятно, был ужасный, так как девушка спросила:

— Что случилось? Плохие новости?

Голос не слушался меня, я только махнул рукой, — уйди, мол, — и, помню, она вышла, как выходят из комнаты безнадежно больного. Я перечитал письмо.

„Дорогой друг, почему вы меня не подождали, я очень тревожился за вас. Но сейчас узнал, что вы спите, и успокоился. Может быть, вы меня неправильно поняли? Я просто хотел дать вам наглядное доказательство того, во что вы и сам поверили. Отдохните хорошенько, а завтра вечером я зайду за вами, и мы вместе отправимся к нашим общим друзьям. Ведь они еще так много хотят вам сказать! Будьте здоровы. Ваш Х“.

Я вскочил с постели. Ваш Х.! Ваш Х.! Черт бы его побрал, неужели все это было на самом деле? Я постоял несколько секунд, как лунатик, потом бросился к лежавшим на кресле брюкам и вытащил бумажник. В

нем осталось всего несколько банкнот, которых еле хватит на то, чтобы оплатить гостиницу. Надо немедленно уезжать! Без подарка для жены! Бежать, пока его сумасшествие не доконало меня! Я еще раз пересчитал деньги. Считал и ругался.

— Кретин несчастный! Дурак! Развесил уши! На этой идиотской истории не заработаешь даже тех денег, которые ушли на такси!..

НАКОРМИ ОРЛА!

Я упрямо настоял на том, чтобы мне самому разрешили записать мои впечатления и представить их на суд истории. (Говорю „впечатления“, потому что назвать их „воспоминаниями“ или „мемуарами“ было бы неточно, так как сам я в них не уверен). Боялся разрушить уже создавшиеся у людей иллюзии, которые могут и не оказаться иллюзиями. Думаю, что такая доза тщеславия мне полагается — как-никак, я пока единственный на Земле человек, который в состоянии рассказать кое-что о будущем, не рискуя быть обвиненным в шарлатанстве или сумасшествии. Больше того: человек, которому безусловно верят. Но пусть эта вера остается на совести верящих: я не собираюсь за нее отвечать.

По профессии я — испытатель космических летательных аппаратов, даром слова не владею и сознательно избегаю всякого сочинительства. В работе испытателя оно особенно вредно. Космический вакуум приучил меня к молчанию. Если в Космосе много болтать, он опустошает душу так же, как высасывает воздух из разгерметизированной кабины. Записывающая аппаратура всегда служила мне только для диктовки наблюдений во время испытательных полетов. Поз-

тому, наверное, диктофон напоминает мне сейчас голодного зверя с разверстой пастью, в которую мне нечего швырнуть, кроме самого себя. Как в народной сказке, где герой отрезает от себя куски мяса и кормит им орла, который несет его из нижнего царства в верхнее.

Обо мне — золотая тема для трепачей! — сочинено много всякой всячины: психологические и философские трактаты, драмы и комедии, фильмы и эстрадные спектакли. Надо сказать, что люди открыли множество способов топить в многословии даже самые серьезные свои проблемы: жуют и пережевывают, пока не надоест. Вообще-то это тоже способ их решения: поговорили и забыли, как забываются старые шлягеры в домашней фонотеке. И, кажется, один я никак не могу забыть, как много нам с Тюниным пришлось отрезать от себя для ненасытной утробы человеческого любопытства.

Нас была целая дюжина, опытных испытателей космолетов, которым предложили стать „хрононавтами“, но опробовать новую профессию удалось всего троим. Она исчезла, не успев утвердиться, вместе с отказом от полетов во времени. Мальчишки, которых сейчас тренируют проскальзывать сквозь „время-пространство“, опять скромно, по-гагарински, называют себя космонавтами.

Переброска во времени, как некогда атомная энергия или инженерная генетика, поставила перед человечеством новые юридические, моральные и философские проблемы огромной важности. Но если генетика должна была решать, в какой степени и в каких случаях она имеет право вмешиваться в организм индивида, то здесь речь шла о вмешательстве в организм всего человечества в целом — от австралиопитека до неясно вырисовывающегося в тумане

будущего гомо галактикуса. Изобретатели, гениальные ученые, предвидели это. Учитывая уроки истории, они поспешили создать прецедент, чтобы избежать абстрактных споров. Я их оправдываю, потому что история научила и меня: человечество не может решить важного вопроса, пока не споткнется на нем и не разобьет себе нос до крови. Мы, первые три хрононавта, упали как три капли крови из этого носа, который милейшее человечество любит совать во все дырки.

Много лет опыты велись в тайне от широкой общественности. Ей подсунули только теорию открытия, чтобы люди понемножку и издалека свыкались с его последствиями. К счастью, не столько соблюдение тайны, сколько гигантские разряды энергии, при помощи которых пробивается туннель во времени, держали любопытных на расстоянии от опытного полигона. Не буду излагать здесь теорию трансляции, потому что ее уже давно проходят в школе. Первые опыты по ее проверке были безобидны и в целом безвредны — совершенно естественно, что переброска осуществлялась в прошлое, — но и они дали достаточно поводов для яростных дискуссий. Что посылать? Разумеется, предметы, но какие? С одной стороны, они не должны послужить поводом для опасного вмешательства в историю, а с другой — должны уцелеть, чтобы их можно было найти.

Сначала было легко. Предметы посылались в прошлое на расстояние от нескольких месяцев до десятилетия. Опыты подтверждали как правильность теоретических выкладок, так и безотказность работы трансляторов. Однако для усовершенствования технологии, уточнения параметров, определения оптимальной мощности зарядов, соответствующей искомому отрезку времени, для отрегулирования фокусировки

понадобились сотни опытов с тысячами и тысячами предметов, большинство которых бесследно исчезло в вихре минувших веков. Предметы должны были быть привычными для людей соответствующей эпохи — металлические сосуды, оружие и тому подобное, но на них ставились отличительные знаки, чтобы их можно было обнаружить, потому что если предмет не найден, то нельзя доказать, что он прибыл по месту назначения. Так, например, наши ученые уверены, что „божественный щит“ Ахилла и непобедимый меч нибелунга Зигфрида прославились в веках благодаря созданному в мастерских полигона особо прочному сплаву, не подверженному коррозии. Однако они до сих пор не найдены, так что красивые легенды, к счастью, пока остаются поэтическим вымыслом.

Каждую неделю на протяжении двух лет гигантские спиралевидные трансляторы выстреливали в прошлое сотни мечей, шлемов, щитов, металлических кубков и кувшинов, статуэток идолов, а в это время целый отряд историков круглосуточно разыскивал их в... каталогах музеев. На теоретических занятиях, которые проводились с нами, хрононавтами, можно было посмеяться: приходишь в музей и спрашиваешь: „Что вы можете сказать вот об этом бокале?“ „О! — воодушевляется сотрудник музея, — это особо ценный экспонат! Он датируется переходом от бронзовой эпохи к железной! Но посмотрите на эти знаки, вот здесь! О них написано пятнадцать статей с двадцатью гипотезами! Этот орнамент не имеет ничего общего со стилем данной культуры, в соседних культурах тоже никаких аналогий не обнаружено. Очевидно, налицо более отдаленное влияние, что говорит о...“

Нетрудно себе представить, как разинули бы рты и сотрудник музея, и авторы пятнадцати статей, если бы

узнали, что и орнаменту, и самому предмету всего несколько месяцев, хотя радиоуглеродные, калиево-аргонные и прочие методы археологии совсем точно датировали бокал седьмым веком до нашей эры.

В наши дни скандал среди историков и археологов, вызванный обнаружением переброски во времени, уже улегся, хотя не обошлось и без самоубийств. Два профессора и доцент, целиком построившие свою научную карьеру на наших находках, покушались на свою жизнь. „Покушения“, слава богу, оказались скорее демонстративными и тоже поддельными, так что ученых удалось спасти. Не меньшее разочарование испытали и приверженники гипотезы о визитах на Землю космонавтов других цивилизаций. Рухнуло одно из сильнейших ее доказательств — известные бронзовые статуэтки, найденные два с половиной века назад при раскопках на о. Хонда. Вы их знаете — они похожи на космонавтов, одетых в странноватые скафандры. Эти самые статуэтки оказались особенно удачными для переброски в прошлое. Древние японцы тут же приписали им божественное происхождение, благодаря чему их остатки за три тысячелетия сохранились весьма прилично. В музеях еще кое-как проглотили горькую пилюлю, но частные коллекционеры были готовы на убийство. Да и как не полезть в драку, когда, скажем, у тебя на полке уже пятьдесят лет стоит статуэтка, эта семейная реликвия, которую ты получил от отца, а тот — от деда, некогда прославленного коллекционера и этнографа; и вдруг тебе на экране телевизора показывают ее отливку и объясняют, что она сделана только что в специальных мастерских Института хронавтики!

Эти „мелкие“ скандалы обнажают трагикомическую сторону проблем, возникших в тот момент, когда человечество в своем почти слепом стремлении к поко-

рению природы начало вторгаться в самое священное, самое таинственное — во время.

Помню общее заседание по окончании теоретического курса. Несколько дюжин морских свинок, птиц и обезьян доказали безопасность переброски живого организма, съездив кто на год-другой назад, кто на шесть месяцев вперед. Нас спросили как будто напрямик, а в сущности, со страшным подвохом: скажите, товарищи, как вы представляете себе дальнейшее развитие этого вида транспорта? Так и сказали, будто речь шла о новом взлете или подводном самолете. Тюнин первым попался на удочку. С улыбкой, конечно; тогда мы, будущие хрононавты, еще могли улыбаться — по наивности.

— Я готов лететь, — сказал он и хотел сказать что-то еще, но его деловито перебили:

— В какую эпоху? — будто на вокзале кассирша спрашивает, куда ему выдать билет на аэробус.

Тюнин слегка запнулся:

— Ну, придется порыться в учебниках истории, выбрать эпоху по вкусу, вы же их превратили в модные журналы...

Ему осторожно напомнили:

— Товарищ Тюнин, вам, конечно, известно, что какую бы эпоху вы ни выбрали, мы не сможем вернуть вас обратно.

— Естественно, — ответил он. — Чтобы вернуть меня, вам сначала пришлось бы выстрелить туда самих себя вместе с институтом. Но если я выберу, скажем, Египет эпохи фараонов, то есть надежда, что вы меня найдете или в Британском, или в Пушкинском музее в виде мумии. Все-таки утешение.

Как говорится, смех в зале. Вряд ли необходимо объяснять, что это был за смех, если учесть, что

принцип неопределенности Гейзенберга, который распространялся якобы только на микрочастицы, доказал свою эффективность при переброске во времени. То есть, если ищешь ту или иную эпоху, ты не найдешь точки в пространстве, и наоборот. А мы пока что могли только пробивать туннель во времени. Японские статуэтки стали „японскими“ только потому, что случайно попали на остров Хонда. Так что утешение обнаружить Тюнина в виде мумии было более чем сомнительно.

Замечательный мужик был Тюнин, и потому мне так больно за него. Наверное, эта его почти автоматическая готовность к самопожертвованию заставила и меня вскочить, хотя я, как и все записавшиеся в хроноавты, не менее автоматически заранее простился с жизнью.

— Подождите, товарищи! — восторженно крикнул я. — Трусов среди нас нет, это ясно, и каждый готов пожертвовать жизнью, чтобы проверить гениальное изобретение, которое в корне изменит судьбу человечества... — и так далее, и тому подобное. Экзальтированные фразы, подходящие к случаю и нужные для того, чтобы оправдать мое предложение. — Но опыты показывают, что принцип движения во времени одинаково действует в обоих направлениях. Раз открытие сделано, значит, в следующие века оно будет усовершенствовано до предела, разве не так? Спрашивается, зачем посылать нас в прошлое, откуда мы не вернемся? Я люблю иногда ходить в гости к бабушке и дедушке, но платить жизнью за такое сентиментальное путешествие мне не хотелось бы. Все-таки я не морская свинка. Неохота мне жить в прошлом, неинтересно. Исторических романов в библиотеках хоть пруд пруди. Пошлите меня на век — другой вперед, и мои правнуки

порадуются прадедушке и с еще большей радостью пошлют обратно, — тут я попробовал попасть в тон Тюнину.

Коллеги шумно поддержали меня, а ученые заулыбались до ушей. Я-то воображал, что утер им носы и сказал то, до чего сами они не додумались, а они, мерзавцы, в сущности, хотели, чтобы мы первыми это сказали, чтобы мы взяли на себя ответственность за новый вид опытов. Само собой, они возражали — настолько, чтобы сильнее разжечь наш энтузиазм: наше предложение логично, но если потомки обладают такой аппаратурой, если они вообще владеют переброшкой во времени, почему они до сих пор не дали о себе знать каким-нибудь образом? Значит, и оттуда возвращение не гарантировано...

— Ну, еще неизвестно, во что они на нас смотрят. Небось, потешаются над нами, — отозвался кто-то из коллег-испытателей, а я подытожил:

— Все-таки интереснее проверить и это попутно с испытанием нашей аппаратуры. Иначе дело довольно кислое.

А дело началось, в общем, весело, то есть, в привычном для космонавта-испытателя стиле. Конечно, сначала — скорое и не особенно веселое прощание с близкими. Но и они как будто уже попривыкли, потому что, так или иначе, до сих пор ты каждый раз возвращался, они ведь никогда не знают, какой именно космолет испытывается на этот раз. К счастью, меня эта неприятная процедура не касалась: людей, с которыми надо специально прощаться, у меня почти нет. Потом — детальное изучение трансляторной аппаратуры, обычные и вновь придуманные тренировки, медитация по образцу древних сектантов, которые таким образом якобы сливались с вечностью, что очень хорошо

помогает полной душевной концентрации, и не менее древние прыжки с парашютом, о которых мы давным-давно забыли. Хотя, как нас уверяли, полет сквозь время походил на падение, но без парашюта. Откуда им это было известно, когда ни один из них не летал сквозь время и не падал с парашютом, — это их секрет, но сравнение оказалось довольно удачным.

Первым полетел Тюнин, потому что первым дал согласие. На шесть месяцев вперед. Как говорится, исчез в небытии на крыльях удара по времени в миллиарды вольт. Через шесть месяцев он объявился в центре полигона, ошеломленный, глуповато ухмыляющийся, но воскресший чудеснейшим образом.

Переброска осуществлялась вертикально во времени, но так как оно все же неотделимо от пространства, то получалось известное перемещение в пространстве. Для такого краткого полета полигон был достаточно велик: пятьдесят квадратных километров пустыни. Однако где приземлится хрононавт, улетевший на сто лет вперед, этого никто не знал, хотя, как и полагалось по правилам, была разработана добрая сотня сценариев. Именно теперь предстояло выяснить, так ли неумолим принцип неопределенности или при этом типе движения все же существует известная коррелятивная связь между временем и пространством. А проверить это можно было только, выстреливая людей в будущее.

Я полетел вторым, тоже на шесть месяцев. С недельными интервалами после меня вылетали Крейтон, Мегов, Мельконян, Финци. Целый год мы провожали и встречали друг друга без осечки в разных концах полигона, но наши впечатления совпадали почти полностью. Мы действительно будто падали с нераскрывшимся парашютом; чувствовали ускорение, но не сви-

стел сгустившийся навстречу воздух в темном туннеле, стены которого далеко и бледно светились смутно различимыми цветами радуги. Видимо, это было нечто вроде эффекта Допплера на временно-пространственном фоне Вселенной. Я назвал бы это падение всасыванием — туннель как будто всасывал нас с силой, мощность которой невозможно было определить, чтобы легко выплюнуть из другого конца в определенное время. Падаешь шесть секунд, и ни мозг, ни чувства не прекращают нормальной работы в эти секунды, которые уносят тебя на шесть месяцев вперед. В последнюю миллионную частицу шестой секунды парадоксальное движение, по-видимому, превращалось в движение обыкновенное, но удар был таким коротким, что затухал в металлической поверхности скафандра. Он ощущался как электрический удар ничтожного напряжения. Сумасшедшие ощущения налетали потом, сами подумайте: ты считаешь в уме с двадцати одного до двадцати семи, а посмотрев на циферблат часов с обозначением дат и месяцев, видишь, что прошло шесть месяцев.

После того, как вся группа хрононавтов слетала в будущее, мы начали изводить ученых бурным нетерпением, и они решили не обращать внимания на некоторые немаловажные соображения. Несмотря на круглосуточные исследования, они еще не знали как следует, что происходит в наших организмах во время полета. Шестимесячные и восьмимесячные пробные полеты не оставляли заметных следов в организмах людей вроде нас, привыкших ко всяким испытаниям. Просто необходимо проверить, настаивал Тюнин, все так же напирая на свою немножко показную готовность к самопожертвованию. Просто проверить! И упрямо развивал элементарнейшую гипотезу безопасности

полета: человечество давно умиротворилось и поумнело, и не может быть, чтобы оно в следующие сто лет каким-нибудь неблагоприятным образом покончило с собой. Прогнозы о положении нашей планеты в солнечной системе тоже не предвещают катаклизмов, способ приземления безопасный... Так что, твердил Тюнин, пусть даже наши внуки отказались от этого способа передвижения и вернуть меня некому, если случайно не угожу в жерло какого-нибудь вулкана, то через сто лет спокойно доживу до старости, не отягощая вашей совести.

И он полетел. С музыкой, криками „ура“ и полным карманом посланий к нашим правнукам. Теоретики вычислили: если сто двадцать минут полета на сто лет вперед равняются стольким же минутам субъективного времени, Тюнин приземлится в будущем моложе тех, кому придется его отправлять обратно. А если его не смогут вернуть, то его сыновья-близнецы, которые только-только начинали ходить, через сто лет глубокими старцами будут участвовать в его встрече и дивиться тому, что отцу всего тридцать шесть. На всякий случай точно на сто двадцатой минуте после колоссального взрыва, потрясшего полигон, мы инсценировали его встречу. Вышли на полигон опять-таки с криками с „ура“ и с музыкой, но в коротких штанишках и с плакатами вроде „Добро пожаловать, прадедка!“ „Как насчет простаты?“ и прочее в том же духе. Не скажу, чтобы было особенно весело, хотя мы орали до хрипоты. Перед лицом неизвестности — а уж большей неизвестности и вообразить нельзя! — праздника как-то не получается.

И начали ждать, а ожидание — дело и вовсе не веселое. По крайней мере, ждали недолго. Одиннадцать дней. Его нашел швейцар за главным зданием управле-

ния. Мы узнали его по вымазанному землей скафандру хрононавта, в котором находилось тело полумертвого старика. В больнице ему с трудом продлили жизнь на несколько часов. Из них он был в сознании всего минуты. Говорил несвязно, а может, так нам тогда показалось. Рассказывал о каких-то лесах и полянах, о львах и обезьянах, которые с любопытством глядели на него, а потом вдруг кто-то подмял его под себя и больше он ничего не помнил, кроме того, что опять бесконечно долго летел в уже знакомом радужном туннеле. Посланий к правнукам в кармане его надувного скафандра не оказалось.

В ответ на настоятельные вопросы — давал ли он их кому-нибудь, лазил ли кто-нибудь к нему в карман — он только покачивал головой на дряхлой шее. Его голова покачивалась в тяжком старческом недоумении до тех пор, пока он не умер.

Можно было не верить его бреду насчет львов и обезьян, потому что встроенная в скафандр миниатюрная кинокамера ничего не запечатлела. Но ведь он прилетел. Наши трансляторы не могли его доставить обратно, значит, кто-то его вернул? Если в силу непредвиденных обстоятельств его полет прошел по какому-то столетнему, слегка деформированному пространственно-временному кругу от транслятора до главного здания управления, его старение можно было хоть как-то понять. Выглядел он, как стотридцатилетний старик на смертном одре. Однако Тюнин твердил, что полет был прерван, что он шел по лесу, через поляны, что видел солнце и животных, открывал шлем и дышал натуральным воздухом. В животных и лес мы не верили, но в минуты доказанно ясного сознания он уверял, что разграничивает оба полета и даже помнит, что он думал и ощущал при возвращении. Этого он, к

сожалению, не успел сказать. Ни искусственное сердце, ни искусственное питание мозга не смогли предотвратить быстрого распада столь внезапно одряхлевшего организма.

Единичный опыт ничего не доказывает — это знают и ученые. Нас, профессиональных испытателей, участь Тюнина хотя и потрясла, но не испугала. По крайней мере нас ждала смерть в собственном времени, среди друзей. За Тюниным по списку шел я. Так было заведено с самого начала, но вместо меня выбрали Крейтона, как самого молодого в группе. Надеялись, что если он вернется таким, как Тюнин, то проживет годик-другой или хотя бы месяц, а значит, и расскажет побольше. Еще полгода ковырялись в трансляторах, перенастраивали их, чтобы не получилось гипотетического круга в пространстве, а в это время усиленно омолаживали Крейтона всякими процедурами. Естественно, омолаживали и нас вместе с ним. Медицина довольно далеко ушла вперед в этом отношении, и мы в самом деле начали походить на двадцатилетних мальчиков, но эти „мальчики“ уже не размахивали плакатами, провожая товарища в очередной полет.

Крейтон не вернулся. Ни на одиннадцатый день, ни на одиннадцатый месяц. Его не обнаружили ни на полигоне, ни на всем земном шаре, который был извещен, что при встрече со странным, никому не известным стариком, который может рассказывать воспоминания о львах, обезьянах, доплеровом туннеле и будущей жизни, следует сообщать туда-то. После этого человечество узрело множество странных стариков, жаждущих славы. У всех у них были припасены чудесные, совершенно свежие воспоминания о будущей жизни, некоторые даже рассказывали, как сражались со львами в доплеровых туннелях, но ни один из них не оказался Крей-

тоном. Может быть, эти самые любознательные львы будущего все-таки сожрали его?

Здесь наш отряд дрогнул. Мы перестали спорить о том, чья теперь очередь и у кого клетки моложе. Некоторые выразили пожелание устраниваться от эксперимента, пока новое положение не будет изъяснено теоретически. Я вызвался добровольцем.

Не хочу приписывать себе безмерную храбрость. Просто судьба потомственного космонавта и общительный характер давно превратили меня в неприкаянного бобыля. Родители мои погибли молодыми. Любимая жена сбежала от меня на один из спутников Марса, не успев родить мне ребенка. Из близких родственников у меня остались только дед и бабка, которым я звонил раз в год откуда придется — чтобы знали, что их внук жив и еще шляется по свету. После гибели блистательного Тюнина, которым я восхищался еще в школе астропилотов, после того, как не вернулся очаровательно легкомысленный Крейтон, которого я ввел в нашу профессию и полюбил, как сына, одиночество мое стало вдвойне невыносимее. Вот почему мне ничего не стоило пожертвовать собой, чтобы дать ученым возможность провести еще один эксперимент до того, как они погрузятся в повторное теоретическое исследование своего эпохального открытия. Поскольку из двух хрононавтов один вернулся, а другой — нет, третий мог что-либо засвидетельствовать хотя бы статистически.

Трансляторы опять перенастроили приблизительно на ту же фокусировку, с которой улетел Тюнин, чтобы — круг или не круг — я вернулся хоть в каком-нибудь виде. Оборудовали мой скафандр новейшими автоматами звуко- и видеозаписи. В часы медитации я навсегда попрощался с собой, со всем миром и все никак

не мог проститься по-настоящему. Во мне теплилась какая-то наивная надежда, похожая на интуицию. А моя интуиция, надо сказать, никогда меня не подводила, много раз я испытывал ее и в Космосе, и на Земле. Она тайком нашептывала мне, что я вернусь, что мой полет будет „третьим решительным“ и что мне, по крайней мере, удастся сжать десятилетия одинокой жизни в несколько полезных для науки дней.

Полет не особенно отличался от уже испытанных шести секунд в темном туннеле с флуоресцирующими, будто сквозь туман, радужными стенами. Не отличался физически, потому что два часа — это два часа, и иногда они могут душу вынуть бесконечным чередованием минут. Я нарочно пытался взглянуть на большой хронометр с встроенным в него компьютером, прикрепленный к рукаву, но не мог пошевелить ни рукой, ни головой. „Всасывание“ на этот раз было таким сильным, что, казалось, склеило все, что только могло во мне двигаться. Мое тело летело сквозь какую-то осязаемую массу и в то же время не встречало сопротивления, оно было спеленуто, как кокон. Видимо, шести секунд первых полетов было недостаточно, чтобы обнаружить этот парадокс движения в туннеле. Эти мысли меня отвлекли, и я начал считать с опозданием, но цифры в мозгу следовали одна за другой нормально и беспрепятственно. Я сосчитал до восьмидесяти трех, и не успел произнести в уме следующее „восемьдесят...“, когда сквозь меня пробежала знакомая дрожь в миллионную секунды, означавшая соприкосновение с материальным телом. Должно быть, начав считать, я невольно закрыл глаза, чтобы сосредоточиться. Я немного подождал, потом сильно сжал веки и почувствовал, что жив. Сглотнул слюну — горло тоже ожило. Сказал себе: „Готово!“ и услышал это же

слово в мозгу, в котором токи, видимо, не переставали бежать привычными путями. Только тогда я решился приподнять веки.

Меня окружала та же темнота, — без мерцания стен туннеля, — что и при закрытых глазах. Словно я ткнулся головой во что-то мягкое и непроглядное. Мне никогда не приходилось утопать в торфяном болоте, но это первое, что пришло мне в голову. Мне казалось, что я попал в бездонное болото, хотя теоретически это не могло произойти так сразу. В мускулах ощущалось движение, но, как и раньше, я не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой. Подумалось, что так, наверное, и Крейтон лежит в каком-нибудь заповедном болоте, потому мы его не нашли. Может быть, в этом же самом, несмотря на разницу в фокусировке трансляторов.

Я сделал вдох — дыхание было нормальное. Повреждений в скафандре как будто не было. Попробовал повернуться всем телом, чтобы ощутить среду, в которую попал, — напрасно. За мягкостью ощущалось что-то неподатливое. И понял, что мягкое вещество — это надувные ткани скафандра, который должен предохранять нас и в том случае, если придется опуститься на воду. В болоте, следовательно, утонуть было бы еще труднее. Однако мягкость была не везде одинакова. Это помогло мне постепенно сориентироваться в положении моего тела. Я не лежал головой вниз, потому что только в состоянии невесомости за это время кровь не прихлынула бы в нее до отказа. Внезапно я ощутил вибрацию. То твердое, на чем я лежал, чуть ощутимо вибрировало. Тело испытателя трудно обмануть, попав в любую машину, оно в первую очередь прислушивается к вибрациям...

Да, я, видимо, лежал в какой-то бесшумной машине и вместе с ней куда-то летел. А когда и как я попал в

нее?.. Однако рассудок все еще не верил показаниям чувств. Мне не раз приходилось солоно из-за них в испытательных космических полетах при разных режимах. Я даже решил выругаться по-нашему, по-космонавтски, да завернуть покрепче, чтобы еще раз проверить и себя, и „докладчиков“. Но меня опередил какой-то голос. Он раздался над самым моим ухом, так что, не лежи я как в закованном гробу, наверное, подпрыгнул бы:

— Вы меня слышите?

Я стиснул зубы — челюстями, по крайней мере, можно было двигать. Мне даже показалось, что я услышал, как они сомкнулись. Однако голос прогремел повторно, будто раздраженный помехами в аппаратуре оператор опробовал микрофон:

— Иванов, вы меня слышите?

Ого, сказал я себе, потому что парень я был довольно хладнокровный, ого, раз и собственное имя слышишь, значит, ты впрямь сбрендил! Теперь остается, чтобы навстречу вышел лев, заревел глухим басом и сказал: „Привет, дедка!“ Но раз ты можешь утверждать, что сбрендил, значит, тут что-то вроде кратковременных эйдетических явлений. Я натренировался на них в камерах молчания. Не бог весь какая опасность, — поболтать с тем, кто непрошенным взлет в мозги. Будет над чем посмеяться потом, при прослушивании записи.

— Да, — ответил я с иронической любезностью, потому что все равно ничего не мог предпринять, прежде чем окончательно справлюсь с собой. — Я к вашим услугам. А кто вы такой?

Ответ, однако, был более чем странным для эйдетического образа:

— На разговоры нет времени. За десять минут вы должны решить, останетесь здесь или вернетесь.

Ну, такого забавного вопроса в моем мозгу не было, а гроб, в котором я находился, меньше всего располагал к постоянному пребыванию.

— Вернусь, конечно. Но не раньше, чем сделаю дело и не без вашей помощи. К сожалению, крылышек у меня нет...

Меня бесцеремонно прервали:

— Ваше решение будем считать окончательным.

— Ого, — ухмыльнулся я в устрашающе сгущавшуюся темноту, что плыла перед глазами. — Почему такая спешка?

— Иванов, это не галлюцинация. И времени у вас действительно в обрез. Если хотите вернуться в более или менее человеческом виде, через десять минут вы должны вылететь обратно. Каждая минута стоит вам двух лет жизни.

Я выслушал эту строгую тираду и не на шутку забеспокоился. При эйдетических явлениях в определенный момент должны появляться и зрительные образы. Даже галлюцинации слуха никогда не бывают чисто слуховыми. А темнота перед глазами, хотя и вибрировала, оставалась мертвой.

— Ну-ка, повторите, — произнес я. — Только потише, а то порвете мне барабанные перепонки.

Тот же нервный диспетчерский голос повторил почти дословно все сказанное, на этот раз он и впрямь звучал тише. Я задохнулся:

— Но ведь я... Неужели это правда...

В голосе прозвучала ярость:

— Правда! Почему вы не прекращаете свой нелепый эксперимент? Мы же вернули вам Тюнина, вы что — не поняли нашего жеста? Вы ведь не так глупы.

Но я тут же продемонстрировал свою глупость:

— Откуда вам известно мое имя?

— Из архива вашего института.

Я онемел еще на десять драгоценных секунд. Мне с убийственным великодушием предложили:

— Можете спрашивать. — Это прозвучало, как разрешение иметь последнее желание, которое давалось осужденному на смерть в старых романах.

— Почему я ничего не вижу?

— Потому что вы решили вернуться.

— Значит, вы не разрешаете мне смотреть! — раскричался я почти истерично. — Где я нахожусь? Почему не могу...

— В карантинной капсуле. Мы вас не обеззаразили, а ваши вирусы для нас не безопасны. Мы направляемся к трансляторам. Старт через семь минут.

Я завопил:

— Хочу остаться!

Но мне ответили более чем строго:

— Вы уже заявили о своем решении.

Я старался что-нибудь быстро сообразить в этой абсурдной обстановке. Сто сценариев разработали наши дураки-теоретики, сто сценариев встречи с будущим, но такого я не читал. Все они были розовые, а этот — непроницаемо черен. Это в какой-то степени вернуло мне самообладание, как всегда бывает перед лицом неотвратимой опасности:

— Раз у вас есть наш архив, значит, вы знаете, что произошло. Зачем же вы тогда издеваетесь...

— Мы не издеваемся. Мы не позволяем себе насиловать волю человека.

— Но Тюнина вы вернули, не спрашивая! Он, между прочим, умер...

— Мы не сразу его нашли. В архиве указан час вы-

лета, но мы тогда не знали, где именно его ждать. Животные встречаются во многих местах... — голос прервался, — то ли боялся проговориться, то ли не хотел отнимать у меня время.

— Он видел каких-то львов,— сказал я спокойнее, соображая, как извлечь побольше информации, но в моем мозгу скопилось такое множество вопросов, что я никак не мог распределить их по важности.

— Место, где вы приземлились, — заповедник.

— Но раз в архиве... значит, там должен быть и этот наш разговор, потому что я...

Они не успели подтвердить, что читали даже вот эти мои воспоминания, как я онемел еще на несколько драгоценных секунд от чудовищного прозрения: сейчас разыгрывается сцена, которая уже состоялась, и все, что я говорю, уже давно лежит где-то в архиве. Это смешение времен может свести с ума даже такого человека, как я. Хорошо, что для того, чтобы сойти с ума, нужно время.

— Крейтон погиб?

— Он остался по собственному желанию. Жив, здоров.

Я выругался — как ругались за много лет до этого.

— Пусть катится к черту, так ему и скажите!

— Четыре минуты!

— И вас к черту! — заорал я, но тут же опомнился. — Раз у вас есть трансляторы, и наверное лучше наших, почему не пришлете нам людей; почему обрекаете нас на гибель...

В голосе впервые появилось тепло, которое быстро улетучилось, растворилось в смешке.

— Вы нам не интересны. Ведь вы оставили нам полную документацию о своем времени. Кроме того, не хочется лишать хлеба ваших ясновидцев и астрологов.

— Но зачем... — вопросы хлынули из меня лавиной.
— Что вы посовет... Ведь все равно открытие нельзя закрыть, будем продол... А как вы используете... или вы только разыгрываете меня... Откройте свое лицо, я хочу вас видеть!

Чтобы сэкономить время, я говорил скоропалительно, не договаривая слов. А ответ был все так же краток и неумолим:

— Каждый наш совет был бы вмешательством. Вы сами решите, что вам делать с транслятором.

Я вслушался в голос — голос как голос, сто лет не так уж много, чтобы появились заметные отличия в выговоре.

— Вы, наверное, уже знаете...

— Знаем. Не теряйте времени, Иванов!

— Хочу поговорить с Крейтоном! — я нашел возможность найти подтверждение истинности этого абсурдного разговора.

— Это будет стоить вам еще десяти лет.

— Он не хочет вернуться?

— Это уже невозможно. Он прибыл бы к вам рассыпавшимся скелетом.

Я в душе помирился с Крейтоном, — значит, опомнился, — и мой мозг воспользовался возможностью схитрить:

— Что же отражается на субъективном времени, пребывание в будущем или возвращение? Каково соотношение?

Но перехитрить мне никого не удалось:

— Это вы откроете сами.

Теря последние силы, я прохрипел:

— Неужели вы так ничего и не скажете, что я мог бы передать...

— Не делайте глупостей, мы страдаем от них больше вас самих.

— Вы очень любезны! — я задыхался от внезапно накатившей злобы. — Благодарю за сердечную...

Меня равнодушно прервали:

— Не сердитесь за правду, Иванов, вам при вашей профессии это не подходит. Перебрасываем вас на старт. Следуйте командам автомата!

Даже „прощай!“ не сказали! Какая-то сила понесла меня вверх, налево, направо, вытряхнула из гроба. Перед глазами запрыгали какие-то огоньки, по-моему, просто от злобы и от качки после долгой неподвижности. Послышался другой голос. Его металлический тембр напоминал резонирующий звон автоматов, которые командуют стартами и у нас. Я подчинился ему тоже автоматически, по долголетнему навыку. Да и к чему теперь внимание? Раз воспоминания мои уже написаны, значит, я вернусь живым. А если бы я остался?

Но этот вопрос я задал себе позже. Он вообще не существовал во мне, даже тогда, когда я заорал, что хочу остаться. И не только из-за грубого обращения — со мной держались так, что всякое желание остаться гасло. Я — не Крейтон, легкомысленный сопляк, ради которого я за каждый свой вопрос заплатил двумя годами жизни. И за каждый ответ, который, в сущности, никаким ответом не был, потому что мы это знаем и без них!

Впрочем, разве не так было всегда, когда мы обращались к будущему с вопросами, забывая, что будущее — не что иное, как продолжение самих нас?

Обратный путь показался мне короче. Наверное, потому, что трансляторы у них усовершенствованы, а может, просто я забыл считать в уме, поглощенный вопросами, которые по-дурацки продолжал задавать

голосу из будущего, и прозрениями, пестро туманными, как стены доплерова туннеля. Куда же все-таки летают трансляторами наши нелюбезные правнуки? Раз у них такие принципы, они не шляются во времени по Земле. Значит, следует искать туннель во времени — пространстве! И тогда, наконец, можно будет выйти за пределы Солнечной системы, быстро и надежно добраться до других звезд по гораздо более пестрому и веселому туннелю через это чертово время-пространство...

Моя злость быстро улеглась, и на обратном пути меня занимали эти мысли. А когда я вернулся внезапно одряхлевшим стариком, — я еще в полете почувствовал, как дряхлею и покрываюсь морщинами после каждого своего вопроса и каждого вывода, — я „мудро“ поведал их тем, кто послал меня с завязанными глазами на десятиминутное пребывание в следующий век. Помимо всего прочего, оказалось, что я не открыл ничего нового: теоретические разработки, как положено, давно уже шли параллельно. Через пять лет на Марсе собирались построить дублирующий полигон для возвращения, чтобы продолжать эксперименты в Космосе.

Я, конечно, впал в ярость и ругался, насколько хватало сил. Мне же напомнили, что каждое революционное открытие неизбежно проходит период закономерных плутаний, пока не найдет себе настоящего применения, что надо проверять его по всем направлениям, чтобы раскрыть все возможности. Это банальная истина, и мы, испытатели, очень хорошо ее знаем, потому что вывозим ее блеск на своем горбу. Но когда заплатишь за нее двадцатью годами жизни, она перестает быть банальной. В ее свете твой подвиг становится двусмысленным, как бы там тебя ни возвеличивали за то, что ты доказал человечеству.

В сущности, я продолжаю страдать не только из-за

потерянных лет. Мой доклад приняли с доверием, хотя в моей записывающей аппаратуре не сохранилось ни звука, ни образа. Казалось, все было стерто мощным магнитным полем. Все мои сведения они оценили как логичные и разумные. Но я все больше теряю уверенность, что этот разговор действительно состоялся. Наверное, из-за отсутствия каких бы то ни было зрительных воспоминаний мне все явственней кажется, что я летел по какому-то замкнутому кругу через время-пространство, что разговор с голосом будущего состоялся только в моем сбитом с толку деформацией времени мозгу. Потому что именно замкнутый круг заставляет задавать бессмысленные вопросы, чтобы получать бесплодные ответы.

Что такого сказал мне этот голос, чего бы я и сам не мог сказать?

И вот я сижу перед диктофоном — загубленный, раздвоенный человек, развалина прежнего монумента космонавта-испытателя! Врачи продолжают подштопывать меня и уверяют, будто я буду трудоспособным еще лет двадцать, но мне столько не надо. Хватило бы сил лет на пять, — столько-то они мне гарантируют, — а там первым полечу через новый туннель, когда будут готовы сооружения на Марсе.

Только этим и держусь. А иногда мстительно веселюсь, как вот сейчас, когда стараюсь подстроить каверзу тем, кто утверждал, будто они читали эти мои воспоминания: время от времени силюсь продиктовать что-нибудь другое, совсем не то, но в последний момент меняю решение. Я-то ведь не знаю, что они читали! Значит, опять-таки я в дураках. И тогда мне становится по-настоящему весело: я вижу, как в определенный день там, в будущем, торжественно возлагают вен-

ки и держат речи перед Памятником первым хрононавтам, под которым я лежу рядом с Тюниным.

Хрононавт! Громкое слово, обозначающее существо, немногим отличающееся от шимпанзе, которых по традиции первыми выстреливали во время. Верно, тут нужна храбрость, но мало ли других профессий, где требуется готовность пожертвовать жизнью! Новое, которое я открыл, состоит вот в чем: легче проститься с жизнью, чем с собственным временем. А за это, пожалуй, и впрямь стоит соорудить памятник. Но поскольку мое открытие пришло позже, а сам я полетел в будущее с обезьяньей наивностью и страхом, то и памятник не может не таить — где-нибудь под фундаментом — немножко иронии. А много ли наберется таких памятников, в которые не была бы вмурована ирония времени?

Это, конечно, тоже — только мое видение, сказка, вроде сказки про орла, который ест твою плоть, чтобы вынести тебя из нижнего царства в верхнее.

Конец записи

НА ПОЮЩЕЙ ПЛАНЕТЕ

Подобие травы, которое они помjali при переноске багажа, пружинисто выпрямлялось.

— Готово, — сказал пилот и отряхнул руки, хотя никакой пыли здесь не было. — Смотрите, как выпрямляется! И какую песню она сейчас поет? Радуетса или ругает нас на все корки?

— Возьмите аппарат и послушайте, — отозвалась женщина и с любезной готовностью протянула руку к наушникам, висевшим на ее высокой груди, точно ожерелье.

Ее можно было отличить от спутника только по этим двум выпуклостям, четко обрисовывавшимся под защитным костюмом: маска дыхательного аппарата закрывала всю нижнюю половину лица. Оба они были в одинаковой одежде, одного роста, смотрели одинаково кротко и терпеливо. Ее голос резонировал в маске, и пилот почувствовал, что предпочитает мелодию этого голоса всем мелодиям планеты. Она была здесь единственной женщиной, и он не знал ее: антропологи, муж и жена, ушли в джунгли до того, как он прилетел на планету. Шесть месяцев они не имели никакой связи с базой!

— Спасибо, уже наслушался. А вам удалось

разобраться в их языке? — пилот помог ей подняться по висячей лесенке; пока она поднималась в орнитолет, взгляд его на секунду задержался на ее бедре, но он тут же виновато повернулся к мужу: — Давайте, доктор, нам пора!

Антрополог придирчиво осматривал поляну, на которой они с женой ждали, когда за ними прилетят. Нельзя ничего оставлять! Чтобы местное население потом не ломало себе голову... Пилот знал инструкции. Ему тоже вдалбливали: пуговка, винтик, оставленные на планете, уже будут вмешательством в ее жизнь. Он еще пошутил тогда: планета запоет великую песнь о пуговке богов... Он не знал, что планета очень скоро осточертеет ему и начнет пугать своим молчанием.

На Земле ее называли Поющей Планетой, забывая ту подробность, что все ее шумы и звуки лежали выше верхнего и ниже нижнего порога человеческого слуха. Посредине царила загадочная тишина. Без наушников-трансформаторов можно было сойти с ума от этой тишины, а в наушниках — от тысяч странных мелодий, которые долетали отовсюду одновременно, вбиваясь в кору мозга. Идти с трансформаторами по джунглям означало продираться сквозь еще более непроходимые джунгли звуков и шумов. Каждый росток и каждая уродливая зверюшка непрерывно произносили свой собственный ультра- или инфраречитатив. Как выдержали эти двое целых шесть месяцев, не произнося ни звука, чтобы не испугнуть аборигенов? Свой багаж антропологи притащили на поляну через джунгли, за десять километров; пришлось два раза сходить туда и обратно, потому что племя аборигенов, которое они исследовали (определенно гуманоидного типа), могло испугаться орнитолета, хотя единственным его звуком был шум от движения крыльев. Его вида аборигены

испугались бы вдвойне: на планете не было летающих существ.

Свой вопрос пилот задал только тогда, когда кабина орнитолета герметически закрылась. Супруги стащили маски и грохнулись в надувные кровати, которые он для них приготовил, но женщина, несмотря на усталость, была готова говорить и говорить без конца. Воздух на планете был годен для дыхания, и масками приходилось пользоваться только при тяжелой работе и во время продолжительных переходов для насыщения легких кислородно-аргонной смесью. Пилот застенчиво улыбнулся, потому что женщина неожиданно оказалась красивой. С такой женой можно прожить шесть месяцев и среди аборигенов пострашнее этих! Тем более при наличии инструкции, которая запрещает всякие разговоры!

— Было не так уж страшно, знаете. Они очень милы и внимательны. Такие нежные, славные...

Он не слышал ее антропологических восторгов. Измученный тишиной долгого полета, он слушал только ее голос, в котором звучало опьянение свободой.

— Мы уже третий раз живем среди них. А с мужем мы давно наговорились. Правда, иногда надоедает писать друг другу записочки на дощечках. И захочешь — не поссоришься, правда? Смешно становится. Иногда я брала его за воротник, утаскивала на пять — шесть километров подальше в джунгли и там изливала душу. Так ругалась, что кусты и деревья корчились от муки.

Пилот засмеялся и повернулся к ее мужу, но тот предпочитал слушать с закрытыми глазами. Он казался намного старше своей жены и выглядел гораздо более усталым. Наверное, и поклажа у него была гораздо тяжелее. Пилот опять почувствовал себя виноватым. Мо-

жет, это чувство вины заставило его вновь вспомнить об их одиночестве. Он спросил:

— И вы были совсем одни? Даже без робота?

— Робота мы им оставили, — быстро отозвалась женщина.

Чувство дисциплины у летчика дало сигнал тревоги.

— Вам разрешили?

— А мы без разрешения. В подарок! — воскликнула женщина, явно стараясь наигранной веселостью отогнать некую тень, далеко не веселую и не легкомысленную. Ее муж, крепко зажмурившись, казалось, старался не слушать их.

— Но это же вмешательство! Если вы хотите вернуться... — осторожно проговорил пилот, потому что ему этого не хотелось.

Пришлось бы ждать еще пять часов одному среди пугающего безмолвия. Ему не полагалось дорогих трансформаторов, но если бы они у него и были, толку от этого никакого. Поющая Планета могла сказать нечто осмысленное только исследователям, пробывшим на ней не менее двух лет. Кроме того, приближалась ночь, а лететь ночью на маломощном орнитолете было небезопасно. Примерно к полуночи в океане иногда возникали инфразвуковые волны, происхождение которых пока еще было не выяснено. Порой они достигали огромной силы, и в первые годы изучения планеты из-за них погибло с десятков романтиков, имевших неосторожность любоваться теплыми ночами на его берегу.

— Вы здесь, наверное, недавно? — спросила женщина, явно не желая отвечать на его вопрос.

— Четвертый месяц. Впрочем, дело ваше. Но мне сказали забрать вас со всей поклажей.

Пилот сел к пульту управления и включил двигатель. Шума не было слышно, только воздух в кабине слегка завибрировал. Орнитолет неуверенно подпрыгнул, как птенец, который учится летать. Он и был птицей — огромной металлической птицей, специально сконструированной для этой планеты, где неуловимые для человеческого уха гармоничные звуки были основным фоном жизни и основным видом связи. Инструкции с Земли были непреклонны: пока Поющая Планета не будет изучена до основания, категорически запрещается вносить в ее жизнь что бы то ни было земное. Поэтому исследовательская станция была расположена в сотнях миль от всего живого. Но более бесшумного и более безвредного средства транспорта, чем орнитолет, человек создать не умел.

— Четыре месяца! Но не знаю, сколько выдержу. Ведь я пилот с межпланетными правами, и эта машина страшно действует мне на нервы. Если сбегу, то только из-за нее. Сейчас увидите, как нас будет швырять ветром, пока...

— Знаю, — улыбнулась женщина у него за спиной. — Не в первый раз летим. Бедные...

Она, приподнявшись, смотрела в иллюминатор и жалела кусты и деревья, которые в ужасе склонялись под плеском огромных, изломанных в суставах механических крыльев. Такого чувствительного к шумам мира человек пока не встречал больше нигде во всей Галактике. Если надеть сейчас наушники, услышишь многоголосый плаксивый писк. Нет, не услышишь — кабина изолирована от волнового излучения. Несмотря на неуклюжие с виду крылья, металлическая птица набирала высоту по стремительной спирали — так поднимается в воздух орел или альбатрос. Пилот спешил лечь на курс, чтобы продолжить разговор. Ми-

нут через пятнадцать, во время которых он слышал только мелодию женского голоса, не стараясь вникнуть в смысл слов, он довольно отряхнул руки:

— Готово!

Женщина засмеялась.

— Откуда у вас эта привычка?

— Какая привычка?

— А вот эта, — и она повторила его движения.

Пилот сконфузился, потому что она засмеялась еще веселее.

— Жорж, ты заметил? У мальчика рефлексы рук двухтысячелетней давности.

Жорж не спал, но глаз не открыл. На его лице лежала печать не только усталости, но и какой-то большой заботы. Пилот сказал чуть виновато:

— Лучше расскажите мне что-нибудь о вашем племени, если вы не очень устали! Я неинтересный объект для антрополога.

Она снова привстала и выглянула в иллюминатор.

— Вы включили автопилот? Хорошо, — женщина принялась шарить в огромной сумке с инструментами, стоявшей на полу рядом с ней. — Пододвиньтесь! Места мало, но попробуем.

Она вытащила портативный проекционный голограф, направила его на освобожденное пространство; ее пальцы ловко регулировали интенсивность лазера.

— Я вам покажу последнюю запись. Вы себе не представляете, какие они милые и нежные! Мы по сравнению с ними — допотопные чудовища.

— Вы понимаете все, что они говорят? — удивился пилот.

— Между собой они общаются при помощи пятисот или шестисот понятий, но остальное... Остального нам, наверное, никогда не узнать. Того, что они говорят

растениям, животным, дождю и ветру. А они разговаривают с ними и все понимают, они понимают свою чудесную планету, а она — их, они не делают друг другу зла и...

— И поют друг другу песенки.

— Не шутите вещами, которых не знаете, — оборвала его она. — Стоит вашему уху немного привыкнуть к трансформатору, какой изумительный мир откроется перед вами! Мир чистых, гармонических эмоций! У нас эмоции препятствуют познанию, наш разум давным-давно с ними не в ладу, неизвестно почему. Такое единство эмоций и познания существует только в нашей музыке, иногда — в живописи и поэзии. Больше его не встретишь нигде. А здесь — оно на каждом шагу. И я очень сомневаюсь, что мы с нашим разумом в состоянии постигнуть Вселенную лучше их.

Пилот перестроился на серьезный лад.

— Вы говорите — растения, животные... Но ведь и на Земле посаженные человеком растения реагируют на наши добрые или злые помыслы, изменяя осмотическое давление? Что-нибудь в этом роде?

— Известное родовое сходство есть, но здесь...

Луч сверкнул у ее руки, и она поспешила отдернуть пальцы. Под носом у пилота затанцевали разноцветные блики. Он перешел к самой стене кабины, чтобы лучше различать фигуры, затем осторожно присел на пол рядом с кроватью. Посреди кабины, над креслом пилота, возникла картина в слишком ярких (фокусное расстояние было очень мало) красках. Какое-то подобие площади посреди селения, состоящего из самых примитивных хижин. Пилот не раз видел такие изображения во время куда более удачных и совершенных голографических демонстраций на базе. На прямой

контакт с аборигенами он, как и весь обслуживающий персонал, не имел права.

Их было около ста тысяч, но они жили разобщенно, небольшими племенами, почти не имели связи друг с другом, хотя, видимо, все друг о друге знали. Питались они только плодами нескольких видов растений, которые в изобилии росли в джунглях, их отношения с не менее странными травоядными животными были равноправно дружескими. По первоначальным человеческим представлениям, они жили в каменном веке своей цивилизации, но были крайне миролюбивы и неактивны. Их приверженцы среди людей — а таких было немало — считали, однако, что за внешней пассивностью скрывается бесконечно богатая духовная жизнь, основанная на волновой гармонии и волновых взаимоотношениях со всем окружающим миром и даже с космосом. Венчик из шестидесяти ушек, красовавшихся на головах аборигенов, обладал чудовищной аналитической способностью принимать и передавать от одного до пятисот ультразвуковых импульсов в секунду. То же самое можно сказать и об их способности восприятия и передачи инфразвуков.

Осторожные эксперименты привели к результатам, которые поколебали самых закоренелых скептиков. Аборигенам давали прослушать запись ультразвуковых излучений звезд-пульсаров, и они, казалось, сразу же вступали с ними в разговор, как со старыми знакомыми. С радостным оживлением они включались и в беседу парочки влюбленных дельфинов, — как известно, дельфины разговаривают в амплитуде от шестнадцати до двухсот ультразвуковых импульсов в секунду. А механический ультразвук летучей мыши, гонящейся за жертвой, испугал их. Пугали их и радиопередачи людей, поэтому исследователи планеты

пользовались только лазерным телефоном, что сильно затрудняло работу.

— Что они делают сейчас? — спросил пилот.

Посреди кабины, в воздухе, на крточках, как жабы, сидело с сотню аборигенов. По строению тела из всех земных существ они больше всего напоминали именно лягушек: длинные ноги с широкими плоскими ступнями, короткие руки с широкими четырехпальными ладонями, плоская голова без носа с двумя щелями, видимо, это были орган зрения и рот. Венчик из шестидесяти ушек делал их похожими на большие странные цветы с розово-оранжевыми лепестками. Тела их были покрыты короткой шерстью цвета сине-зеленых водораслей, мягкой и нежной, напоминающей кротовый мех,

— Слушают, — отвечала женщина-антрополог. — Это их утренний ритуал. Слушают пенье шабана.

— Кого?

— Шабана. Жреца. У людей древности на религиозной стадии развития тоже были жрецы. Нечто вроде духовных вождей. Других предводителей у них нет. Полная демократия.

В центре круга, привставая на широких плоских ступнях, размахивал короткими руками абориген, который отличался от остальных только тем, что на его узких плечах красовались две рубиново-красные ветки растения колитор. Это растение, яркие огоньки которого пламенели кое-где в джунглях, аборигены считали священным.

— Значит... он им поет? — спросил пилот недоверчиво, потому что дуговидный лягушачий рот жреца не открывался, и не было слышно ни звука. Он забыл, что рот служит аборигенам только для принятия пищи, и что его уши не воспринимают их сигналов. — И что он им поет?

Антрополог знала песню жреца наизусть:

— Он им говорит: вы умны и красивы, вы добры и полезны, вы любите всех и все.

— И только?

— И только. Шестьдесят раз повторяет одно и то же каждое утро, на рассвете. Но это — только лейтмотив музыкального произведения очень сложной тональности. Прямо целая симфония.

Пилот усмехнулся:

— Наверное, таким образом он заряжает их бодростью на весь день.

И обрадовался, узнав, что угадал. Жрец замолчал, и в ту минуту, когда он опустил руки, аборигены запрыгали, затанцевали, тела их изумрудно засияли, — очевидно, они умели выражать свои настроения и цветом шкуры. Венчик ушек из розово-оранжевого цвета спокойной любви стал рубиновым, как ветки колитора. Потом все исчезло. Женщина выключила голограф.

— А что еще делает жрец?

— Ничего, только поет. Утром и вечером. Но на закате он поет другое. Вечером он им говорит: Вы не были добры. Вы глупы и пакостливы. Вы — самые глупые и пакостливые создания на всей планете. И так шестьдесят раз. Наверное, число имеет какое-то магическое значение, связанное с устройством их слуховопередаточных органов. Этих органов тоже шестьдесят.

— Гм, не очень приятная колыбельная.

— Видимо, это самокритика, нечто вроде очищения. Но они каждый раз страдают. Ушной венчик бледнеет, шерсть тоже, она становится почти серой.

Пилот посмотрел на пульт управления, где успокоительно светились сигнальные огоньки, и сказал:

— А я опять вспомнил о вашем роботе. Зачем вы его оставили? Могут быть неприятности.

— Пришлось. Их жрец...

— Нела! Прошу тебя... — предостерегающе произнес муж, которого они считали спящим.

— А почему не сказать? Увидишь, он согласится, — прикрикнула на него женщина, наверное, соскучившаяся за шесть месяцев молчания по семейной ссоре. — Их жрец умер. То есть, вернее, мы его убили. По ошибке. Он все вертелся около нас, мы и экспериментировали больше всего с ним. Однажды добрался до лазерного ножа, мы и ахнуть не успели, как он попал под луч. Поражено было бедро, но эти создания так изнежены, — здесь ведь им ничто не угрожает! Он умер тут же, как цветок, — вы наверное, видели, как гибнет цветок под лазерным лучом?... — Кроткие карие глаза женщины наполнились слезами. — Ничего нельзя было сделать. А как им объяснить? Что бы они о нас подумали? Что стало бы с нашей дружбой? Они ведь так нас полюбили, хотя мы для них ничего не сделали, только сидели, наблюдали за ними и тайком вели записи. Все остальное запрещено. Вы бы посмотрели, что с ними было, когда мы сказали, что на некоторое время покинем их! Они так побледнели, что стали почти прозрачными. Их песня превратилась в плач, какой раньше нам не удавалось записать ни у одного племени. А надо вам сказать, что их жрец не оставил после себя преемника. Никто другой не может выполнять его обязанности. Я же вам сказала: хотя по содержанию ритуальные песни крайне просты, по мелодике они посложнее наших модернистских симфоний. Когда жрец чувствует приближение смерти, он выбирает себе преемника из молодых и обучает его. Они очень точно угадывают приближение смерти, смерть наступает естественно, потому что врагов у них нет, —

женщина детским жестом вытерла слезы, и в глазах ее блеснуло лукавство. — Ну, мы взяли его отличительные признаки, перекроили психоробота, вложили в него обе песни. Объяснили аборигенам, что звезды неожиданно позвали к себе жреца, а взамен прислали другого.

— Так у вас был психоробот? Да ведь с ними хлопот не оберешься, — беспокоился пилот и вновь глянул на табло, словно проверяя, есть ли еще возможность вернуться.

— Мы отключили большинство его функций, при помощи которых он служил нам. Вы, наверное, знаете, что психороботы, с которыми мы, антопологи, работаем здесь, внешне являются копией аборигенов. На них мы моделировали поведение и духовную жизнь аборигенов, чтобы не слишком беспокоить их непосредственными исследованиями.

— Ну, и как, они его приняли?

— На записи, которую вы видели, роль жреца исполнял наш психоробот, — торжествующе воскликнула женщина.

Муж, по-видимому, не разделял ее торжества. Он сидел с открытыми глазами, но все так же озабоченно смотрел куда-то в пространство. Идея явно принадлежала ей, и была осуществлена по ее настоянию, несмотря на его возражения. „Слабак“, — подумал пилот, но все же пожалел его и даже осторожно подержал:

— Не знаю... по-моему, это вмешательство чистой воды. На базе наверняка не одобрят.

Красавица воинственно приподнялась с кровати:

— Если бы они по нашей вине остались без жреца, получилось бы еще большее вмешательство.

— Если бы вы их оставили, — с горячностью молодости выпалил пилот, — может, они бы сами что-нибудь

придумали. Отказались бы от жрецов или нашли бы новую форму. Вообще ускорили бы свою эволюцию.

Но женщина, как и все женщины, за словом в карман не лезла:

— Ускорение не всегда ведет к добру.

— Все-таки надо было посоветоваться.

— Как? Связь по лазеру в джунглях почти невозможна. А времени искать место, чтобы пеленговать ретранслятор, не было: вечером жрец должен петь свою песню.

Словно снимая с себя всякую ответственность, пилот встал и перешел за пульт. Сидя к ним спиной, он пошутил:

— Ну, что бы нам теперь спеть, разогнать скуку! Мы умны и красивы, мы добры и полезны, мы...

— Я хочу спать! — перебила его женщина. Смерив разочарованным взглядом его юношеские плечи, она поджала колени и утонула в кровати...

На базе их поступок не получил одобрения. Ученый совет заседал ровно полчаса и единодушно постановил немедленно вернуть антропологов в джунгли. Голографические кадры никого не успокоили, потому что поведение психороботов высшего типа контролировать трудно. Антропологам велели найти преемника для жреца и подготовить его, сколько бы времени на это ни ушло (в психоробота они просто вложили готовую запись ритуальных песен). Снабдили их запасами еды и всеми необходимыми материалами, дали пилота постарше — хотя метеорологический центр и в эту ночь не ждал инфразвуковых волн опасной интенсивности, — и орнитолет, взмахивая могучими крыльями, взмыл в звездное небо.

Пилот, гораздо более опытный, проделал расстояние в два раза быстрее. Они опустились на поляну за четыре часа до рассвета, так что антропологи с частью багажа прибыли к аборигенам как раз во время утреннего ритуала.

Аборигены, сидевшие кружком, не обернулись, хотя узнали их по шагам за целый километр. Антропологи оставили поклажу возле ближайшей хижины и стали дожидаться конца ритуала. Надели на уши трансформаторы, и светившееся в их карих глазах кроткое терпение тут же сменилось изумлением, которое перешло в беспокойство. Трансформаторы оглушили их какофонией звуков: они различили знакомую тревожную песню близких кустов и отдаленных деревьев, пронзительный писк — сигнал опасности, издаваемый травоподобным растением, что растет возле хижин. Растительность не могла так реагировать на их появление, она давно свыклась с их добронамеренным присутствием. Что бы это значило? Они уставились на автомат, выполняющий обязанности жреца. Он был неузнаваем. Все его тело было покрыто пламенеющими ветками колитора, в его песне звучали новые интонации, которые они различили только тогда, когда прослушали ее раз десять.

Жрец весьма воинственно размахивал огромными огненными ветками колитора — аборигены никогда не отламывали таких огромных веток, — и его песня гремела в озвученном страхом растительном мире, споря с ревом океанских волн:

— Вы — самые умные и самые красивые, вы — самые добрые и самые полезные, вас любят все и вся. Вы — самые умные и самые красивые, вы — самые умные и самые полезные, вас любят все и вся...

Ушные венчики аборигенов были пепельно-серыми,

пепельно-серой с черным отливом была и мягкая кротовая шерстка.

— Роби, перестань! — крикнула женщина, но робот продолжал свою странно трансформированную песню с эпитетами, возведенными в превосходную степень. Она сняла дыхательную маску и кликнула его еще раз прежде, чем муж успел закрыть ей рот ладонью.

Женский голос прогремел над площадью, и аборигены рухнули лицом вниз, словно статуэтки поваленные ветром. Хор разноголосых рыданий затрещал в трансформаторах. Нечувствительный к звуковой волне человеческого голоса, по-шутовскому разукрашенный жрец продолжал стоять, размахивая ветками колитора, громким речитативом выпевая гамму: „Вы самые умные и самые красивые, вы самые добрые и самые красивые, вы самые добрые и самые полезные...“

Антрополог не отнимал ладони от рта жены до тех пор, пока она не перестала вырываться. Потом тихо, по коду связи с роботом произнес:

— Психоробот Роби-три! Психоробот Роби-три!

Жрец сразу же опустил руку. Рубиново-красные ветки упали на землю, песня оборвалась, но ответа, что он готов выполнять указания, не последовало. Постояв несколько секунд в нерешительности, робот нагнулся, схватил одну ветку и, держа ее обеими руками, принялся махать над головой, словно это было оружие или зажженный факел. И с еще большим ожесточением запел: „Вы самые умные, вы самые хорошие, вы самые сильные, вы должны подчинить себе все и вся“...

Потом он замолк, потому что антрополог уже бежал к нему, настраивая лазерный нож. Забормотал какие-то звуки из набора сигналов тревоги аборигенов, но, не встретив отклика, бросился наутек, петляя вокруг хижин. Женщина тоже бросилась в погоню, в руках у

нее был лазерный нож — инструмент, при помощи которого они резали и буравили разные материалы и от которого погиб старый жрец. Она пыталась вразумить робота словами, но он схватил одного из упавших детенышей — это был единственный разумный поступок с его стороны — и продолжал бежать, держа несчастного перед собой, как щит. Муж и жена переглянулись и тут же прекратили погоню.

Они отнесли свои вещи в хижину, которая прежде служила им приютом, делая все медленно, не торопясь, словно ничего не случилось. Время от времени они переговаривались с помощью жестов. Аборигены поднялись с земли, они стояли, следя за антропологами через дуговидные щели, и тревожно спрашивали их о чем-то, но те не понимали вопросов, потому что аборигены спрашивали о вещах, которые им самим были не ясны. Жрец стоял на краю поселка — он явно не желал уходить, — и не выпускал из рук сжавшегося в комок перепуганного детеныша. Антропологи старались не смотреть в его сторону. Они быстро разложили вещи, выгрузили инструменты, опять перекинули сумки через плечо и, не проронив ни слова, отправились обратно в джунгли. Когда они отошли от поселка примерно на километр, муж прошипел: „Все, хватит! Довольно, говорю!“ (Жена уже минут десять хлюпала носом, бормоча: „Мамочка, что мы наделали! Мамочка, что вышло!“). Он выбрал самое высокое дерево, вытащил из сумки все, кроме лазерного телефона, и принялся неумело карабкаться по стволу. Прошло много времени, пока он добрался до вершины и нашел удобную ветку. Наушники были предусмотрительно сняты, и он не слышал протестующего недоумения дерева. Дрожащими от напряжения руками определив по компасу направление, где высоко в небе должен был висеть

ближайший секторный ретранслятор, он надел телефонные наушники и возился у аппарата до тех пор, пока не засек пеленгаторный сигнал. Потом поднес телефон ко рту, словно собирался поцеловать его.

Тонкий световой луч попал на огромный отражатель ретренслятора и нашел орнитолет. Он долго объяснял пилоту, что произошло и что надо сделать. Потом спустился на землю, взял жену в охапку и бесцеремонно потащил ее обратно к поселку.

Робот снова собрал аборигенов и стоял в центре образовавшегося круга, размахивая над их головами двумя ветками колитора. Казалось, он решил любой ценой закончить ритуал, хотя солнце давно уже взошло. Антропологи пробрались в свою хижину, легли. Муж жестами приказал жене надеть трансформаторы и придиричливо следить за песней свихнувшегося жреца: он подключил к трансформаторам аппарат записи. Когда она выбилась из сил и лицо ее исказила болезненная гримаса, он сам надел наушники. Окружающая природа все так же разноголоса, но единодушно возмущалась забывшимся роботом. Ритуал уже давно должен был кончиться. Прошел еще час, а робот не унимался. Тогда антрополог снова вытащил лазерный нож, но на этот раз жена остановила его. Отложив нож, он подполз к порогу хижины и посмотрел на площадь. Аборигены, окружив жреца, в оцепенении слушали его новую песню. Они стали коричнево-зелеными и больше чем когда-либо походили на огромных лягушек. Ушные венчики, которые придавали им сходство с цветком, стояли дыбом. И ушки были похожи не на лепестки, а на ряд зубов в овальной челюсти оскаленного зверя.

Антрополог написал на дощечке. „Я его убью!“ и перебросил ее жене, но не двинулся с места. Она поняла, что он просто дал волю гневу. Жрец продолжал петь

с неумолимостью машины, пуская в ход весь диапазон ультразвуковых волн. Он, видимо, собирался слить утреннюю молитву с вечерней, не меняя текста, и, наверное, так бы и сделал, если б слушатели не бросились врассыпную в панике.

Антропологи, которым было уже неважно, сначала не поняли ее причины. Только когда хижина зашаталась под напором необыкновенно сильного ветра, они догадались, что это — орнитолет. Выбежав на площадь, муж и жена тут же упали на землю, чтобы не попасть под ударную волну крыльев. Жрец стоял на опустевшей площадке, видимо, недоумевая, куда девались слушатели. Робот не пугался механической птицы, приближение которой чувствительные аборигены учуяли заранее. Но когда из птицы показалась металлическая рука-кран, он понял, какая опасность ему угрожает, и снова не подчинился людям. На этот раз его бегство было коротким и смешным. Рука молниеносно вытянулась, преградила ему путь, повалила на землю и схватила своими короткими пальцами. Потом садистически медленно подняла его вверх, к неустанно махающему крыльями орнитолету.

Антрополог надел наушники, чтобы услышать, как он будет реагировать. Окончательно войдя в свою роль, психоробот продолжал призывно жестикулировать. Он дергался, он был жалок и смешон, он по-прежнему истерично кричал, стараясь перекрыть тысячеголосый вопль ужаса природы: „Вы самые умные, вы самые добрые, вы должны...“ Антрополог усиленно замахал пилоту руками, этот жест знаком каждому человеку: убирай его отсюда, убирай поскорее! Пилот за стеклом кабины ухмылялся, гордый быстрой победой. Его правая рука поднялась в вопросительном жесте: а вы? Снизу ему еще категоричнее велели убираться. Он

понял: антропологам надо было остаться, чтобы как-нибудь объяснить перепуганным аборигенам, почему звезды прислали птицу и за этим жрецом.

Рука крана сложилась в суставах, и через пару минут трюм поглотил робота, мечущегося, как паяц. Антрополог подумал, что он, наверное, и в трюме будет все так же петь свою надменную песню, и поскорее снял наушники. Ему хотелось слушать только ласковый шум удаляющихся крыльев. А еще ему хотелось услышать голос женщины, стоящей рядом, но она молчала. Тогда он подумал, что надо бы прямо сейчас, не дожидаясь завтрашнего утра, утащить ее в джунгли и хорошенько выдрать, чтобы вдоволь наслушаться, как она ревет. Он обнял ее за плечи и устало прислонился к ней.

Она повернула к нему лицо. Ветер орнитолета высушил ее слезы, сухие глаза сияли. Она коснулась губами его уха и задыхаясь прошептала:

— Послушай! Да ну же, надень трансформатор! Слушай!

И в нетерпении прижалась к нему так, чтобы он мог услышать ее трансформатор. Тысячеголосый хор природы гремел в мембранах, будто звуки органа, волны бурной радости вздымались к небу. И далекие деревья, и близкие кусты, и травоподобная растительность около хижин — все пело свои обычные мелодии, песни приветов в честь посланцев Земли.

Из-за кустов и хижин начали показываться аборигены. Все шестьдесят ушек на их головах сияли розово-оранжевым цветом дружелюбия. Больше чем когда-либо они напоминали живые цветы, — неброские, нежные и скромные цветы, без которых самый великолепный сад был бы беден.

ВПЕРЕД, ЧЕЛОВЕЧЕСТВО!

Сейчас, когда мы уже летим в первый боевой полет, из которого можем и не вернуться, хотя наша задача — не вступать в бой с врагом, а только разведать его местонахождение и боевую оснащенность, я могу только припомнить предысторию конфликта. Настоящую летопись этой войны напишут другие. Если, конечно, война состоится и если после нее вообще останется кто-нибудь, способный писать. Впрочем, история показывает, что настоящие причины войн всегда кроются за незначительными поводами. Но наш повод никак не назовешь мелким. И в этом — главное отличие нашего священного и справедливого похода от всех предыдущих войн Земли.

Все началось в маленьком городке Нима, где находилась психиатрическая клиника известного профессора Зиммеринга. Каким образом это произошло, до сих пор неизвестно, но, как бы там ни было, когда ночь покинула наше полушарие, оказалось, что палаты клиники опустели. Не осталось ни одного пациента, исчезли даже те, кто лежал в смиренной рубашке. Паника среди дежурного персонала, должно быть, поднялась неопишуемая. Газетные репортажи тех дней позволяют составить о ней известное представление. Не

меньшей была паника и в Ниме: двести пятьдесят сбежавших сумасшедших для маленького городка — ужасающе много. К счастью, большинство его жителей знали друг друга, если не по именам, то в лицо, так что им ничего не стоило узнать, кто переодетый сумасшедший, а кто — нет. Однако полиция не сумела найти ни одного пациента профессора Зиммеринга; полицейские же собаки, взяв след, добежали до большой поляны в больничном парке и там начинали крутиться, как безумные, и выть в бессильной злобе. На десятый день врач клиники, дежуривший в ту роковую ночь, покончил с собой, а ее директор — профессор Зиммеринг, крупнейший живой представитель венской школы психиатрии, — сошел с ума и был помещен в клинику профессора Отара, своего заклятого противника в научной области. Однако через неделю клиника профессора Отара также встретила восход пустыми палатами. Исчезло бесследно еще сто восемьдесят шесть душевнобольных; говорили, что большинство из них — опасные сумасшедшие. Исчез и старый профессор Зиммеринг.

Отар выступил на пресс-конференции и заявил, что за всем этим, по его мнению, стоит Зиммеринг, в душевном здоровье которого сам он, Отар, всегда сомневался. Отвечая на вопрос журналистов о том, — как это он, опытный специалист, не смог увидеть, что Зиммеринг симулирует, — Отар вывернулся очень ловко: при такого рода заболеваниях невозможно поставить диагноз за несколько дней, а кроме того, при некоторых видах шизофрении больной развивает необыкновенную сообразительность и способен осуществить свой безумный замысел с изумительной логикой и хладнокровием.

Через три дня после пресс-конференции исчезли па-

циенты пяти других психиатрических больниц, которые, к тому же, находились в разных концах страны. Общественность взывала: как могут пропасть не один и не два, а ровно восемьсот пятьдесят четыре человека, причем в поведении всех этих людей наблюдаются отклонения от нормы, а полиция не может найти ни одного из них. Напрашивалось подозрение, что полиция сама замешана в таинственном происшествии, и ее шефу пришлось уйти в отставку. Однако это ничуть не повлияло на дальнейший ход событий.

Оппозиция вначале держалась довольно осторожно; она только спрашивала через свою газету: „В состоянии ли государство, которое не может уследить за сумасшедшими, заботиться о нормальных гражданах?“ И требовала отставки правительства. Разумеется, правительство не сошло с ума, чтобы подавать в отставку по требованию оппозиции, но когда и восемнадцатая психиатрическая клиника оказалась пустой, хотя ее здание охранял добрый десяток вооруженных до зубов агентов, его положение оказалось весьма шатким. Президент выступил по телевидению. На экране он выглядел очень утомленным, а бы даже сказал, сокрушенным. „Я не знаю, что происходит в стране“ — начал он, и это признание президента тронуло его республику. Затем он призвал граждан сохранять спокойствие, не лишая его доверия и поспешил свалить всю вину на происки соседней страны: дескать, это она похитила дорогих душевнобольных соотечественников с еще не ясной провокационной целью. Но подлинным виновником бедствия в конечном счете, по словам президента, следовало считать нашу хилую демократию, благодаря которой возможны подобные происшествия. Под конец он так завопил против демократии, называя ее давно отжившей формой управления

современным обществом, что кто-то из его советников, видимо, был вынужден толкнуть его в спину за кадром. Президент запнулся, вытер целомудренно белым платочком изборожденное морщинами чело и подавленно заявил, что не видит другого выхода, кроме как объявить военное положение.

Утренние газеты, комментировавшие его речь, еще могли позволить себе роскошь собственного мнения. Одни из них подхватили версию о вражеской руке, другие высказали предположение, что сумасшедшие уничтожены гражданами страны, по мнению которых безнадежно больные — лишнее бремя для общества и их следует просто-напросто истреблять. Сатирическая же газета дерзнула внести предложение о создании бюро импорта сумасшедших, чтобы заполнить пустующие клиники. А оппозиционная газета вновь выступила с вопросами. Почему, спрашивала она, исчезают те, кто, в худшем случае, только ломает мебель и бьет посуду? Разве те, кто толкают народ к катастрофе, не сумасшедшие? Но военное положение было уже объявлено, и такие вопросы не могли сойти с рук. Газету закрыли, а ее редакторов арестовали за подстрекательство к дальнейшему похищению душевнобольных.

В интересах истины следует отметить, что правительство прилагало серьезные усилия к тому, чтобы пролить свет на таинственное происшествие. Две психиатрические клиники были набиты до отказа обыкновенными амбулаторными больными, причем туда были подсланы агенты-симулянты. Но больные, которые до тех пор тихо и мирно сидели по домам, исчезли, несмотря на сильную охрану; агенты же остались на месте, ровно ничего не заметив. Всю ночь они, как и охрана, спали непробудным сном. Молва,

разумеется, искажила эту правительственную меру, представив ее как планомерное выманивание из домов тихих помешанных с целью ликвидации. Радикальная молодежь выбила стекла в правительственных учреждениях, дело дошло до кровопролития, а те граждане, у которых имелись родные и близкие — тихие сумасшедшие, попрятали их. Несмотря на то, что пресса, уже цензурированная, об этом умолчала, паника постепенно охватила всю страну. Даже те, кто никогда не задумывался о том, что на свете существуют душевнобольные, были поражены количеством психиатрических клиник в стране. Ведь раз в обществе возможен такой произвол, то где гарантия, что завтра не объявят сумасшедшим и тебя и ты не исчезнешь в жерле печи или на дне океана, — такие слухи тоже были.

Правительство обратилось в международную полицию, несмотря на то, что этот шаг сильно подорвал его престиж; но поскольку сумасшедших и след простыл, то, естественно, напрашивалось предположение, что они вывезены за рубеж. Объявления, которые Интерпол распространил по всему миру, были более чем странными для этой почетной и выдавшей виды организации: фотография; имя, рост, цвет кожи, волос, глаз; выдает себя за китайца, хотя принадлежит к белой расе; или: воображает, будто он жираф и постоянно вытягивает шею, чтобы смотреть свысока; или: при встрече с людьми воет волком...

Мир смеялся, а правительство начало готовиться к войне с соседним государством. Оно решило, что в такой момент только война может предотвратить революцию. Чтобы придать своим действиям видимость демократии, оно созвало распушенный ранее парламент. Но на улицах столицы были разбросаны листовки, а полиция и правительство получили

анонимные письма, в которых говорилось, что в назначенный день будут похищены сумасшедшие из парламента. „Принимать какие бы то ни было меры бесполезно, — говорилось в письмах и листовках. — Все произойдет так, что вы и не заметите. Как раньше.“ Парламент был обнесен колючей проволокой, окружен танковым кордоном, но ни один депутат не явился на заседание. Одни внезапно заболели, другим понадобилось уехать из столицы по срочным делам. И хотя шутника, устроившего столь поразительный шантаж, тут же поймали, войне так и не суждено было состояться.

Пока правительство прикидывало, как подойти к ее объявлению с другого конца, разведка донесла, что в соседнем государстве, на которое предстояло совершить нападение, сумасшедшие тоже исчезли, только их правительство, наученное горьким опытом соседей, сумело дольше сохранить это в тайне от своего народа. Таким образом президент, оказавшийся перед выбором: либо война, либо отставка, — смог снова появиться на экранах телевизоров и с облегчением объявить, что бедствие постигло и вражеское государство. А несколько дней спустя он отменил и военное положение. Во всех концах земли газеты кричали о том, что психиатрические клиники таинственным образом пустеют.

За всю свою историю человечество не испытывало такого глубокого потрясения. Беспокойство перерастало в мистический страх перед необъяснимым явлением, грозя перейти в повальное безумие. Этому немало способствовали философы, журналисты и политики, комментировавшие события в прессе, а также необдуманные действия ряда правительств. Кое-где сумасшедших выпустили из клиник и отправили по домам. Эти сумасшедшие не исчезли, как их собратья, а

принялись безобразничать. Тогда их свезли обратно в клиники, и тут-то они исчезли, словно испарились. Патриарх философов Герон выступил в печати с глубокомысленными рассуждениями, подхваченными всей мировой прессой: „Если так будет продолжаться и все сумасшедшие исчезнут с лица земли, что будет тогда мерилom нормального? Может ли существовать общество, состоящее исключительно из нормальных людей?“ Церковники же, тысячелетиями жаждавшие чуда, истерически вопили с амвонов: „Покайтесь! Вернитесь в лоно божие! Это провозвестие новых Содома и Гоморры! Бог берет к себе чистых и невинных, чтобы обрушить свой гнев на грешников!“

Особенно страшную панику посеяло произведение выдающегося писателя-фантаста Миноса Папазяна. Весьма необдуманно, руководствуясь исключительно спекулятивными соображениями, он опубликовал рассказ от имени человека, которого по ошибке похитили вместе с сумасшедшими, а потом вернули обратно. Уважаемый фантаст не только не снабдил рассказ подзаголовком, который объяснил бы читателям, что это — фантастика, вымысел, но придал повествованию нарочито „документальный“ вид. В сущности, Папазян разработал весьма банальную для научной фантастики гипотезу, согласно которой человек появился не в результате эволюции земных форм материи, а был „посеян“ на Земле неизвестной высшей цивилизацией в форме предварительно запрограммированных клеток. И теперь эта цивилизация проверяет ход гигантского эксперимента, отбирая индивидов, отклонившихся от запрограммированных алгоритмов, чтобы выяснить, чем вызваны отклонения. То есть, она проводит нечто вроде прополки, — так люди весной пропалывают сады и огороды.

Разумеется, усугублению паники способствовал не только литературный трюк Папазяна. В создавшейся ситуации каждый был готов поверить чему угодно, люди за малым не лишались ума, пересчитывая и пересказывая его „Страшный документ“. Оставшись наедине с самим собой, каждый не без основания думал: „А меня не выполнят? Я-то считаю себя нормальным, а как они, те, что запрограммировали меня? Что думают они?“

Однако, как это обычно бывает с литературными произведениями, не особенно умный рассказ наряду с вредом принес и пользу. Он надоумил людей искать объяснение чудовищной мистике во вмешательстве внепланетных сил. И тогда наконец-то всплыло письмо, которое было получено всеми правительствами давным-давно, однако никто не обратил на него внимания, как это бывает с любым анонимным розыгрышем и злостным шантажом. Я изложу письмо почти целиком, потому что именно оно вызвало революционный поворот в истории человечества, на пороге которого мы сейчас находимся.

В письме, написанном на обычной земной пишущей машинке (электрической), сообщалось, что его авторы — большая группа представителей внеземной цивилизации — долгое время тайком изучали жизнь на Земле. В процессе исследований многие члены экспедиции часто принимали вид землян, однако при этом их неоднократно ловили и сажали в ужасные заведения, которые люди в обиходе называют сумасшедшими домами. Там они убедились, что человечество по необъяснимым причинам весьма скверно относится к значительной части своих собратьев. Этих людей считают ненормальными, изгоями, бременем для общества. Поэтому экспедиция решила позволить себе

поступок, который человечество не сочтет за агрессию или вмешательство в земные дела: она перенесет людей, которых их сородичи считают бременем, на другую планету, где им будут созданы благоприятные условия, и таким образом избавит их от неоправданного насилия. В настоящее время экспедиция воздерживается сообщить местонахождение выбранной для этой цели планеты, ибо не знает, как будет реагировать на это человечество. Продолжительные исследования показали, что цивилизация, каковой именует себя человечество, никогда не знает, чего она хочет. Однако члены экспедиции в любой момент готовы проинформировать человечество о состоянии изъятых сумасшедших. Дальше следовали координаты в наших математических величинах, которые указывали в качестве источника информации Проксиму Центавра, и подпись: ваши собратья из большого звездного объединения, которое вы называете Галактикой.

Так как Проксима Центавра — самая близкая к нам звезда (1,3 парсека), станция на Луне тут же послала вызов по указанным координатам. Дело казалось безнадежным: согласно нашим теориям, ответа следовало ожидать не раньше, чем через девять лет. Каково же было всеобщее изумление, когда он был получен всего через неделю! Не было никакого сомнения, что ответ пришел точно из указанного квадрата, а это противоречило нашим знаниям о предельной скорости движения волн. Либо эти существа находились гораздо ближе Проксимы, либо они обладали средствами связи, превышающими скорость света, либо же наши представления о Вселенной, несмотря на огромные успехи науки, в корне неверны. Все это до того сбilo с толку ученых, что они не посмели обнародовать содержание ответа, и только после повторного экспери-

мента, после того, как завязалось нечто вроде диспута с неизвестными существами, послание стало достоянием человечества.

Связь с инопланетной цивилизацией, о чем когда-то так мечтали, теперь никого не обрадовала. Да и кто бы мог представить себе такое? Явились на планету и из-под носа, не спрашивая, утащили наших собратьев землян! Пусть они не вполне нормальны, пусть даже неизлечимо больны, но ведь они свои, земные! Ураган всеобщего негодования пронесся над планетой, и никакие послания безымянных похитителей не могли его утихомирить. К тому же в их объяснениях было нечто обидное; какими бы они ни были высоко развитыми, как бы подробно ни изучали нас, они явно не смогли постичь тонкостей земной жизни. Это было видно и по тому, что они обвиняли нас в несправедливом отношении к психическим больным. Кто-то из больных якобы утверждал, будто он собака, а мы ему не верили и плохо с ним обращались. Их проверка показала, что животное, называемое собакой, пользуется большой любовью человека. Почему же мы столь нетерпимы к желанию своего собрата, который мечтает пользоваться таким же уважением и любовью?

Вначале мы попытались ознакомить их с понятием „человечность“, разъяснить, что оно происходит от слова „человек“ и что, следовательно, мы сами имеем право решать, как нам друг к другу относиться. Осторожно намекнув, что они ничего не смыслят в земных делах, мы попеняли им на то, что они не попытались установить с нами связь прежде, чем предпринять свою ничем не обоснованную агрессию. Затем мы позволили себе предъявить нечто вроде ультиматума: хотите жить с нами в мире — верните сумасшедших! На это последовал и вовсе обидный ответ: наблюдения, мол,

убедили их, что мы в своей эволюции еще не достигли способности поддерживать мирные и плодотворные контакты с другой цивилизацией, поскольку между нами самими не существует таковых отношений. Поэтому они, дескать, и отложили контакты. А наша реакция лишний раз подтверждает, что они правы. В ней нет никакой логики. Мы плохо относимся к этим людям, хотя они ни в чем не виноваты перед обществом, считаем их бременем и в то же время требуем их обратно. Если они нам нужны, зачем мы их изолировали от общества? А если они нам ни к чему, то почему мы требуем их возврата?

Вместе с посланием был получен фильм о жизни на неведомой планете. В дивной местности стоял роскошный, замечательно красивый город, какой на Земле будет создан еще неизвестно когда, а по его улицам и паркам прогуливались наши сумасшедшие. Многие узнали своих близких и родных. Нас пытались уверить, что наши похищенные собратья чувствуют себя отлично, что среди них не наблюдается заболеваний, случаев смерти и так далее. Но кого они хотели убедить? Институты изучения общественного мнения задавали одни и те же вопросы: хотите ли вы получить своего сумасшедшего обратно? Как вы оцениваете поступок неизвестной цивилизации? Ответы были категорические: люди требовали своих сумасшедших обратно и считали их похищение грубым посягательством на престиж Земли. Кое-где толпы людей, охваченных земным патриотизмом, просто побили камнями нигилистов и пораженцев, у которых хватило наглости утверждать, будто мы завидуем нашим сумасшедшим, завидуем свободе и роскоши, в которой те живут; они даже предлагали заключить с неизвестной цивилизацией соглашение и впредь отправлять туда наших

душевнобольных до тех пор, пока сами не научимся их лечить. (Здесь следует упомянуть, что к этому времени психиатрические клиники на Земле были набиты до отказа: многие не выдержали небывалого нервного напряжения, охватившего человечество; появилась также уйма симулянтов, которые стремились попасть в клиники с тайной надеждой подвергнуться похищению).

Общество объединенных наций единодушно проголосовало за патетический призыв прекратить все локальные войны и все споры перед лицом угрозы, нависшей над планетой. Отдельным государствам было предложено отдать военные бюджеты в общий котел — на создание космических боевых средств, единой космической армии, которая могла бы эффективно защищать Землю от посягательств со стороны.

И чудо свершилось. Впервые все правительства отозвались на призыв своей организации. Национальные и расовые раздоры прекратились. Под эгидой ООН за неимоверно короткий срок была создана первая армия всего человечества. Наконец-то человечество объединилось; можно было подумать, что только наличие душевнобольных мешало ему сделать это раньше.

И вот мы в пути! Пятнадцать космолетов-разведчиков. Я так счастлив, что попал на один из них в качестве журналиста. Не смею приписывать этот факт своим профессиональным достоинствам; скорее, здесь сыграло роль то, что мы на нашем земном языке называем удачей. И если меня что-нибудь беспокоит, так это следующий вопрос: а вдруг неизвестный противник попытается отвертеться от войны, увидев нашу решимость сражаться не на жизнь, а на смерть из-за такого (в их понимании) абсурдного повода? Было бы не полюдски завершить все дело мирными переговорами. К счастью, наш боевой дух и решимость отстоять земной

престиж столь высоки, что пока у меня нет оснований сомневаться в том, что здравый человеческий разум наверняка не допустит позорных компромиссов!

Пролетая мимо Марса, мы приняли поздравления и наилучшие пожелания тамошней станции, уже превращенной в передовой боевой пост. Дальше — полная неизвестность. Что принесет она нашей прекрасной Земле? Но не будем терять веру в ее счастливую звезду, дорогие будущие читатели моих скромных репортажей.

Вперед, человечество!

СОДЕРЖАНИЕ

Елена прекрасная	5
Вся правда о Топси	63
Еще раз к вопросу о дельфинах	76
Накорми орла!	102
На поющей планете	127
Вперед, человечество!	146

Любен Дилов

НА ПОЮЩЕЙ ПЛАНЕТЕ

Редактор болг. текста *Людмил Ангелов*

Художник *Румен Ракшиев*

Худ. редактор *Скарлет Бугарчева*

Техн. редактор *Донка Алфандари*

Корректор *Светла Иванова*

Формат бумаги 70/90/32. Печ.л. 10

Государственная типография „Балкан“

**ЛЮБЕН ДИЛОВ (1927) — современ-
ный болгарский писатель. Автор
сборников рассказов; сборников фан-
тастических новелл, романов „Я пом-
ню эту весну“ (1964, на русском язы-
ке — 1966), „У страха много имен“
(1967, на русском языке 1969, 1975) и
др.**

**библиотека
„Болгария“**

София Пресс

20 коп.